

Кл $\frac{24}{13}$

21
КиД

ПОВЗДКА

90 $\frac{1-80}{12485}$

ВЪ КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

ВАКАЦІОННЫЕ ДНИ

ПРОФЕССОРА С. ШЕВЫРЕВА

ВЪ 1847 ГОДУ.

Въ двухъ частяхъ.

(Съ 25-ю литографированными рисунками).

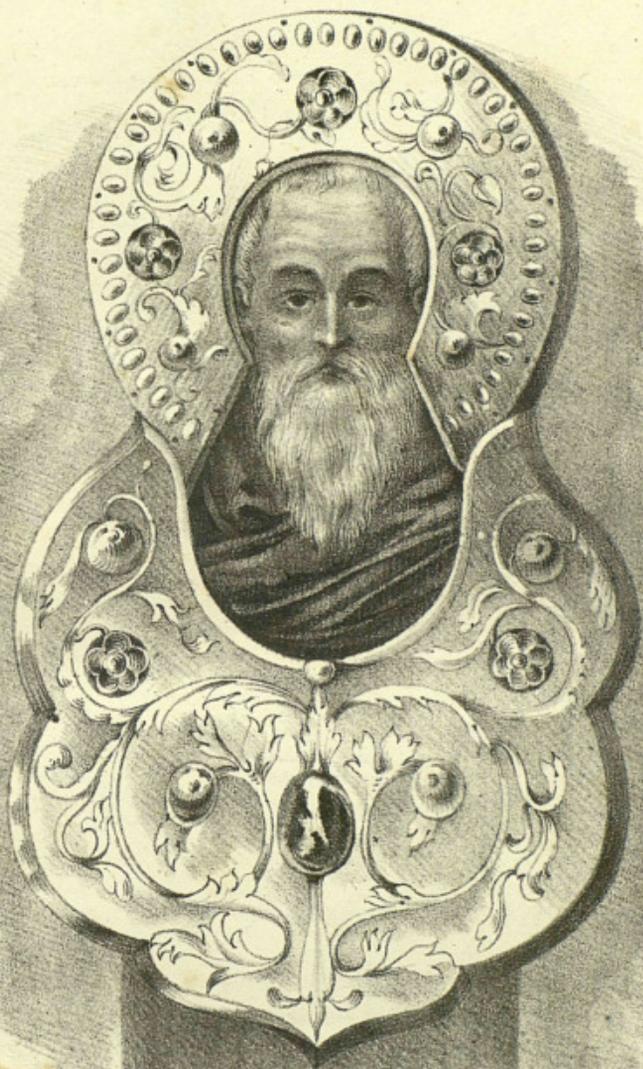
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1850.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Цѣль поѣздки и описанія. — Путешествія по Россіи. — 24-е Июля. — Воспоминанія по дорогѣ къ Троицѣ. — Мытищи. — Село Пушкино. — Хатьковъ монастырь. — Странники. — Дорога до Троицы. — Лавра. — Юродивый съ хлѣбомъ. — Литургія у раки Препод. Сергія. — Мысль всей жизни Преп. Сергія. — Трапеза. — Картины на стѣнахъ и странники. — Иконы. — Ризница. — А. В. Горскій. — Его Исторія Флорентійскаго собора. — Ученые Московской Духовной Академіи. — Библіотеки: Академіи и Лавры. — Новое открытіе А. В. Горскаго о годѣ изобрѣтенія Славянской грамоты. — Рукописи. — Ф. А. Голаубицскій. — Двойной характеръ его бесѣды. — Мысли о нѣмецкихъ философахъ. — Богоугодныя заведенія при Лаврѣ. — Визанія. — Церковь. — Домъ Митрополита Платона. — Геосиманія.

Мнѣ нуженъ былъ отдыхъ отъ трудовъ академическаго года. Я хотѣлъ согласить его съ занятіемъ по сердцу. Ни на чемъ такъ нельзя отдохнуть челоуѣку, утомленному кабинетною жизнію, какъ на пути скоромъ и дѣятельномъ. Здѣсь мысль, не прерывая своего занятія, живетъ виѣшними предметами. Впечатлѣнія смѣняются быстро: душа, освѣжившись, бодрѣй возвращается въ свой внутренній міръ.

Давно желалъ я взглянуть на предѣлы нашего сѣвера. Особенно хотѣлось мнѣ посѣтить бѣлозерскія мѣста, съ которыми связана память преподобнаго Кирилла, одного изъ просвѣтителей тамошнихъ краевъ въ эпоху Татаръ. Лѣтомъ 1847 года, удалось мнѣ исполнить это желаніе. Кратокъ по времени былъ мой отдыхъ и путь; но много впечатлѣній прошло по душѣ; много новыхъ свѣдѣній собрала память: не хочу, чтобы это пропало даромъ, и рѣшаюсь передать читателямъ.

Въ дорогѣ все случайно: не знаешь, на что нападешь; не знаешь, съ кѣмъ встрѣтишься и что замѣтишь.

Я имѣлъ цѣль предположенную въ своей поѣздкѣ, но не пренебрегалъ ничѣмъ, что любопытнаго попадалось на пути. Пускай рассказъ мой будетъ вѣрною, незатѣйливой копіею съ самаго странствія. Мыслящая бесѣда съ замѣчательнымъ человѣкомъ, живыя рѣчи простолюдиновъ, мѣстность природы, впечатлѣнія городовъ и селъ, памятники древней Руси, монастыри, храмы, иконы и хартии, дѣятельность Россіи новой, обычаи и нравы, преданія, языкъ народный и его физиогномія — все взойдетъ въ мой рассказъ, безъ строгаго порядка и связи, все какъ случилось. Спутникъ мой, Н. В. Б., владѣющій карандашемъ съ такою же граціей, какъ и стихомъ, снялъ нѣсколько очерковъ, за которые я ему весьма благодаренъ. Пускай они очевиднымъ напомниманіемъ оживятъ мое слово.

У насъ есть люди, готовые осмѣять даже мысль о путешествіи по Россіи. Выдавая себя за строгихъ поклонниковъ запада, они въ этомъ случаѣ однако позволяютъ себѣ отступать отъ него, потому что западъ не только не пренебрегаетъ такими путешествіями, но ввелъ ихъ въ моду и непрерывно обогащаетъ свою литературу ихъ описаніями. Мы также весьма охотно читаемъ ихъ, но въ этомъ чтеніи насъ не столько занимаютъ рассказы объ нашемъ отечествѣ, сколько мнѣніе, какое объ насъ составили западные путешественники. Данныя мы всегда признаемъ невѣрными, неосновательными, и даже извиняемъ въ томъ: гдѣ же иностранцу, говоримъ мы, не знающему ни языка, ни исторіи нашей, собрать вѣрные факты о землѣ и народѣ? Но мнѣніе, не смотря на то, для насъ все таки имѣетъ великую цѣну и важность, хотя логически слѣдовало бы такъ заключить: данныя неосновательны, слѣд. и мнѣніе, изъ нихъ выведенное, таково же. Но подобное заключеніе требуетъ другаго условія. Надобно имѣть для того мнѣніе о самихъ себѣ, какъ нація, а мы покаместъ его еще не составили — и потому дорожимъ мнѣніемъ другихъ, точно такъ какъ всякій человѣкъ, не имѣющій о себѣ самостоятельнаго мнѣнія, хотя съ вида и стойкій, зависитъ отъ постороннихъ.

Есть еще причина, почему поклонники запада считают невозможнымъ путешествіе по Россіи. Эта причина, надобно съ ними согласиться, самая основательная; она состоитъ въ недостаткѣ комфорта, великаго плода Европейской цивилизаціи, столько лестнаго самолюбію нашей человѣческой природы. Справедливо говорятъ: въ Россіи можно только ѣздить по дѣламъ, а путешествовать не лзя. Въ самомъ дѣлѣ, вы путешествуете только за границей: путешествіе тамъ сопровождалось, покрайней мѣрѣ прежде, всякой день, прекраснымъ завтракомъ, вкуснымъ обѣдомъ, мягкой постелью. Странствуя по Россіи, вы непрерывно подвергаетесь тѣмъ лишеніямъ, которыя для инаго, скованнаго привычками воспитанія, просто невыносимыя несчастія, удары судьбы; вы на самихъ себѣ, и ночью и днемъ, чувствуете почти всякой часъ, какъ отстали мы въ комфортѣ жизни передъ другими — и выносите чувство неприятное, могущее повредить всякой пользѣ, еслибы эта польза была даже возможна. Съ этимъ не лзя не согласиться. Кто противъ этого можетъ спорить?

24-го Іюня я выѣхалъ изъ Москвы, въ Крестовскую заставу. Ивановъ день сказывался вѣнками цвѣтовъ на поярковыхъ шляпахъ фабричныхъ щеголей Московскихъ. Красныя рубашки, синіе халаты и черныя кудри подъ увѣчанной шляпой мелькали безперерывно. Весела физиогномія нашего промышленника, котораго кормить Москва своею работою; его довольство блещетъ въ его нарядѣ; праздникъ принадлежитъ ему — и онъ не чувствуетъ тяжелой нужды продать его за деньги. Но лицо его слишкомъ рано теряетъ цвѣтущую краску юности; рано морщины втираются въ него и разрушаютъ свѣжесть тѣлесную; глаза темнѣютъ и тупѣютъ; подъ наружнымъ забытьемъ и весельемъ таится что-то болѣзненное и мрачное. Причина всему — вино.

Катясь по Троицкому шоссе, наслаждаешься выгодами Европейской гражданственности и въ тоже время вспоминаешь старинную Русь съ ея царскими походами. Вотъ на лѣво Марьина роща и поле, гдѣ подъ шатрами отдыхалъ

Царь Алексѣй Михайловичъ съ своею Царицею. Вотъ древняя глава церкви села Алексѣевского! Вотъ Тайнинское—забавъ Царя Алексѣя Михайловича! Путевыя впечатлѣнія И. М. Снегирева—необходимая книжка для мыслящаго странника къ Троицѣ: они оживляютъ дорогу памятью минушаго.

Но какъ изгладились слѣды его! Ужь нѣтъ дворца въ Алексѣевскомъ, гдѣ Карамзинъ съ какою-то любовью смотрѣлъ на тѣ вещи, которыя принадлежали еще къ характеру старой Руси; съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ брался рукою за дверь, думая, что нѣкогда отворялъ ее родитель Петра Великаго, или Канцлеръ Матвѣевъ, или собственный предокъ его, служившій Царю, и чувствовалъ, что въ немъ не простыла Русская кровь! Въ селѣ Тайнинскомъ нѣтъ уже давнымъ давно дворца Елисаветы Петровны, который еще при Карамзинѣ продавался на свозъ! Въ Братовщинѣ — ни деревянной церкви, ни царской вышки, въ которой на мягкихъ перипахъ отдыхалъ Царь Алексѣй Михайловичъ.

Въ Мытицахъ Европейская цивилизація вамъ напомянитъ обычай заграничныхъ дорогъ. Вы приведете на память этотъ Нѣмецкій Schein, который васъ такъ часто будилъ ночью! Не худо замѣтить для новичка-странника по этимъ Европейскимъ дорогамъ, что ярлыкъ, который дадутъ вамъ за ваши деньги, надобно сберечь на дальній путь, еслибы даже сторожъ и сказалъ вамъ, что вы можете сдѣлать съ нимъ все что хотите. Помню, за границей, мнѣ всегда хотѣлось на самомъ ярлыкѣ прочесть, что съ нимъ дѣлать, на примѣръ: *отдать на такой-то станціи.*

Самоварная промышленность предлагаетъ вамъ отвѣдать чаю изъ самой лучшей подмосковной воды. Преданіе именуется родникъ *громовымъ колодеземъ*; такое названіе нерѣдко встрѣчается въ Россіи; народъ вѣрилъ, что небесная молнія открывала лучшую воду людямъ. Есть еще у насъ *святые колодцы*: они вырыты руками святыхъ мужей, потрудившихся для здравія народнаго. Эти колодцы открыты также святымъ вдохновеніемъ съ неба.

Село Пушкино, какъ говорятъ, славится своими хороводами. Думая, что въ Ивановъ день они соберутся, мы остановились здѣсь напиться чаю. Но хороводовъ не было. Соедняя фабрика отнимаетъ праздничные дни у народа. Трудъ, конечно, полезнѣе пѣсень. Нѣсколько дѣвушекъ въ нарядныхъ платьяхъ сидѣло на залавкѣ у одного богатаго крестьянскаго дома. Не вдалекѣ отъ нихъ стоялъ молодой щеголь села, хозяйской сынъ, видный собою, въ плисовой сборчатой коротенькой поддѣвкѣ, которая сжимала стройный станъ его; изъ подъ нея видна была цвѣтная пестрая рубашка; русыя кудри вились изъ подъ шляпы; сложивши руки, гордо стоялъ онъ и поглядывалъ на дѣвицъ; видно было, что онъ щеголялъ собою и своимъ нарядомъ. — «Что не водите хороводъ, дѣвушки?» — Да вотъ мѣлодцы не затѣваютъ, отвѣчали онъ, указывая на щеголя. — «Что же, другъ, не позовешь ихъ?» — Да куда мнѣ звать? это нашъ домъ: вотъ онъ сами пришли ко мнѣ въ гости и незваные. — Вотъ и еще успѣхи цивилизаци, подумалъ я. Уже это нравы прямо изъ современныхъ Парижскихъ водевилей, гдѣ мѣръ теперь выводится наизнанку и дѣвушки волочатся за мужчинами. Я думалъ, что вижу передъ собою сцену изъ *Fièvre brûlante* въ подмосковныхъ костюмахъ.

Грудные младенцы на рукахъ у матерей и ребятишки, бѣжавшіе около нихъ, привлекли мое вниманіе. Какъ они блѣдны и тощи! Какой болѣзненный видъ! Прежде это случалось съ барскими дѣтьми. Нравы родителей видны на дѣтяхъ. Грустно!

Я прошелся по селу. Его веселая наружность мнѣ полюбилась. Взшелъ на колокольню. Прекрасенъ видъ на окрестность; извивы рѣки Учи его оживляютъ. Волновались поля будущою жатвой. Вдали видна фабрика. Она отняла у насъ хороводъ; но спасибо ей за то, что кормитъ народъ и приучаетъ его къ честному труду.

Соседъ съ колокольни, мы гуляли вдоль по селу. По дорогѣ тянулся обозъ отъ Троицы. Впереди ѣхала кибитка. Въ ней сидѣлъ священникъ. Насъ поразила благообразная красота его. Никогда еще не встрѣчалъ я такого чуднаго

лица, котораго черты намѣнали бы такъ ясно на божественный ликъ, коему мы поклоняемся на иконахъ. Кстати такой прекрасный даръ удѣленъ служителю алтаря, особливо если черты души отвѣчаютъ чертамъ лица. У насъ, по какому-то предрасудку, совѣстно остановить вниманіе на прекрасномъ лицѣ, какъ будто бы это не созданіе Божіе, достойное изумленія. — Духовенство наше отличается вообще крѣпостью тѣлосложенія и свѣжестью силъ: добрый признакъ его чистыхъ нравовъ. Пускай иноземцы укоряютъ у насъ это сословіе въ томъ, что оно слишкомъ отдѣлено отъ другихъ. И прекрасно: такимъ только образомъ можетъ оно уберечь себя и свои тѣлесныя силы.

Идучи по селу, я вмѣшался въ народный разговоръ. Крестьянинъ всегда радъ бесѣдѣ съ нами — и весьма радушно принимаетъ наше слово. Въ этомъ всего лучше выражается его добрая душа. Полетъ воздухоплателя еще былъ здѣсь свѣжею новостью. Памятно мнѣ слово одного простолюдина: «Самъ себѣ смерть покупаетъ.» — Что бы вамъ такъ? спросилъ я. Вѣдь вотъ вы сколько трудитесь, сколько работаете, а толи дѣло? слеталъ на воздухъ, да взялъ себѣ денежки. — «Нѣтъ, баринъ, страшно.» — Да вѣдь ты пойдешь же на смерть, если отдадутъ въ рекруты? — «Та ли это смерть, баринъ? Это служба великому Государю.» — Величаво было это слово — и величавъ видъ, съ какимъ произнесено оно.

Люблю я бесѣду съ нашимъ народомъ. Она для меня всегда поучительна и мыслію и словомъ. Мысль его свѣжая, незаученная; таково и слово. Кромѣ того, послѣднее нерѣдко бываетъ для меня отголоскомъ изъ памятниковъ древняго языка. Одинъ Владимірскій плотникъ говорилъ мнѣ недавно: вмѣсто взялися — *ѣмся* все сдѣлать. Мнѣ такъ и припомнилось выраженіе изъ Несторовой лѣтописи — *ѣмся* по дань. Но Владимірцы сознаютъ однако, что рѣчь Московская чище: — «у насъ во Владимірской губерніи *говорятъ спрѣ*», такъ выражаются они, и, приходя въ Москву на работу, стараются поскорѣе перенять наше произношеніе и складъ рѣчи. Москву они уважаютъ и

любить за то, что она ихъ кормить; но у нихъ есть на нее и пословица, не совсѣмъ выгодная: *Москва кому мать, кому мачиха*. Въ городѣ у насъ считаютъ они себя чужими, а потому и ходять сѣрд — не щеголяютъ; но за то у всякаго на селѣ, у того мать, у другаго жена, бережетъ красную рубашку да синій халатъ къ его возврату: придетъ плотникъ съ Москвы къ сѣнокосу домой — и тогда-то наряжается онъ въ береженое платье, и щеголемъ идетъ къ обѣднѣ въ сельскую церковь, гдѣ увидятъ его люди свои, знающіе его и по имени и по рожденію.

И. П. Сахаровъ въ Сказаніяхъ Русскаго народа говоритъ, что пѣсня: *Не будите меня молоду*, поется въ селѣ Пушкинѣ съ какимъ-то народнымъ торжествомъ, и что Московскіе жители нарочно ѣздить туда слушать эту пѣсню. Миѣ хотѣлось повѣрить это на дѣлѣ — и я обратился къ одному изъ первыхъ мастеровъ хороводныхъ пѣсень, который сказалъ миѣ, что эта пѣсня поется здѣсь, какъ всякая другая, и что въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Неужели такъ скоро измѣнился обычай?

Было пора ѣхать въ дорогу. Хозяйка на прощаніѣ приглашала опять на возвратномъ пути. »Къ намъ заѣзжаютъ-де все лучшіе господа; мы эдакъ изъ простаго народа никого къ себѣ не пускаемъ, какъ другіе; у насъ не такой-де домъ; оно, знаете, *тово-вотко* нечисто».... А! вотъ и аристократія въ сельскихъ нравахъ!

Когда своротилъ съ большой дороги на Хатьковъ, мѣста дѣлаются живописнѣе.

Рано утромъ, перешедъ рѣчку Вору, я пошелъ въ монастырь, просѣкой лѣса, вверхъ по горѣ. На мосту, передъ самымъ монастыремъ, встрѣтили мы многихъ странниковъ изъ Москвы. Я спрашивалъ: кто откуда? Тотъ съ Воробьевыхъ горъ, другой изъ подъ Боровска, этотъ изъ Рязска. Особенно заняла меня старушка изъ Каширы: она въ болѣзни дала обѣщаніе сходить къ Угоднику — и теперь его исполняетъ: «не было бы рукъ, ни ногъ — каткомъ бы покатила къ чудотворцу.» На мосту сидѣли нищіе: не проходилъ ни

одинъ богомолецъ, какъ бы самъ бѣденъ ни былъ, не подавши имъ милостыни, деньгами, хлѣбомъ, сухаремъ. Вотъ и у моей старушки въ буракѣ были размоченные водой сухари, ея пасущая пища; деревянной ложкой зачерпнула она ихъ и положила въ чашку нищаго, сопровождая даръ крестнымъ знаменіемъ и молитвой.

Не умолкаютъ панихиды у раки блаженныхъ родителей Преподобнаго Сергія. Какъ въ этомъ обычаѣ до сихъ поръ выражается мысль проповѣдника Пресвятыя Троицы, который и теперь, приглашая къ себѣ странниковъ, даетъ имъ на пути урокъ благочестія семейнаго и сыновнихъ обязанностей! Какъ ни алкала его душа иноческой жизни и пустыннаго уединенія, но онъ внялъ голосу больныхъ и престарѣлыхъ родителей, и служилъ имъ до конца ихъ жизни, и тягостная житейская нужда ихъ сдерживала въ немъ даже порывъ высокаго призванія! Эти отношенія семейныя составляютъ прекрасную человѣческую черту въ характерѣ Преподобнаго Сергія, черту, которой особенно сочувствуетъ нашъ народъ.

Толпы нищихъ, въ оградѣ монастыря, избалованныхъ милосердіемъ странниковъ, непрерывно упражняютъ въ нихъ эту добродѣтель: вѣдь это также занятіе. Слѣпая съ трехъ лѣтъ отъ рожденія сидитъ у воротъ монастырской ограды. Восемьдесятъ семь лѣтъ служила она тутъ и именемъ Христовымъ питала себя, и вѣроятно, семью свою.

Дождикъ ливня лилъ, когда отправились мы къ Троицѣ. Заволокло со всѣхъ сторонъ — и на сплошномъ сѣромъ небѣ ни трещинки, которая обѣщала бы перемену къ лучшему. Но мнѣ было не скучно: я говорилъ съ извозникомъ. Малой, 21-го года, не женатый, рассказывалъ мнѣ, какъ учила его читать и писать монахиня Хатькова монастыря, когда было ему еще девять лѣтъ. Мнѣ припоминались времена древней Руси, когда монастыри наши были первоначальными школами для всѣхъ сословій. Видно и теперь грамотность нашихъ крестьянъ, даже и полъ Московю, въ томъ же завѣдываніи обителей. Мѣщане учатся

болѣе въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Выучка чтенію стоила отцу его 20 рублей ассигнаціями, да за письмо столько же.

Парень весело рассказывалъ мнѣ о ихъ осеннихъ и зимнихъ посидѣлкахъ. Карты проникли и въ хижины нашихъ поселянъ. Парни съ дѣвками играютъ въ свои козыри и въ короли. Особливо веселитъ ихъ послѣдняя игра, когда король раздаетъ разныя приказанія, угодныя ихъ вкусу. Въ хороводахъ любимыя пѣсни: *Зачѣйка*, *Взойди красно солнце, ни низко ни высоко*. Пѣсни старыя лучше новыхъ, говорилъ представитель молодого поколѣнія. А кто сочиняетъ у васъ эти пѣсни?—Да такъ, другъ дружкѣмъ, другъ у дружки перенимаемъ, повторилъ онъ мнѣ отвѣтъ, который слыхалъ я и прежде въ разныхъ концахъ Россіи. Иногда заѣзжіе въ деревню завезутъ новую пѣсню въ гости. Парни болѣе учатся у дѣвушекъ. Языкъ извощика былъ для меня урокомъ въ нашей Московской народной рѣчи. Особенно останавливало мое вниманіе обиліе уменьшительныхъ нарѣчій, какъ на примѣръ: *теперичка*, *тутотка*. Едва ли какойнибудь языкъ простираетъ до того страсть свою уменьшать всѣ слова, какъ нашъ народный. Въ этомъ сходимся мы съ другими Славянскими племенами. Болгары уменьшаютъ мѣстоименіе личное: *азъ* до нельзя—*азика*, *азикана*, *азиканака*. Мнѣ этимъ объясняется наша простонародная откличка: *ась?* которая конечно есть нашъ славянскій *азъ* т. е. я. Народъ и его уменьшаетъ и превращаетъ очень граціозно въ *асенька*.

Видно, что парень мой былъ охотникъ до пѣсенъ, но отъ Хатькова до Троицы никогда не раздается пѣсня извощика. «Не хорошо пѣть пѣсни на такомъ святомъ пути,»—сказалъ мнѣ скромный юноша. Этотъ путь, богомольный странникъ долженъ посвятить поминанію родителей Св. Сергія. Блинки, которые предлагаютъ на дорогѣ, какъ Русское лакомство, указываютъ на древній обычай поминанія. На походахъ Царей къ Троицѣ подносились и имъ блинны, согласно тому же обычаю. Въ лѣсу раздается иногда чтеніе Псалтири, совершаемое благочестивыми бого-

мольцами, поселившимися около этихъ святыхъ мѣсть. Это также голюсь вѣковаго поминанія.

Дождь не переставалъ во время нашего разговора. Вдали, на закатѣ, у края неба, стало прочищаться. Но лишь только мы выѣхали изъ лѣса на поляну и понесли по березовому проспекту, влѣво семицвѣтная дуга двойною окружностью охватила небесный сводъ. Давно уже не видалъ я такого зрѣлища. Мы остановились передъ нимъ. Радуга надъ Москвою ломается о верхи колоколенъ и домовъ. Здѣсь оба конца ея очевидно упирались на чистое поле—и всѣ семь цвѣтовъ ея горѣли ярко, ярко. Влѣво сіяла Лавра въ лучахъ заходящаго солнца своими золотыми главами. Нельзя было найти счастливей минуты для вѣзда въ святую обитель.

На другой день утромъ юродивый дарить васъ хлѣбомъ. Даръ его безкорыстенъ. Денегъ онъ не беретъ, а если кто насильно и дастъ ему, онъ раздаетъ тотчасъ нищей братіи. Въ этомъ дарѣ выражается уваженіе Русскаго человѣка къ хлѣбу, какъ высшему дару Божию на землѣ, который удостоивается быть тѣломъ Христовымъ. Уронить хлѣбъ на полъ считается грѣхомъ у кореннаго Русскаго человѣка. Не могу не вспомнить, что Германскій мыслитель Баадеръ весьма сочувствовалъ этой чертѣ нашего народа.

Невозможно проводить время отдыха лучше, какъ я проводилъ его у Троицы. У меня было тамъ три занятія: богомолье, изученіе памятниковъ древности, бесѣда съ учеными мужами.

Каждыя четверть-часа, отъ ранняго утра до поздней обѣдни, въ которомъ нибудь изъ многочисленныхъ храмовъ и придѣловъ, начинается литургія. Такъ гостепріимна Лавра къ своимъ богомольцамъ, что всякой, взшедъ въ нее утромъ, въ какое угодно время, не долго прождетъ духовной трапезы. Нищие, баловни народа, роющіеся какъ мухи около храмовъ, вамъ скажутъ, гдѣ начинается обѣдня. Миѣ же, собиравшемуся въ долгой путь, кстати досталось выслушать первую литургію въ церкви Божіей Матери Одигитріи (путеводительницы).

Есть особенная отрада въ мысли, что молишься въ этихъ благолѣпныхъ храмахъ, окруженный пришельцами со всѣхъ краевъ нашего Отечества. Каждый принесъ сюда свою задушевную мысль, свою просьбу, свою благодарность Богу. Здѣсь живѣе чувствуешь въ себѣ, что ты членъ великой Русской семьи, которой всякое единство возможно только въ ненарушимой полнотѣ единства церковнаго. Въ тѣсной толпѣ богомольцевъ изъ всѣхъ сословіи пріятно мнѣ было встрѣчать синіе воротники нашихъ студентовъ, усердно путешествующихъ къ Троицѣ-Сергію.

Благолѣпіе и неистощимая глубина церковнаго богослуженія во всякомъ Русскомъ храмѣ поразительны; но мысль особенно проникается ими, когда стоишь подлѣ раки того, кто не въ храмахъ, облитыхъ серебромъ и золотомъ, а въ деревянной церквѣ, не въ жемчужныхъ, а въ крашенинныхъ ризахъ, часто безъ кадилаго ѳиміама, при блескѣ сосновой или березовой лучины, до того мыслію и чувствами углублялся въ небесныя тайны богослуженія, что молитвами своими низводилъ Ангеловъ съ неба и удостоился посѣщенія Владычицы. Внутренній трепеть благоговѣнія чувствуешь, когда въ храмѣ, гдѣ почиваютъ нетлѣнные останки ученика Пресвятыя Троицы, раздаются слова литургіи: *Возлюбимъ другъ друга, да единомыслиемъ исповѣмъ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣльную.*

Въ этихъ словахъ сосредоточивается мысль цѣлой жизни Преподобнаго Сергія. По благочестивому преданію, онъ пророчилъ объ этой мысли еще въ утробѣ матери. Потомъ вся жизнь его была непрерывнымъ ея выраженіемъ. Онъ училъ народъ исповѣдывать Пресвятую Троицу, народъ, который въ частныхъ поклоненіяхъ, дозволяемыхъ Церковію, готовъ иногда потерять изъ виду основную истину Христовой Вѣры. Безъ великой мысли нѣтъ великаго подвига жизни, нѣтъ и блага народу. Безъ этой мысли не углубился бы Сергій въ чащу лѣсовъ, не побѣдилъ бы дикихъ силъ природы, не ископалъ бы студентовъ, не пришла бы къ нему братія и не признала бы его достойнымъ

за всѣхъ «предстоять престолу Святыя Троицы» и «возсылать къ Богу серафимскую трисвятую пѣсню;» не протоптали бы народъ, Князья и Цари безчисленныхъ путей въ эти дебри и чащи, не загремѣла бы Донская битва, не возсіяла бы Лавра своими звѣздными главами, не совершился бы 1612 годъ съ славною осадюю.... Да, все, все сотворила здѣсь одна верховная мысль Христіанства, камень его премудрости, мысль о Пресвятой Троицѣ. Ею-то угодила Препод. Сергій Богу и народу Русскому, который съ именемъ Бога въ Троицѣ покланяемаго соединяетъ и имя Ея ученика. Не богословскимъ трактатомъ запечатлѣлъ онъ поклоненіе Пресвятой Троицѣ, но молитвой, богослуженіемъ, примѣромъ, любовью къ народу, милостыней, цѣленіями, нищетою, трудами, словомъ и поученіемъ.

Въ палаткѣ Серапіоновой или кельѣ Преподобнаго Сергія, гдѣ онъ удостоился посѣщенія Богоматери, я съ особеннымъ благоговѣніемъ поклонился десной рукѣ и власамъ моего Ангела, первомученика Стефана. Великолѣпнѣе Успенской Соборѣ. Размѣрами онъ напоминаетъ Московской. Во время богослуженія, по огромному его пространству, летали голуби. Народъ любитъ, когда эти птицы прилетаютъ къ нему на храмовую молитву: онъ чтитъ въ нихъ символъ Святаго Духа.

Послѣ литургіи я любилъ посѣщать трапезу странниковъ и освѣдомляться: откуда кто? Охотно высказываютъ они это — и всѣмъ какъ будто пріятно слышать, что вотъ они, съ разныхъ концевъ Русской земли, сошлись сюда.

Обширная трапеза передъ церковью Преподобнаго Сергія вся исписана живописью. Есть здѣсь школа художника Малышева, которая трудилась надъ этими картинами, подъ руководствомъ самаго мастера. На потолкѣ изображены: Страшный Судъ; Вознесеніе Божіей Матери и Апостолы внизу около трапезы, гдѣ приготовленъ и Богородицынъ хлѣбъ или такъ называемая панагія; Спаситель, изгоняющій изъ храма торжниковъ. Рисунки смѣлы и композиція величава. Большое поле и для великихъ художниковъ. Кругомъ по стѣнамъ, изображенія милосердія изъ притчей Евангельскихъ. Одинъ добрый человекъ, одѣтый

по нашему, ходилъ съ крестьянами — странниками и объяснялъ имъ эти картины. Надобно было видѣть, съ какою жадностію внимала ему толпа. И старики и старухи тѣснились около него, и старались быть къ нему ближе. — Приятно ли вамъ это слушать? спросилъ я у одного странника. — Какъ же, батюшка, отвѣчалъ онъ мнѣ, все услышишь доброе слово. — Народъ нашъ готовъ поучаться, какъ видно, лишь бы являлись ему добрые учителя. При объясненіи духовныхъ картинъ, сколько полезныхъ истинъ Церкви можно передать народу. Живопись — языкъ очевидный и для всѣхъ понятный. Все Евангеліе въ лицахъ можетъ здѣсь онъ увидѣть. Мнѣ показалось, толкователь не одинъ ли изъ молодыхъ ученыхъ Академіи, но во-лѣ начальства, принявшій эту обязанность передъ народомъ; но нѣтъ — это былъ посторонній образованный богомолецъ, который раздавалъ странникамъ добровольную милостыню поучительнаго разсказа о святыхъ предметахъ, изображенныхъ въ трапезѣ.

Иконы въ храмахъ Лавры достойныбы были особеннаго изученія, по древности своей и красотѣ стили. Усердіе обложило ихъ здѣсь, какъ и повсюду, серебряными и золотыми окладами, не позволяющими видѣть живопись. По указанію Путевыхъ впечатлѣній П. М. Снегирева, я обратилъ вниманіе на образъ Живоначальныя Троицы, стоящій по правую сторону Царскихъ вратъ Троицкаго собора. Въ дорогихъ окладахъ мнѣ были видны только лики трехъ Ангеловъ. Письмо Византійское превосходное. Необычайная красота и грація разлиты по этимъ ликамъ, чисто греческимъ. Очертанія лицъ, глазъ и волосъ имѣють волнистое движеніе. Всѣ три Ангела съ любовью склоняють другъ къ другу головы и составляютъ какъ бы одно нераздѣльное цѣлое, выражая тѣмъ символически мысль о любвеобильномъ единеніи лицъ Пресвятыя Троицы. Когда смотришь на величавыя и прекрасныя иконы Греческаго стили, тогда приходитъ на умъ: ужъ не содѣйствовали ли мы его искаженію, даже и въ такъ называемой Строгоновской школѣ, которая удалилась отъ величія типовъ греческихъ, отъ красоты

очертаній, и пустилась въ мелочи, въ складочки одеждъ и въ постороннія архитектурныя украшенія. Отець Намѣстникъ, учредившій въ Лаврѣ школу иконописи, въ заботахъ своихъ о томъ, чтобы дать поприще для дѣятельности новому искусству, не забываетъ сокровищъ и древняго. Нерѣдко подъ новою живописью онъ открываетъ древнія иконы. Такъ указалъ онъ мнѣ на глубокомысленный символическій Образъ примиренія человѣка съ Богомъ во Христѣ. Въ Вознесеніи Спаситель представленъ возносящимъ съ собою души праведныхъ. Мнѣ видѣлись въ этомъ изображеніи слова изъ проповѣди Кирилла Туровскаго на Вознесеніе: «Имѣяшеть же съ собою Господь и душа человѣчскы, яже възнесе на небеса въ даръ своему Отцю, ихъ же въ горнемъ градѣ усели.» Живопись наша, какъ и духовная поэзія народа, одушевлялась словомъ проповѣдниковъ Церкви.

Въ Ризницѣ, вниманіе ваше, утомленное золотомъ, серебромъ, жемчугами, драгоценными камнями, бархатомъ, парчою, съ благоговѣніемъ устремляется къ деревяннымъ сосудамъ Преподобнаго Сергія, покрытымъ красною краскою. Изъ нихъ-то самъ вкушалъ онъ хлѣбъ жизни и предлагалъ его народу. Эти сосуды видомъ своимъ напоминаютъ простую сельскую красную посуду, которую упогребляютъ крестьяне и которая, издревле, въ большомъ количествѣ производится въ Троицко-Сергіевскомъ посадѣ. Напомявъ простому народу его бѣдную домашнюю утварь, они тѣмъ для него дороже. Смотри на ихъ скудость, на крашенныя ризы Сергія, и потомъ на все великолѣпіе другихъ ризъ, престоловъ, митръ и проч., видишь, какъ въ очю совершаются слова Евангелія: ищите прежде Царствія Божія—и сія вся приложатся вамъ. Такова исторія нашей Церкви, если взять ее со стороны виѣшняго ея обогащенія. Первые подвижники ея никогда не думали о земныхъ благахъ,—а только служили народу молитвой и дѣломъ—и народъ со всѣми державными представителями своими сыпалъ на обители, ими основанныя, золото, серебро и жемчуги безъ числа и дарилъ ихъ многочисленными селами. У насъ Церковь стала богата не потому, что любила при-

обрѣтать, а потому что была безкорыстна въ главныхъ своихъ представителяхъ. Правда, умноженіе этихъ сокровищъ, движимыхъ и недвижимыхъ, произвело пошу, которая стала отяготительною для духовнаго существа Церкви и ослабляла полезное дѣйствіе ея на народъ. Но все это было только временно, а истиннаго вреда не могло произойти отсюда, потому что источникомъ обогащенія Церкви была любовь народа, незнавшая чѣмъ угодить ей, слѣд. чувство прекрасное и безкорыстное, а доброе начало чувства, если бы иногда и перешло за границы, не можетъ быть предосудительнымъ.

Роскошь украшеній, состоящая въ безъотчетномъ богатствѣ, начинается у насъ особенно со временъ Патриаршества. Можетъ быть, еще прежде внесла это Византія, но все не столько. Борисъ Годуновъ весьма тому содѣйствовалъ. Нерѣдко дарилъ онъ царскія свои порфиры на ризы обителямъ. Великолѣпнѣйшіе покровы на раку Преподобнаго Сергія начинаются съ него. Пренія пелены древней Руси представляютъ намъ смиренный образъ Угодника въ простыхъ одеждахъ, шитыи шелками. Изумительна крѣпость ткани изъ крученаго шелка: куда дѣвалось это прочное искусство, которое поспорить съ самымъ лучшимъ непромокаемымъ макинтошемъ? Крѣпость вѣковѣчная ткани, засвидѣтельствованная четырьмя или тремя столѣтіями, и смиренная простота изображенія, выражаютъ совершенно подвигъ Угодника, который въ смиреніи нищеты трудился для вѣчности. Новые покровы: золото, серебро, камень, жемчуга, бархатъ. На пеленѣ, подаренной въ 1499 году Царевною Царегородскою, Великою Княгинею Московскою, Софіею Ооминишною, надписи видно вышиты были людьми неграмотными. Въмѣсто $\mu\eta\tau\eta\rho\ \theta\epsilon\omicron\upsilon$ (Мр̄ Θεῶ), Матерь Божія, вы читаете мар — оу; шндрѣй вмѣсто Андрей наминаетъ выговоръ Суздальской, какъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ Несторовой лѣтописи, а Оама, вмѣсто Оома, наше Московское произношеніе, слышное здѣсь въ памятникѣ конца XV вѣка.

Рукописные Служебники и Евангелія требовали бы здѣсь особеннаго изученія тѣмъ болѣе, что всѣ обозначены годами и потому важны въ филологическомъ отношеніи. Служебникъ Пр. Никона, содержащій въ себѣ чинъ православной литургіи, можетъ быть, одинъ изъ древнѣйшихъ, какіе мы имѣемъ съ означеніемъ года. Текстъ Евангелія Сумесна Іоанновича Гордаго, относящагося къ 1344 году и современнаго Пр. Сергію, замѣчательнъ своею любовью къ буквѣ ъ, которая встрѣчается даже въ прошедшемъ времени: — вмѣсто *лъ* читаете *ль*. Эта особенность противорѣчитъ сильно мнѣнію Добровскаго, который въ своей Грамматикѣ считаетъ *ерикъ* особеннымъ признакомъ рукописей XI и XII вѣка. Вотъ послѣ этого, утверждайте признаки языка для памятниковъ словесности Словено-Русской по столѣтіямъ: такое требованіе могутъ объявить только люди, никогда не заглядывавшіе въ нашу древнюю письменность. Если положенія Добровскаго непрерывно опровергаются новыми открытіями, то кто же возьметъ на себя утвердить эти признаки, когда еще бѣльшая часть памятниковъ, на основаніи которыхъ надобно сдѣлать это утвержденіе, остается въ неизвѣстности?

Давно желалъ я познакомиться лично съ Профессоромъ Церковной Исторіи при Московской Духовной Академіи, Александромъ Васильевичемъ Горскимъ. Я питалъ уже къ нему уваженіе за важныя открытія, сдѣланныя имъ въ древней Словесности Русской: мы обязаны ему сочиненіями Иларіона, перваго Митрополита изъ Русскихъ. Онъ же объяснилъ въ Москвитянинѣ Житія Кирилла и Меѳодія, почти современныя первоучителямъ грамоты. Недавно выдалъ онъ Исторію Флорентійскаго собора. Книга Сиропула на Греческомъ языкѣ, которою до сихъ поръ мало пользовались, послужила для него главнымъ источникомъ. Но безпристрастный авторъ не оставилъ безъ употребленія Исторіи, написанной Дороеемъ, Митрополитомъ Митиленскимъ, и признающей со стороны Римской Церкви. Соборы XV столѣтія на западѣ: Констанскій, Павійскій, Сіенскій

и наконецъ Базельскій, столько страшный для Евгенія IV-го, свидѣтельствуютъ, что «Церковь Западная, какъ говоритъ Авторъ, путемъ долговременныхъ бѣдствій, стала возвращаться къ той древней церковной, но всегда ненавистной для властолюбія папскаго, мысли, что видимою вселенскою властію въ Церкви должна быть власть Вселенскихъ Соборовъ.» Признаніе необходимости осьмаго Вселенскаго Собора было великою уступкою со стороны Папъ, на которую они рѣшались безсознательно.

Весьма подробно и ясно изложены здѣсь прѣнія обѣихъ сторонъ. Какъ торжествуетъ сила церковнаго догмата въ устахъ Марка Ефесскаго, въ его краткомъ и разумномъ словѣ, которое умолкаетъ тогда только, когда всѣ доводы истощены, и дѣло переходитъ въ ухищренныя слова и кривыя толкованія. Хорошо отгѣненъ краснорѣчивый и лукавый Виссаріонъ, который употреблялъ истину средствомъ для цвѣтовъ краснорѣчія, а потомъ отошелъ отъ нея изъ видовъ честолюбивыхъ. Маркъ съ двумя товарищами отстаивали истину за духовенство. Когда же измѣнники возвратились въ свои земли, въ Царь-градѣ народъ первый вступился за истину православія, въ Москвѣ Великій Князь Василій Темный.

Смиранный труженикъ не выставляетъ имени своего на прекрасныхъ трудахъ своихъ—и я прошу у него извиненія въ томъ, что нарушаю его скромность. Въ его обществѣ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Г. Казанскимъ, который извѣстенъ сталъ въ послѣднее время новыми разысканіями о жизни и трудахъ Іосифа Волоцкаго; съ Г. Соколовымъ, Авторомъ статьи о сношеніяхъ Армянской Церкви съ Православною Восточною касательно соединенія; съ Г. Амфитеатовымъ, Профессоромъ Словесности, который также извѣстенъ своими трудами и котораго братъ въ Кіевѣ издалъ недавно прекрасную книгу о Словесности Церковной.

Ученые духовной Академіи представляютъ для насъ примѣръ трудолюбія въ соединеніи со смиреніемъ, не признающимъ своей личности. Здѣсь за добросовѣстнымъ тру-

домъ скрыто лицо. Это самоотверженіе великій подвигъ, объясняемый изъ лучшей стороны нашего народа.

А. В. Горскій показалъ мнѣ ту древнюю пергаменную рукопись, подъ заглавіемъ: Златая Чепь, въ которой Авторъ Исторіи Русской Церкви открылъ четыре слова Серапіоновы. Подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ взглянулъ я и на библіотеки.

Въ Троицкой Лаврѣ двѣ библіотеки древнихъ рукописей: одна духовной Академіи, другая собственно Лавры. Первая помѣщена въ самомъ зданіи Академіи. Помѣщеніе очень хорошо для лѣта и напомнило мнѣ своею простотою и полусвѣтомъ отчасти Гёттингенскую библіотеку; но для зимы оне неудобно, потому что нѣтъ тепла. На столѣ лежитъ Евангеліе, какъ первая книга. Печатныхъ томовъ до 20,000. Весьма замѣчательно Еврейское пятикнижіе, рукопись XII вѣка, подаренная Преосвященнымъ Гавріиломъ, которому въ Одессѣ поднесли ее Караимы. Славянскихъ рукописей до 200. А. В. Горскій показалъ мнѣ здѣсь книги Пророковъ съ толкованіями, рукопись, о которой упоминаетъ Востоковъ въ своемъ предисловіи къ Остромирову Евангелію. Она писана въ XV вѣкѣ, но съ рукописи, относящейся къ 1047 году, слѣд. ранѣ Остромирова Евангелія. Писавшій сію послѣднюю погъ *Упиръ лихымъ*. Многія слова, отмѣченныя Профессоромъ въ текстѣ, примѣчательны: *мечка* вмѣсто *медвѣдица*, *рзаніе* вм. *ржаніе*. Но всего любопытнѣе для меня было открытіе, которое сдѣлано А. В. Горскимъ и которое онъ до сихъ поръ таитъ подъ спудомъ, не смотря на то, что оно обрадовало бы многихъ филологовъ и во главѣ ихъ Шаффарика. Въ одной рукописи, содержащей въ себѣ переводъ Шестоднева и Небесъ, сдѣланный Іоанномъ Экзархомъ Болгарскимъ, встрѣчается между прочимъ и извѣстное Слово о письменехъ Черноризца Храбра. Это одно изъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ о изобрѣтеніи Христіанской нашей грамоты Кирилломъ и Меѳодіемъ и о томъ, что до нея у языческихъ Славянъ были вмѣсто письменъ *черты и рпы*. Свидѣтельство тѣмъ особенно важно, что оно ясно опредѣляетъ годъ изобрѣтенія грамоты 855, а именно за

три года до крещенія Бориса Царя Болгарскаго и боярь его въ 858 году, какъ говоритъ наша лѣтопись. Черезъ 6 лѣтъ намъ придется праздновать тысячелѣтіе Христіанской нашей грамоты — и оно же кстати совпадаетъ съ столѣтнимъ юбилеемъ Московскаго Университета (1855). До сихъ поръ не знали, къ какому времени отнести это свидѣтельство черноризца Храбра. Древнѣйшій списокъ его, найденный Калайдовичемъ, принадлежитъ XIV вѣку. Смѣлѣе другихъ, Шаффарикъ относилъ Автора къ XI-му столѣтію. Въ рукописи Академіи А. В. Горскій указалъ мнѣ на слѣдующія слова, которыя не встрѣчаются въ другихъ: *суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ*, т. е. Кирилла и Меѳодія, изобрѣтателей грамоты, слѣд. извѣстіе черноризца Храбра объ нихъ почти имъ современное. Отсюда очевидна важность означенія года изобрѣтенію. Какъ свидѣтельство современника, оно неоспоримо. Кромѣ того, есть и другія отмѣны въ текстѣ. По изданію Калайдовича читается: «рѣжде оубо Словѣне не имѣху книгъ, но чертами и рѣзами *чьтъху* и *гатааху*, погани суще.» Въ текстѣ рукописи академической слова *чьтъху* нѣтъ, а просто *гадаху*.

Замѣчательна еще огромная рукопись Св. Григорія Бого- слова. У насъ въ глубокой древности, любили этого проповѣдника, и много отличныхъ и весьма древнихъ экземпляровъ его Словъ дошло до насъ. — Лѣтвичникъ съ толкованіемъ за подписью Митрополита Кицріана. — Прекрасный экземпляръ Златоструя Сумеона Царя Болгарскаго. Пора бы издать это произведение Сумеона, преемника Бориса, крестившагося въ Вѣру Христову и крестившаго свой народъ. — Сочиненія Максима Грека, экземпляръ неполный. Къ сожалѣнію, Лавра не имѣетъ полнаго экземпляра сочиненій Блаженнаго Максима, который въ ней окончилъ жизнь свою и страданія. Въ пергаменномъ Евангеліи находятся Греческіе обороты ранѣе времени Максима Грека. Вообще въ Славянскомъ текстѣ Писанія Церковь наша всегда допускала большое разнообразіе въ буквѣ текста, давая тѣмъ разумѣть, что не въ этомъ настоящее единство, а во внутреннемъ смыслѣ содержанія.

Библиотека Лавры содержитъ въ себѣ до 800 рукописей. Она помѣщается на огромномъ чердакѣ, надъ трапезною церковію. По стропиламъ крыши церковной пробирались мы въ это книгохранилище, обезпеченное отъ пожара, но не отъ холода и сырости. Стаи голубей поднимались отъ шума нашихъ шаговъ. Памятно мнѣ будетъ гостеприимное радушіе бібліотекаря Отца Иларія. Книги размѣщены по содержанію. Отличныя экземпляры пергаменные Григорія Богослова и житія Нифонта, переводъ съ Греческаго. Собранія каноновъ замѣчательны по языку. Одно изъ нихъ писано Грекомъ по Славянски съ весьма затѣйливыми фигурами, которыя разгадываетъ опытная начитанность отца Иларія. Кромѣ тѣхъ грамотъ, которыя стоятъ въ фоліантахъ и были пересмотрѣны Археографической Экспедиціей, Библіотекаръ открылъ новыя, приведенныя имъ въ порядокъ. Замѣчательна между прочимъ просьба одного инока Мардарія время Царя Михаила Ѳеодоровича: онъ, какъ видно, провинился противъ устава монастырскаго и проситъ прошенія у обители.

Въ числѣ лучшихъ моихъ духовныхъ пріобрѣтеній у Троицкой Лавры я считаю личное знакомство и троекратную бесѣду съ Ѳеодоромъ Александровичемъ Голубинскимъ. Въ Ильинскомъ предмѣстіи, за рѣчкой Садовой, въ укромномъ домикѣ живетъ почтенный представитель Хрістіанской философіи у насъ. Простота и смиреніе осыпляютъ его мирное жилище. Меня поразило высокое чело нашего отшельника-мудреца. Лицомъ и особенно глазами напомнилъ онъ мнѣ Шеллинга, котораго я видѣлъ въ первый разъ также въ сельскомъ уединеніи, около Мюнхена. Также ясная голубизна въ глазахъ, также дума. У Шеллинга еще возможна личная страсть; въ чертахъ Русскаго мудреца господствуетъ спокойное самоуглубленіе. Такова и тихая рѣчь его, которая всегда тепла, но вспыхиваетъ живѣе при выраженіи радушія и участія.

Въ сельскомъ пріютѣ своемъ Ѳ. А. Г. живетъ, окруженный тремя сыновьями, изъ которыхъ двое съ отличнымъ успѣхомъ проходятъ курсъ въ Виѳанской семи-

нари, а третій еще готовится дома. Я слышалъ одинъ урокъ. Миѣ особенно понравилась ясная кротость наставника семинариста, противоположная крикливой настойчивости, которая не даетъ разума ученію.

Кругомъ по стѣнамъ пріемной комнаты развѣшаны портреты нѣкоторыхъ лицъ, просіявшихъ духовною жизнію. Тутъ вы увидите Тихона Воронежскаго, Серафима, отшельника Саровской пустыни, Паусія—портретъ, присланный старцами Оптиной обители, усердно посвятившей себя памяти этого мужа, изъ Молдавіи столько дѣйствовавшего на духовную жизнь и въ нашихъ предѣлахъ. Особенно остановилъ меня портретъ Георгія Алексѣевича, затворника Задонскаго. Онъ былъ военнымъ, но воспитанный набожною матерью, рано почувствовалъ призваніе къ иночеству и прославился своею духовною жизнію. Онъ не имѣлъ столько учености, какъ Отецъ Макарій Болховскій блаженной памяти, но имѣлъ столько же любви — и писалъ письма, исполненныя умиленія, которыя изданы однимъ изъ старцевъ Оптина. Благообразное и разумное лицо Георгія весьма поразительно.

Многіе гости изъ Москвы, любя бесѣду О. А. Г., навѣщаютъ его здѣсь охотно. Ему передаютъ они вѣсти о шумномъ движеніи западнаго міра. При миѣ говорили о чудѣ въ Греноблѣ, объ Эдгарѣ Кине, о Мишеле. Съ участіемъ внимаютъ всему радушный хозяинъ, но и съ спокойствіемъ, котораго ничто не взволнуетъ. Эта тишина мысли и слова въ человѣкѣ, привыкшемъ къ самоуглубленію, дѣйствуетъ успокоительно на насъ, людей, живущихъ въ томъ мірѣ, гдѣ разумъ неразлученъ со страстью и почти всегда подчиненъ ей.

Рано началось классическое ученіе для О. А. Г. Первые занятія дѣтства были устремлены на поэзію. Десяти лѣтъ, онъ уже прочелъ пять пѣсенъ Виргиліевой Энеиды. Занятія Философіею онъ избралъ по собственному влеченію. Лекціи Исторіи Философіи, имъ читанныя въ духовной Академіи, существуютъ въ рукописяхъ. Нѣкоторыя написаны имъ самимъ, другія составлены его учениками. Теннеманнъ и Риттеръ служили ему для его лекцій. Перваго онъ предпочитаетъ въ томъ, что касается до изложе-

нія системъ, за исключеніемъ одностороннихъ мнѣній Кантіанскихъ; Риттеръ не столько вѣренъ въ изложеніи. Но главною основою для *Θ. А. Г.* было конечно собственное изученіе, руководствомъ при которомъ служило начало, тѣсно сопряженное со всею его жизнію.

Бесѣда *Θ. А. Г.* имѣеть двойной характеръ. Я никогда не встрѣчалъ челоуѣка, который бы умѣлъ такъ строго править силами души въ своемъ разговорѣ и такъ разграничивать сферы, въ которыхъ вращаются его мысли. Этихъ сферъ — двѣ: Религія и Философія, живущія въ духѣ его слитно и согласно. Изъ обѣихъ сферъ равно почерпаетъ онъ предметы для своихъ бесѣдъ, обѣ равно ему доступны. Когда говорить онъ отъ Философіи, въ рѣчи его выражается ясное и спокойное сознаніе разума, въ расположеніи мыслей господствуетъ строгая логическая отчетливость, и каждое слово точно и опредѣлительно. Когда говорить онъ отъ Вѣры, онъ весь полнота умиленнаго чувства и слово его растворено любовію, а украшено одною простотою, истекающею изъ глубокаго искренняго смиренія. Тогда слово его понятно будетъ ребенку и простолюдину.

Въ такомъ случаѣ онъ любитъ рассказъ или притчу. Не могу здѣсь не вспомнить одного событія, которое онъ мнѣ передалъ. Оно случилось еще при Императрицѣ Еккатеринѣ II. Одинъ сельской священникъ пересталъ служить вовсе обѣдню, потому что никто изъ прихожанъ не ходилъ въ церковь. Тогда настоятель сосѣдняго монастыря, узнавъ о томъ, далъ ему совѣтъ служить для Ангеловъ, говоря, что они шепнутъ своимъ и приведутъ ихъ за собою. Священникъ послушался совѣта, началъ служить — и въ самомъ дѣлѣ церковь мало по малу опять наполнилась прихожанами.

Наша мысль, увлекаемая свободою разговора, весьма часто переходила изъ одной сферы въ другую. При этихъ переходахъ, въ особенности, могъ я видѣть опытность мудреца, превосходно владѣющаго логическимъ разумомъ и теплымъ чувствомъ въ своемъ словѣ. Всѣ системы Германской философіи ясно проносятся въ его головѣ. Изло-

женіе его, когда говорит онъ о наукѣ, сохраняя ученый характеръ, вовсе чуждо темноты и ясною глубиною свидѣтельствуетъ о совершенномъ знаніи предмета. Вотъ нѣскольکو отрывочныхъ мыслей, собранныхъ мною изъ поучительной бесѣды, о разныхъ великихъ лицахъ, славныхъ въ исторіи Нѣмецкой философіи.

Въ Шеллинговомъ ученіи было точно такое начало, которое могло вести къ примиренію Философіи съ Религіею. Доказательство тому всѣ ученики его, чувствовавшіе эту потребность: Клейнъ, Канне и другіе. Потенціи его, которыми онъ въ послѣднее время силится логически доказать догматъ Пресвятыя Троицы, показываютъ только бессильную попытку разума вмѣстить въ формулу невмѣстимое.

Баадеръ принадлежитъ къ такимъ мыслителямъ, которые сами не строятъ системъ, но своими сочиненіями въ другихъ разшевеливаютъ, возбуждаютъ мысль. Надо же быть и такимъ мыслителямъ.

Съ уваженіемъ и сочувствіемъ говорилъ Ф. А. Г. о Якоби, котораго и въ Германіи называли новѣйшимъ Платономъ. Онъ великъ тѣмъ въ особенности, что Шеллингу предсказалъ всѣ послѣдствія его первоначальной философіи, которыхъ Шеллингъ не принялъ, но которыхъ дали пищу Гегелеву ученію. Весьма важно сочиненіе Якоби о Спинозѣ.

Въ ученіи Спинозы проведено повсюду логически начало необходимости. У него нѣтъ понятія о злѣ. Отсюда невозможность и нравственной Философіи. У Гегеля въ его построеніи философскихъ наукъ также нѣтъ нравственной философіи, которая есть у Канта. Гегель смѣялся надъ Кантомъ въ этомъ отношеніи, приписывая нравственную сторону его системы влиянію его набожной матери и предразсудкамъ, навязаннымъ ему издѣтства.

Гегель признаетъ развитіе, но вотъ задача, которой онъ не разрѣшаетъ: какъ въ развитіи его изъ предъидущаго развивается послѣдующее? Откуда берется новое въ жизни? Гдѣ источникъ этому истеченію? Это можетъ быть объяснено тогда только, когда въ основу развитія полагается полнота бытія, а у Гегеля бытіе равное небытію.

да и самое его *Seyn*, по его же собственному выраженію, eine schlechte Unendlichkeit.

О сомнѣніяхъ прекрасно выразился Христіанскій мудрецъ. Важны и значительны сомнѣнія мужественныхъ душъ, а не сомнѣнія натянутыя, ни изъ чего не вытекающія, разыгрываемыя. Сомнѣвался и блаженный Августинъ. Сомнѣвался и Декартъ. Изъ такихъ сомнѣній можетъ выработаться знаніе истины, убѣжденіе.

Прошу извиненія у почтеннаго мудреца въ томъ, что взялъ на себя взложить нѣкоторыя мысли, особенно врѣзавшіяся въ моей умственной памяти. Принимаю на себя всю отвѣтственность въ томъ, если далъ какой нибудь неправильный отгѣнокъ тому, что слышалъ. Мноѣ было пріятно заслушиваться этой рѣчи разумной, ученой и ясной, которая вливала мысль въ мой разумъ, свѣдѣнія въ память и тишину въ сердце. Я позволялъ себѣ думать: что еслибы эти уста отверзлись для того, чтобы передать исторію науки наукъ не одному академическому, но и университетскому нашему юношеству? Съ какою жадностію оно бы стало слушать ученаго старца? Сколько бы пользы произошло отсюда? А передавать науку такъ легко для его опытности; такъ кажется, все готово и все созрѣло здѣсь для передачи, и съ какимъ радушіемъ сообщается знаніе его владѣльцемъ, какъ будто это не личная его собственность, а достояніе всѣхъ.

Много расточено великихъ и прекрасныхъ силъ по нашему Отечеству, которыя не признаны; много свѣтильниковъ, таящихся подъ спудомъ, а не горящихъ на свѣщникѣ. Русское смиреніе часто укрываетъ таланты Божіи — и люди, призванные быть благовѣстниками истины, готовы тратить силы свои и время на такое служеніе, которое за нихъ всякой другой могъ бы легко исправить. Какъ часто у насъ тамъ не сознается личность, гдѣ она является сосудомъ мысли свѣтлой, божественной, и сознается сильно тамъ и кричитъ на всю Россію, гдѣ она только сосудъ самолюбія, а иногда и того хуже!

Я видѣлъ В. И. П-ву въ скромномъ ея уединеніи. Здѣсь у святыни Троицкой имѣетъ она пріютъ. Дѣти пра-

вославнаго Грека, Турецкаго подданнаго, страдавшаго за вѣрность Православію, нашли въ ней мать и воспитательницу. Последнее отдастъ она этимъ сиротамъ въ чужбинѣ, возбуждающимъ искреннее участіе къ судьбѣ своей. Вотъ какъ Церковь соединяетъ насъ до сихъ поръ узами духовнаго родства съ тѣмъ народомъ, отъ котораго мы приняли Вѣру (*). Кромѣ этой малолѣтней усыновленной семьи, у В. И. П-вой есть другая престарѣлая, которая ее не меньше любитъ. Отъ обители содержится богадѣльня для ста и болѣе старушекъ, состоящая подъ начальствомъ Княжны Елисаветы Дмитриевны Циціановой. Удобно, спокойно и тепло помѣщаются онѣ въ особенныхъ покояхъ. Руководѣе по силамъ составляетъ ихъ занятіе. Чистота, опрятность, миръ, тишина и молитва поселились здѣсь, въ этомъ пріютѣ женской старости. Ежедневно, за обѣдомъ и ужиномъ, В. И-на читаетъ для нихъ жертвенникъ, т. е. житія Святыхъ Отецъ, и правила. Подъ ея руководствомъ обошелъ я эти покои. Пріятно было видѣть, съ какою радостію богадѣленки принимали молитву и привѣтствіе сердобольной послушницы, и съ какою ласкою бросались къ рукъ ея. При богадѣльнѣ находится и больница. Въ сію послѣднюю принимаютъ мѣщанокъ и крестьянокъ изъ окружныхъ и дальнихъ мѣстъ. Тутъ Дмитровская мѣщанка, мать семейства, лишенная движенія руками и ногами, нашла врачевныя пособія. Сюда изъ Витебска безногая дѣвка приползла на четверенькахъ въ полномъ смыслѣ этого слова! Лавра имѣетъ своего безмезднаго врача-инока, отца Анастасія, который со всѣмъ безкорыстіемъ, приличнымъ его званію, и со всею добросовѣстностію ученаго посвятилъ себя Медицинѣ. Онъ неутомимо посѣщалъ университетскія лекціи и клиники. Слава его простирается на сотни верстъ въ окружности и привлекаетъ къ нему множество больныхъ. — Кромѣ богадѣльни, для приходящихъ богомолокъ есть страннопріимная палата, состоящая подъ особымъ наблюденіемъ Юліи Самойловны Головинской. Лавра дѣйствуетъ, какъ

(*) Къ сожалѣнію, судьба съ тѣхъ поръ разлучила В. И. П-ву съ ея усыновленною семьею.

дѣйствовали наши обители, которыя кормили народъ во время голода, давали прибѣжище больнымъ, страннымъ и престарѣлымъ. Но много пособій нужно еще нашему народу. Не всѣ обители въ состояніи тоже дѣлать, что дѣлали прежде.

Въ трехъ верстахъ отъ Лавры, по дорогѣ въ Александровъ, немного въ сторону лежитъ Виванія. Память Митрополита Платона здѣсь всегда жива. Почти не умолкаютъ панихиды надъ его гробомъ. Два храма возвышаются, одинъ надъ другимъ: внизу во имя Господа, воскресившаго Лазаря, вверху во имя Господа преобразившагося. Храмосоздатель самъ въ одномъ изъ словъ своихъ такъ выразилъ таинственное соотношеніе этихъ двухъ храмовъ. «Храмъ сей посвященъ святѣйшему имени преобразившагося Господа: а сущій подъ нимъ храмъ посвященъ тому же Господу, воскресившему Лазаря изъ мертвыхъ. Одинъ храмъ къ другому имѣетъ близкое отношеніе. Ибо между Воскресеніемъ и Преображеніемъ есть союзъ таинственный. Не говорю я о Воскресеніи и Преображеніи Христовомъ: но о воскресеніи и преображеніи нашемъ. Ибо Христосъ и воскресъ для нашего воскресенія, и преобразился для преображенія нашего....

«Выходя изъ нижняго сего храма, восходимъ на сей верхній. Такъ выходя изъ гроба воскресеніемъ, восходимъ мы въ храмъ славы, преобразуясь изъ тлѣнія въ нетлѣніе. Не можно удостоиться преображенія, доколѣ не удостоимся воскресенія.»

Основная мысль этого двоякаго храма, какъ мысль, внушенная Вѣрою, принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ. Но на формѣ ея исполненія лежитъ печать XVIII столѣтія, которое любило блескъ фантазіи и игру эффектовъ. Предстоятели Церкви считали у насъ за нелишнее списходить этой слабости. Отсюда объясняю этотъ искусственный Оаворъ, изображающій самую гору съ ея потоками. Въ верхнемъ храмѣ два предмета особенно замѣчательны: комнатная икона Людовика XVI, та, передъ которой, можетъ быть, онъ изливалъ душу свою не за долго до смерти; она стоитъ на самомъ престолѣ; снятіе со Креста — образъ

новой Итальянской живописи, привлекающей давно молитвы богомольцевъ и славный чудотвореніями. Церковь соединяетъ у насъ все во имя высшей истины, и первая подаетъ примѣръ противъ всего исключительнаго. Въ нижнемъ этажѣ, въ сторонѣ, близъ могилы храмоздателя, хранится тотъ деревянный гробъ, въ которомъ пребывали нетлѣнные останки Преп. Сергія. Простота его, окруженная великолѣпнѣмъ прошлаго вѣка, и здѣсь напоминаетъ ту духовную силу, безъ которой не блистала бы и Виванія.

Домъ Митрополита Платона напомнилъ мнѣ видомъ Фернейской замокъ Вольтера. Сближеніе покажется страннымъ, но оно касается одной вѣщности: есть у каждаго вѣка свое особенное въ наружномъ быту, въ украшеніяхъ, въ приѣмахъ. И тамъ и здѣсь вы находите портретъ Императрицы Екатерины: въ Фернеѣ вышитъ шелкомъ и подаренъ самою Государыней; здѣсь вырѣзанный изъ бумаги весьма искусно и подаренный Потемкинымъ. Тамъ картины, относящіяся къ жизни Вольтера; здѣсь также, къ жизни хозяина. Но тутъ противоположность. Вольтеръ, какъ будто язычникъ, находитъ убѣжище у Аполлона, которому подноситъ свою Генрияду. Платонъ, въ тяжкую минуту жизни, утѣшенъ Ангеломъ, подносящимъ ему сердце съ надписью: «горѣ сердца!»

Преосвященный любилъ природу. Прекрасные виды на окрестность, оживленные прудами, окружаютъ его домикъ. Въмѣсто ландшафтовъ служатъ зеркала. Зеркало въ шкафѣ отражаетъ видъ на Лавру. Въ опочивальнѣ его также зеркальной потолокъ. Много любопытныхъ воспоминаній хранится о частной жизни покойнаго. Въ лѣтней спальнѣ вы найдете его соломенную шляпу. На картинѣ изображенъ его поварь, у котораго вытаскиваютъ занозу изъ ноги. На другой портреты его пѣвчихъ, которые духовными концертами услаждали его въ минуты грусти: тутъ же и Турокъ, воспитанный имъ и обращенный въ Православіе. Въ алтарѣ домової церкви хранится стулъ съ Китайскими изображеніями.

Домовая церковь при покояхъ—во имя Сошествія Св. Духа. Въ ней только двѣ иконы—и то малыя. Смысль

Ветхаго и Новаго Заѣта изображенъ словами: «Законъ Моисеевъ данъ бысть; благодать же и истина Иисусъ Христомъ.» Здѣсь Митрополитъ, при служеніи, исправляя должность причетника.

Выходя изъ этихъ покоевъ съ живымъ воспоминаніемъ о личности убогаго хозяина, вы невольно остановитесь мыслію на надписи главнаго крыльца: «Да благословитъ Господь входъ и исходъ твой отнынь и до вѣка,» какъ будто бы Преосвященный простиралъ и теперь свое благословеніе на всѣхъ посѣщающихъ его скромное убѣжище. Но послѣ этой молитвы, прочтете съ боку и Русскую благоразумную пословицу: *не выноси сору изъ дому.*

Уѣзжая изъ Виоаніи, я взглянулъ на новый домъ Семинаріи: это великолѣпные чертоги.

По той же дорогѣ, которая ведетъ въ Виоанію, влѣво вы посѣтите пустынное уединеніе Геосиманіи, вновь учрежденное Преосвященнѣйшимъ Архимандритомъ Лавры. Высокія и густыя лѣсныя сѣни окружаютъ его. И въ немъ, какъ въ Виоаніи, пускай самъ Хозяинъ и Учредитель объяснитъ намъ мысль учрежденія, своими же словами:

«Если памятнику свойственно возвращать мысль ко временамъ и предметамъ, которые ознаменованы памятникомъ: то, прости мнѣ, великая Лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву. Чту и въ красующихся нынѣ храмахъ твоихъ дѣла Святыхъ, обиталища святыхи, свидѣтелей праотеческаго и современническаго благочестія; люблю чинъ твоихъ богослуженій, и нынѣ съ непосредственнымъ благословеніемъ Преподобнаго Сергія совершаемыхъ; съ уваженіемъ взираю на твои столпостѣны, непоколебавшіяся и тогда, когда поколебалась-было Россія; знаю, что и Лавра Сергіева и пустыня Сергіева есть одна и та же, и тѣмъ же богата сокровищемъ, то есть, Божіею благодатію, которая обитала въ Преподобномъ Сергіи, въ Его пустынь, и еще обитаетъ въ Немъ и въ Его мощахъ, въ Его Лаврѣ: но *при всемъ томъ желалъ бы я узрѣть пустыню, которая обрѣла и стяжала сокровище, наслѣдованное потомъ*

Лавроу. Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятыя Троицы? Вошелъ бы я въ него на всенощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію; но сердца молящихся горятъ тише и яснѣе свѣщи, и пламень ихъ досягаетъ до неба, и Ангелы ихъ восходятъ и нисходятъ въ пламени ихъ жертвы духовной. Отворите мнѣ дверь тѣсной келліи, чтобы я могъ воздохнуть ея воздухомъ, который трепеталъ отъ гласа молитвъ и воздыханій Преподобнаго Сергія, который орошень дождемъ слезъ его, въ которомъ впечатлѣно столько глаголовъ духовныхъ, пророчесственныхъ, чудодѣйственныхъ.»

Еще прямѣе выражена мысль духовнаго убѣжища въ другомъ словѣ, говоренномъ при освященіи храма его: «Если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ, не совсѣмъ свободно, а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде; то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семь вѣкѣ молвы многія? *Не будетъ ли, можетъ быть, ей пріятно поселиться въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнію обители великой, подобно какъ нѣкогда безмолвствующій Варсонофій Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи, подъ тѣнію аввы Серида?»* (Слова. ч. II. 512).

На это убѣжище духовнаго успокоенія и молитвы не употреблено ничего изъ тѣхъ матеріаловъ, которые добываются въ нѣдрахъ горъ. Одна растительная природа, наиболѣе доступная человѣку, предложила свое простое вещество. Деревянная церковь, напоминающая самое первоначальное церковное зодчество у насъ, взята изъ села Подсосеня. Она была сложена повелѣніемъ Архимандрита Діонисія. Сосновые срубы ея, не смотря на 200 слишкомъ лѣтъ, остались невредимы. Въ верхнемъ храмѣ во имя Успенія Богоматери иконы частію древнія, а другія вновь написанныя въ древнемъ стилѣ. На южныхъ дверяхъ находится изображеніе спасеннаго разбойника. Замѣча-

тельны правильность и жизнь въ тѣлесныхъ очертаніяхъ. Стилъ напоминаетъ Перуджинову кисть, создавшую изображение Св. Севастіана. Крестъ вырѣзанъ изъ дерева, служившаго для престола прежней перкви. По обѣимъ сторонамъ на стѣнахъ храма, иконы и вмѣстѣ портреты Преподобнаго Архимандрита Діонисія, строителя прежняго храма, и Святителя Димитрія Ростовскаго. Нѣтъ ни одного украшенія, которое бы противорѣчило мысли цѣлаго.

Въ нижнемъ храмѣ престолъ во имя Страстей Христовыхъ. Здѣсь, для изображенія ихъ, допущено и новое искусство. Всякую пятницу, какъ день посвященный воспоминанію о смерти крестной Спасителя, совершается литургія. Неумолкаемо раздается чтеніе Псалтири.

Такъ все, все знаменуетъ здѣсь сознательное возвращеніе къ разуму первоначальной нашей Церкви: — внѣшнее великолѣпіе и блескъ затмились передъ простотою и смиреніемъ, отъ которыхъ пошла и сила нашей Церкви, и сила жизни народа и царства.

Послѣднія минуты въ Троицкой обители провелъ я въ прогулкѣ по стѣнамъ двухъ-этажной ея ограды съ А. В. Г-имъ. Окрестная природа рисуетъ мирные ландшафты въ амбразурахъ стѣнъ; память историческая предлагаетъ грозныя воспоминанія, которыхъ отголосокъ живъ въ каждомъ камнѣ. Нижній этажъ далъ трещины во многихъ мѣстахъ отъ того, что толща ограды строена въ два приѣма. Ограда, охранявшая обитель и Россію отъ враговъ, теперь служитъ для мирныхъ и торжественныхъ шествій благополучной Церкви, которая по ней носить свои хоругви и иконы, сопровождаемая клиромъ и толпами усерднаго народа. Да иногда, молодые ученые духовной Академіи гуляютъ подъ массивною тѣнью этихъ сводовъ, какъ философы древности въ своихъ портикахъ, укрытыхъ отъ солнца.

АЛЕКСАНДРОВЪ.

Дорога отъ Троицы къ Александрову. — Слотино. — Новгородское нарѣчіе. — Александровъ. — Наружность города. — Увѣдное училище. — Успенской дѣвичій монастырь. — Соборная церковь монастыря. — Единоглавіе. — Иконостасъ. — Васильевскія двери. — Успенскій храмъ. — Остатки покоевъ Іоанна. — Подвалы. — Италіянскіе часы. — Основаніе обители. — Память сестеръ Петра Великаго. — Усыпальни. — Монастырская ризница. — И. Ѳ. Барановъ. — Отсутствие истинныхъ преданій о Грозномъ.

На сорокъ верстъ отстоитъ Александровъ отъ Троицы. Дорога не большая, но проѣзжая. Колеса такія, что способу нѣтъ, а когда грязь, такъ не приведи Господи! Сначала однообразно тянется она перелѣсками, потомъ нѣсколько оживляется. Путь сокращалъ мнѣ извозчикъ Ѳаддей, очень умный мальчикъ, котораго подрядилъ я въ Троицкомъ посадѣ до Александрова. Память Святаго жива въ народѣ. — «Потрудился Сергій Чудотворецъ для народа, говорилъ мнѣ крестьянинъ, всѣмъ послужилъ. Колодцевъ съ десять онъ все вырылъ. Вѣдь тутъ вездѣ былъ лѣсъ дремучій; звѣри жили; людей никого. Безъ Сергія Чудотворца не было бы и намъ ничего, а теперь имъ мы живы. У него, говорятъ, всего было довольно; кто-то ему въ келью накладывалъ; придетъ и наложить, а кто незнамо. Вѣстимо, что чай были Ангелы.»

Что Владимірцы-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему? — «Нѣтъ, тамъ говорятъ не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалые въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутошніе въ Александровѣ *присцоккиваютъ.*» — Смѣетесь вы надъ ними? — «За чѣмъ же смѣяться? Вѣдь и мы не лучше противъ ихняго скажемъ.» — Мнѣ понравился этотъ отвѣтъ смиренный, это благоволеніе къ другому нарѣчію,

хотя оно и противно уху. Крестьянинъ дальній, наѣзжая часто въ Москву, самъ добровольно подчиняется звукамъ и чистотѣ образованнаго нарѣчія Москвы; но Москвичъ не будетъ смѣяться надъ пріѣзжимъ провинціаломъ.

Поводомъ къ этому разговору было село Слотино, которое мы проѣзжали. Странно мнѣ было вдругъ встрѣтить здѣсь нарѣчіе Новгородское. Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно *цавокала*. Вотъ вамъ *цашеца*—говорила она. Крестьянинъ, мужъ ея, говорилъ чище чѣмъ она: виденъ человекъ ѣзжалый. Это привело меня къ тому заключенію, что нарѣчія мѣстныя изучать надобно отъ женщинъ домохъдокъ, которыя не покидали родины. Отъ мужика же вы рѣдко услышите чистое первоначальное нарѣчіе его села или деревни. Чуждое вліяніе всегда уже будетъ замѣтно въ его рѣчи.

Какъ зашло сюда нарѣчіе Новгородское? Слотино существовало уже во времена Грознаго. Когда Царь выселился изъ Москвы въ Слободу, грозя оставить царство,—тогда Епископы, поѣхавшіе къ нему туда уговаривать его о возвращеніи, остановились въ Слотинѣ. Здѣсь же остановился Князь Владиміръ Андреевичъ съ женою и дѣтьми, когда ѣхалъ на оправданіе къ Грозному; сюда явился разъяренный Царь съ толпою всадниковъ; эту деревню они окружили съ обнаженными мечами; въ одномъ изъ сельскихъ домовъ скрылся Царь; сюда привели къ нему Князя Владиміра съ его семействомъ — и здѣсь онъ погибъ жертвою его неистовыхъ подозрѣній. Никакъ нельзя вообразить, чтобы это село, болѣе похожее на деревушку, могло быть когда нибудь свидѣтелемъ такихъ трагическихъ событій.

Но откуда же взялось Новгородское нарѣчіе? Іоаннъ III, покоривъ Новгородъ, выселилъ изъ него болѣе осьми тысячъ Бояръ, именитыхъ гражданъ и купцевъ, получившихъ земли во Владиміръ, Муромѣ, Нижнемъ, Переславлѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ, Костромѣ. Не къ тому ли времени относится и Новгородское население Слотина?

Историческія воспоминанія пріятно соединять съ живою Русью, которая олицетворяется для васъ въ каждомъ простолюдинѣ. Я заслушивался разказовъ Оаддея. Миѣ любопытна была жизнь его. Сиротинкой остался онъ годочку послѣ отца, на рукахъ у вдовы матери. Ей не на что было воспитать сына; она должна была собирать для него милостыню и воспитала его около Троицкой Лавры однимъ Христовымъ подаваніемъ, и снарядила ему домикъ. Теперь онъ ее поитъ да кормить, да покоить, а она бабушка и няня дѣтей его. — А какъ ты женился, Оаддей? — «Да тоже взялъ за себя сиротинку. Ужъ такъ пришлось, одинъ къ другому. Жили двѣ дѣвушки; съ ними тетка, крестная мать ихъ; у нихъ была изба. Вотъ я и взялъ одну изъ дѣвушекъ за себя, а сестру ея тоже къ себѣ въ домъ, съ тѣмъ, чтобы выдать за мужъ и себѣ получить избу. Такъ и сдѣлалъ.» Дѣйствительность-то здѣсь выше той натянутой и брюзгливой поэзіи, которая сама плоше всякой плохой дѣйствительности.

Ну, а сколько у тебя теперь лошадокъ, Оаддей? — «Да четверня, по милости Божіей.» — А которую лошадку ты больше другихъ любишь? — «Да что — всѣхъ равно люблю.» — Нѣтъ, ужъ у васъ всегда есть любимая. — Да вотъ развѣ эту; эта будетъ *пословнѣе*. — А разсказываютъ ли у васъ на посадѣ сказки? — Бываетъ иногда. — Да гдѣ же больше разсказываютъ? — Да по трактирамъ шляются такіе сказочники; веселятъ народъ.

Дорога мрачностію соотвѣтствуетъ слободѣ Александровой и ея грознымъ воспоминаніямъ. Мѣста лѣсисты; конечно, это малые остатки отъ лѣсовъ прежняго времени. По сторонамъ открывались иногда виды довольно живописные. Замѣчательны имена урочищъ. У Троицы есть рѣчка Торгошъ и Кѣчкура. А вотъ тутъ передъ селомъ Коринскимъ рѣчка Пѣчкура! Самое Коринское также село древнее. Производятъ его отъ *каръ* Грознаго; но, конечно, это производство поэтическое. Вѣриѣ то, что село Коринское упоминается въ 1609 году. Въ немъ Сапѣга встрѣтилъ передовую дружину Князя Михаила Скопина.

По мѣрѣ того, какъ подъѣзжаете къ Александрову, мѣста становятся мрачнѣе и лѣсъ гуще. Но передъ тѣмъ, какъ открыться городу, лѣсъ, раздвигаясь, уступаетъ мѣсто обширной полянѣ. Вдали виденъ городокъ, сначала какъ будто въ лощинѣ; потомъ выше, живѣе и красивѣе вытягивается онъ, особенно горною своею стороною. Какія-то развалины съ башенкой возвышаются надъ новыми зданіями: это остатки славнаго коннаго завода, который былъ основанъ при Елисаветѣ, великолѣпно построень при Екатеринѣ, сгорѣлъ и не возобновленъ.

Въѣзжая въ городъ, по яркой пестротѣ цвѣта на одеждахъ простолюдиновъ вы замѣтите, что городъ оживленъ фабричною промышленностью; что народъ въ довольствѣ, что красивыя бумажныя издѣлья, которыми снабжаетъ Александровъ Россію, служатъ и населенію самого города. На улицахъ пріятно было встрѣчать лица свѣжія, женщинъ прекрасной наружности, дѣтей здоровыхъ и веселыхъ. Вотъ здѣсь фабрики, видно, съ пользою дѣйствуютъ на низшій классъ, не изнурая силъ его, но питая его и довольствуя.

Остановившись въ гостинницѣ, довольно скромной для промышленнаго города, у хозяина-извозчика, я направилъ шаги прежде всего въ уѣздное училище, къ своимъ сослуживцамъ. Насъ провожалъ по городу хозяйскій племянникъ, одинъ изъ учениковъ школы, хорошенькой и умный мальчикъ, лѣтъ 12-ти. Дорогою, чтобы не терять времени, я экзаменовалъ его. Весьма толково сказалъ онъ мнѣ наизусть всѣ 12 членовъ Символа Вѣры, хорошо знаетъ начатки Катихизиса, Краткую Священную Исторію, Географію Европы и Россіи. Объ учителяхъ своихъ и товарищахъ, особенно о старшемъ ученикѣ, говорилъ онъ съ уваженіемъ и любовью. Всѣ историческія примѣчательности города извѣстны 11-ти лѣтнему мальчику: и усыпальницы въ монастырѣ, и гробницы Маргариты и Θεодосіи, сестеръ Петра Великаго, и охотный дворъ Императрицы Елисаветы. Отъ товарища по ученію слышалъ онъ, что отецъ его имѣетъ книгу, печатанную въ Александровой Слободѣ, при

Царь Грозномъ : вѣдь здѣсь , баринъ , прежде была типографія . Мальчикъ изумлялъ меня своею смѣтливостью , проворствомъ , знаніями , хотя и смѣшалъ въ отвѣтахъ Ревекку съ Саррою . Послѣ оказалось , что онъ совсѣмъ не изъ лучшихъ учениковъ училища , что нерѣдко лѣнится въ классахъ , а между тѣмъ и онъ могъ служить хорошимъ аттестатомъ для всей школы . Я поручилъ ему отыскать старинную книгу ; но послѣ онъ отвѣчалъ на вопросы мои объ ней съ какимъ-то смущеніемъ , которое обнаруживало , что онъ , въ порывѣ дѣтской откровенности , проговорился о томъ , чего не вѣлно было ему сказывать . Такимъ образомъ слѣдъ любопытный старинной книги пропалъ у меня изъ виду . Можетъ быть , кто нибудь другой , счастливѣе меня , ее откроетъ .

Рѣка Сѣрая дѣлитъ городъ на двѣ части . Имя рѣкѣ дано по цвѣту , который еще сталъ сѣрѣе отъ фабрикъ , искажающихъ красоту Божія міра для потребностей человѣческихъ . Училище — маленькой свѣтлой домикъ — помѣщено на горной сторонѣ Александрова . Прекрасный видъ открывается оттуда на широкой , пространной лугъ и на городъ , лежащій вправо . Ученье только что было закрыто передъ моимъ пріѣздомъ , но Штатный Смотритель И . Ѳ . Милославовъ привелъ ко мнѣ лучшихъ учениковъ . Они , отвѣтами на мои вопросы , подтвердили мнѣ еще болѣе то доброе мнѣніе , которое составилъ я объ училищѣ по мальчику , мною случайно встрѣченному . Грамматика , Священная и Русская Исторія очень тверды . Экзаменъ былъ сдѣланъ невзначай , безъ всякихъ приготовленій , по желанію начальника школы , обрадовавшагося Профессору , который можетъ взглянуть своими глазами на его ревностныя усилія . Училище такъ содержится опрятно , какъ будтобы ждали кого-то . Карты географическія для черченія развѣшаны въ классахъ . Училищъ 4 . Въ Уѣздномъ 30 учениковъ , въ приходскомъ 61 , въ частной школѣ 40 , въ женской 22 ученицы . Число учениковъ къ народонаселенію относится какъ 1 къ 14 . Учащіеся мальчики , по большей части , ограничиваются одною грамотой и по-

ступаютъ на работу. Рѣдкой изъ нихъ пройдетъ всѣ классы школы. Часто порядокъ ученія нарушается тѣмъ, что мальчикъ по цѣлой недѣлѣ не ходитъ въ школу. Баловство родителей нерѣдко тому виною. Промышленность также отнимаетъ учениковъ у школы въ работники для своихъ фабрикъ, а сама не радитъ о ученіи народа. Мы думаемъ, что она, съ теченіемъ времени, больше получила бы и матеріальныхъ выгодъ, не говоря уже о нравственной пользѣ, если бы поступала иначе и умѣла бы согласовать требованія просвѣщенія съ своими вещественными видами.

Вся древность города сосредоточена въ стѣнахъ Успенскаго первокласснаго дѣвичьяго монастыря, который съ своею пространною оградой возвышается на другой сторонѣ города за рѣкою, на гористомъ мѣстѣ. Вечеромъ я успѣлъ только быть у всенощной. Народу въ церкви было не много, особенно для такого большаго праздника, какъ день Св. Апостоловъ Петра и Павла. Правда, есть еще въ городѣ большая соборная церковь. Но надобно сказать и то, что фабрики утомляютъ народъ, и немногіе, освободившись поздно отъ тѣлесныхъ трудовъ, рѣшаются еще на продолжительное стояніе во храмѣ Божиємъ. Промышленность должна бы быть предупредительна — и наканунѣ большихъ праздниковъ дать хотя два часа отдыха передъ всенощною, чтобы народъ могъ, отдохнувъ немного, посвятить послѣдніе часы дня и вечера Богу. Плоды духовной жизни въ народѣ, конечно, принесли бы пользу и самой промышленности, которая на нравственности народной, основъ порядка и благоустройства, выгадала бы тѣ два часа, которые уступила бы здѣсь въ пользу Религіи и Церкви.

Отъ монахини привратницы узналъ я, что въ монастырѣ сто монахинь, которыя живутъ на общинѣ. Игуменья Аполлиарія, отошедъ на покой по лѣтамъ, предоставила строеніе монастыря Игуменѣ Елисаветѣ, весьма дѣятельной и бодрой. — «А какъ у васъ будетъ завтра поздняя обѣдня, матушка, въ которомъ часу? — Да вѣдь мы не по вашему считаемъ часы, а по Русски. — Какъ это, ма-

тушка?» — Да, у насъ есть на башнѣ свои часы, Русскіе. Вотъ какъ заходитъ солнце, это значить 24 часа, а по захожденіи, идетъ первый часъ, тамъ второй, и далѣе. Такъ и бьютъ они. Это Русскіе часы. — «Ну, матушка, такъ у васъ часы не Русскіе, а Итальянскіе. Такъ до сихъ поръ считаютъ часы въ Римѣ. Завтра можно видѣть ваши часы?» — Можно, можно, сударь. У насъ такъ они и заводятся. — Итальянскіе часы въ Александровѣ монастырѣ! Должна быть непременно древность отдаленная.

На другой день, послѣ литургіи, осмотрѣлъ я соборную церковь. Она обѣ одной главѣ. Наружною архитектурою напомнила она мнѣ бывшую церковь Николы Явленнаго на Арбатѣ, несомнѣнно строенную при Іоаннѣ Грозномъ, которая недавно была сломана. Только размѣрами она гораздо пространнѣе. Время строенія положительно неизвѣстно; но есть признаки, что также при Іоаннѣ Грозномъ. Одноглавыя церкви у насъ вообще древнѣе пятиглавыхъ, но и пятиглавіе ведетъ начало свое тоже отъ глубокой древности. Въ 1158 году Князь Андрей Боголюбскій во Владимірѣ «заложилъ церковь камяну святой Богородици.... свершилъ же церковь 5 верховъ, и всѣ верхы золотомъ украсилъ, и створи въ ней епископью.» Верхи здѣсь конечно означаютъ главы. Но многія церкви, какъ Переславскій соборъ, какъ Спасъ на Бору, были одноглавыя. Любопытнѣе вопросъ: когда у насъ, съ какихъ поръ, начали перестраивать древнія одноглавыя церкви въ пятиглавыя и тѣмъ искажать красоту размѣровъ и внутреннее освѣщеніе храмовъ, и съ какою цѣлью эти передѣлки совершались? А въ исторіи нашего храмоваго зодчества это искаженіе церквей — фактъ несомнѣнный.

Здѣсь единоглавіе, къ счастью неискаженное, представлялось мнѣ во всемъ своемъ превосходствѣ касательно внутренняго дѣйствія храма. Свѣтъ падалъ сверху изъ продольныхъ стеколъ шеи купола и чудно озарялъ весь иконостасъ: давно не испытывалъ я подобнаго впечатлѣнія. Вся великая тайна Бога Слова, предвѣчно рожденнаго, земное воплощеніе, Царь міра и сонмы небесныя Церкви,

склоняющіеся съ обѣихъ сторонъ передъ неисповѣдимою тайною Христовой Вѣры: Богоматерь, Предтеча, Ангелы, Апостолы, мученики, исповѣдники, праотцы, въ лучахъ дневнаго свѣта, являлись мнѣ во всѣхъ подробностяхъ и производили на меня то впечатлѣніе, которое долженъ производить иконостасъ храма — это видимое таинственное небо нашей Церкви. Въ другихъ храмахъ недостатокъ свѣта, или золотыя украшенія, въ которыхъ самоуслаждалась или личность золотыхъ дѣлъ мастера или щедролюбивое усердіе доброхотнаго дателя, мѣшаютъ тому высокому созерцанію, которое такъ необходимо для молитвы. Здѣсь же мнѣ все было ясно, доступно, близко.

Надпись, видная въ алтарѣ на исподѣ иконы Владимірской Богоматери, которая находится по лѣвую сторону священника, предстоящаго престолу, свидѣтельствуетъ, что иконостасъ поставленъ и возобновленъ при Царяхъ Иоаннѣ, Петрѣ и Правительницѣ Софіи. Слѣдовательно, если онъ только возобновленъ живописью, то стало быть древнѣе Царя Алексѣя Михайловича: ибо нельзя предположить, чтобы потребовалось возобновленіе въ малый промежутокъ времени отъ Царя Алексѣя до троихъ дѣтей его.

Но главное доказательство въ пользу древности храма, такъ называемыя Васильевскія двери, находящіяся въ южномъ входѣ въ Соборную Церковь. Этому памятнику 511 лѣтъ. Онѣ названы Васильевскими по имени Новгородскаго Архіепископа Василя, который устроилъ ихъ въ церкви святой Софіи въ 1336 году, какъ сказано въ Новгородской лѣтописи («Боголюбивый архіепископъ Василій у святѣи Софіи двери мѣдьяны золочены устроилъ»). Иоаннъ Грозный, послѣ разгрома Новгородскаго въ 1570 году, вывезъ эти ворота въ свою Слободу. Должно думать, что тогда же онѣ и поставлены въ церкви.

Я осмотрѣлъ этотъ памятникъ по описанію Н. Н. Мурзакевича, которое нарочно взялъ съ собою. Описаніе составлено вѣрно и добросовѣстно. Весьма немногія поправки и дополненія случилось мнѣ сдѣлать. Содержаніе изображеній на дверяхъ относится къ жизни Богоматери

и Иисуса Христа. Они начинаются плачемъ Іоакима о неплодіи и молитвою Анны о зачатіи, и кончаются изображеніемъ Пресвятой Троицы. Обѣ половины дверей, затворенныя вмѣстѣ, представляютъ какъ бы нѣкоторый порядокъ въ событіяхъ, но не безъ отступленій. Видно, квадраты изготовлены прежде, а потомъ совокуплены невѣждою въ одно цѣлое. Преображеніе слѣдуетъ послѣ Воскресенія: это напомнило мнѣ знаменитое выраженіе профессора Сорбонны, Эдгара Кине: *la resurrection, et puis le Thabor*. Впрочемъ художникъ дверей не имѣлъ ли въ виду сказанія Евангельскаго, что Преображеніе Спасителя было обнародовано зрителями его по Воскресеніи? Въ надписяхъ на дверяхъ, Славяно-церковныя формы языка мѣшаются съ Новгородскимъ нарѣчіемъ: *мече* вмѣсто *мечеть* или *мечеть*. Нѣкоторыя слова закрыты прикрѣпленными сверху золотыми листами: очень жаль, потому что скрыто много любопытнаго.

Внизу на дверяхъ, послѣ всего того, что относится къ жизни Иисуса Христа и Богородицы, видны изображенія, съ отношеніемъ къ Царской власти. Давидъ, какъ образецъ Царя, вѣрнаго Церкви, поражаетъ Голіаѳа и несетъ торжественно ковчегъ Заѡта. Рядомъ съ нимъ примѣръ другой: Царь міра Иисусъ Христосъ сидитъ на престолѣ; ликъ его закрытъ прибитыми желѣзными листами; но вы отгадываете сидящаго по Евангелію и кресту, которые передъ Нимъ лежатъ на алтарѣ, съ орудіями страданій по одну сторону, и чашею по другую. Кентавръ, символъ любострастія, держитъ правою рукою маленькую фигуру и какъ бы кидаетъ ее далеко отъ Царя Бога: въ надписи сказано, что царь братъ Кентавра и что Кентавръ *мечеть* (*мече*) *братомъ своимъ на обитованную землю*. Тутъ же другое нравоучительное изображеніе: муштина сидитъ на деревѣ, отягощенномъ плодами, и наслаждается ими; внизу двѣ мыши подтачиваютъ корни дерева. Не могу согласиться съ почтеннымъ авторомъ описанія, что будто бы два различные мастера, Грекъ и Русскій, работали эти двери и что искусство одного уступаетъ искусству другаго. Люди

въ одеждахъ изображены лучше, чѣмъ нагіе: такъ бываетъ всегда въ первоначальномъ искусствѣ. Воскресеніе І. Х. и побѣда Давида надъ Голиафомъ весьма благообразны, потому что здѣсь тѣло покрыто одеждами. Не лзя того же сказать о крещеніи Спасителя, потому что художникъ не въ силахъ былъ рисовать наготу тѣла (*). Въ складкахъ же одеждъ видны вкусъ и нѣкоторое искусство.

По другую сторону у сѣвернаго входа есть образъ Спасителя съ Греческою надписью, которая какъ видно принадлежитъ Русскому невѣждѣ: вмѣсто τὸ φῶς τοῦ κόσμου (свѣтъ міра) читаете: τὸ φῶς τοῦ βοσίου. Всѣ малыя паникадила передъ мѣстными иконами серебряныя — даръ Царевнѣ Маргариты и Θεодосіи Алексѣевнѣ, какъ это можно видѣть по надписямъ, ихъ окружающимъ. Въ алтарѣ есть еще маленькой придѣлъ Сүмеона Богопріимца.

Успенскій храмъ, по мнѣнію молодаго священника, весьма образованнаго, заключаетъ въ себѣ наибольшую древность монастыря; но не столько самая церковь, сколько то зданіе, изъ котораго она построена. Главная церковь во имя Успенія Богоматери, котораго икона весьма ува-

(*) См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1837. Декабрь. Васильевскія двери въ городѣ Александровѣ. Сдѣлаю нѣкоторыя дополнительныя замѣчанія къ дѣльному описанію Н. Н. Муракевича. Если двери затворить, то не будетъ такого безпорядка въ постепенности изображеній, какой замѣченъ Авторомъ, хотя правда не во всемъ. При распятіи у креста присутствуетъ Іоаннъ и потому должно читать.... аннъ, а не анны (стр. 609). Никодимъ, сидя у подножія креста, не держится за веревку, а клещами вынимаетъ гвоздь изъ ноги Спасителя. Въ Сшествіи Св. Духа на Апостоловъ внизу изображенъ побѣжденный царь тьмы въ коронѣ, отдѣленной отъ верхней картины круговидною чертою. Подобное изображеніе встрѣчается не рѣдко на иконахъ того же содержанія. Тоже видѣлъ я въ Троицкомъ Соборѣ Лавры на паперти. Въ воскресеніи Лазаря слуга не пособляетъ встать воскресшему, а снимаетъ съ него пелены. Иконы съ изображеніемъ Богоматери, иррадушей волну (стр. 621), встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Кіевѣ. Вотъ все, что я могъ замѣтить въ знакъ уваженія къ труду почтеннаго археолога, безъ котораго не ясны бы для меня были Александровскіе ворота.

жаема, подновлена усердіемъ И. О. Баранова. По бокамъ два придѣла, Іоанна Предтечи и Св. Маріи Египетской. Въ послѣднемъ придѣлѣ иконостасъ замѣчательнъ красотою своей иконописи: особенно поразило меня необыкновенною граціею образъ Архидіакона Стефана на сѣверныхъ дверяхъ, съ кадиломъ въ правой рукѣ и съ камнемъ въ лѣвой. Живопись, должно думать, времянь Царя Θεодора Алексѣевича, при которомъ было сильно Итальянское вліяніе. Все это зданіе всѣми подробностями своими показываетъ, что оно первоначально назначено было не для церкви. Окна и двери не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бы слѣдовало имъ быть; углубленія въ стѣнахъ безъ всякой причины. Подобныя я видѣлъ послѣ въ Твери, въ церкви Отроча монастыря, передѣланной изъ келліи Митрополита Филиппа. Въ трапезѣ большой церкви съ праваго краю и во всемъ придѣлѣ Маріи Египетской вы видите остатки деревяннаго пола, составленнаго изъ сосновыхъ квадратовъ. Это, конечно, полъ прежняго зданія. Внѣшнія части зданія при церкви, подъ одною съ нею кровлею, показываютъ также, что оно все вмѣстѣ когда-то составляло одно цѣлое: при передѣлкѣ же его въ церковь съ двумя придѣлами, нѣкоторыя части не вошли въ новый планъ — и теперь въ нихъ жилия комнаты. Конечно, опытный въ храмовомъ нашемъ зодчествѣ архитекторъ могъ бы окончательно рѣшить вопросъ о первоначальномъ назначеніи этого зданія. Не здѣсь ли былъ монастырь Грознаго? Не тутъ ли кельи его опричниковъ? Священникъ сказывалъ мнѣ, что по преданіямъ и догадкамъ, тутъ и полагають покои Іоанновы.

Еще болѣе убѣждаютъ въ вѣроятности этого предположенія подземные своды или подвалы, которые находятся подъ этимъ зданіемъ и занимають огромное пространство. Тутъ теперь монастырскіе погреба. Своды сложены изъ бѣлаго камня, точенаго въ большихъ размѣрахъ. Кладка, по признакамъ, очень древняя. Въ одномъ мѣстѣ стѣны, какъ бы впадина нарочно сдѣланная, и выдаются какіе-то два бруса съ обѣихъ сторонъ: трудно рѣшить, для какой цѣли это устроено? Тѣ, которые предполагають, что въ

этомъ мѣстѣ была обитель Іоаннова, спрашиваютъ: не для пытки ли какой? Въ самые нижніе подвалы спускаться довольно трудно по обвалившимся ступенямъ, въ глубокой темнотѣ, при свѣтѣ лучины. Здѣсь чуть-чуть проникаетъ свѣтъ въ самыя узкія отверстія, которыя сдѣланы надъ землею. Мѣстами на камняхъ сводовъ я замѣчалъ слѣды буквъ: м, р. Подъ другою церковью Покрова Богоматери, гдѣ теперь хлѣбня и запасы муки для монастыря, находятся другіе своды и подвалы. Въ глубину сходы такіе, что спускаться страшно. Входятъ въ тѣ, которые служатъ магазинами, а на дальніе только показываютъ съ ужасомъ, предполагая, что здѣсь были какіе нибудь тайники или подземные проходы. Подозрительный Іоаннъ любилъ ихъ. Вообще вся эта подземная сторона гадательно напоминаетъ о темномъ пребываніи здѣсь Царя Грознаго.

Надъ церковью Покровѣ устроены тѣ часы, которые въ монастырѣ слывуть Русскими и которые, начиная счетъ времени отъ заката солнечнаго, обличаютъ Италіанское происхожденіе. Старушка живетъ при часахъ, ежедневно заводитъ ихъ, свѣряетъ съ солнцемъ и завѣдываетъ ихъ механикой, которая, судя по наружности ея и устройству, должна быть первоначальная. Надобно слышать, съ какимъ заботливымъ участіемъ говоритъ старушка о своихъ часахъ. Посредствомъ двухъ деревянныхъ дощечекъ, она какъ-то устроила правильное движеніе маятника, который было испортился. Вся жизнь ея въ этихъ часахъ. Впрочемъ для монастыря они чрезвычайно важны, потому что всѣ занятія монастырской общины распредѣлены по нимъ. Когда эти часы сдѣланы или откуда привезены? неизвѣстно. Если они устроены уже по основаніи монастыря, то въ эти времена у насъ были свои Русскіе часовщики. Изъ юридическихъ актовъ мы знаемъ, что Петръ Кузьмицъ Печонкинъ, Тихвинецъ, посадской человекъ, въ 1655 г., взялся для одного дѣвичьяго монастыря своими работными людьми собрать казенные часы боевые, поставить ихъ на колокольнѣ наготово, *какъ имъ битъ на четверо часы по четвертемъ, безмятежно*, указать ихъ

монастырскому человѣку и вывести кругъ указной, по чемъ ихъ водить и знать, и впрѣдъ шесть мѣсяцевъ починивать ихъ *безволокидно*, а все это за *полпята рублн.* (Акты Юрид. № 199).

Должно думать, что все это мѣсто, послѣ смерти Грознаго, оставалось въ запустѣннн до самыхъ тѣхъ временъ, когда здѣсь была основана женская обитель. Время основанія оной не опредѣлено. Въ Исторіи Россійской Іерархіи сказано, что Царь Алексѣй Михайловичъ въ 1651 году разрѣшилъ грамотою для старицъ строить при церкви кельи и ограду. Но древнѣйшая грамота, хранимая въ самомъ монастырѣ, относится къ Θεодору Алексѣевичу. Есть преданіе о старцѣ Лукіянѣ, который имя свое далъ пустынь, лежащей въ 10 верстахъ отъ Александра, что онъ, съ благословенія Патріарха Іоакима, основалъ и освятилъ эту женскую обитель. Протоіерей соборной церкви сказывалъ мнѣ, что есть о томъ рукописное сочиненіе, которое ходитъ по рукамъ любителей старины. Вѣроятно, для обители воспользовались существовавшею уже церковью Успенія Богоматери и зданіями Іоанна Грознаго, которыя отличались необыкновенною твердостью, какъ это можно видѣть изъ многихъ памятниковъ его времени.

Здѣсь-то жили въ инокиняхъ двѣ сестры Петра Великаго: Марѳа (Маргарита) и Θεодосія Алексѣевны. Первая преставилась въ 1697, а вторая въ 1713 году. Память ихъ есть древнѣйшее и священное преданіе монастыря. Ихъ смиренныя, низменныя кельи пристроены къ колокольнѣ. На нихъ показываютъ съ благоговѣніемъ. Ими устроены деревянныя усыпальницы, или похоронныя погреба, гдѣ и теперь хоронятъ монахинь, ставя гробъ на гробъ. Мы видѣли нѣсколько гробовъ, поставленныхъ одинъ надъ другимъ, съ воткнутыми въ нихъ вербами отъ заутрени вербнаго воскресенія. Откуда взялся обычай усыпальницъ — не знаю. Онъ напомнилъ мнѣ обычай погребенія, прежде существовавшій въ Римѣ, хоронить въ подземныхъ погребкахъ и также ставить гробъ на гробъ. Въ этихъ же усыпальницахъ похоронены были и Царевны, согласно ихъ соб-

ественному желанію, вмѣстѣ съ другими монахинями; но потомъ перенесены были ихъ гробы въ другую отдѣльную усыпальницу, подъ церковь Срѣтенія Господня. Здѣсь на двухъ гробницахъ горятъ неугасимыя лампы — и народъ чтитъ память Царевнѣ — инокинѣ частыми панихидами. Передъ входомъ, у окна, вы видите портретъ Маргариты, имѣющей большое сходство съ Петромъ Великимъ и Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Монастырская ризница хранитъ также память Царевнѣ. Богатыя ризы, шитыя жемчугами, серебромъ и золотомъ, ихъ рукодѣлье. Замѣчательны: крестъ, построенный въ церковь Царицею Натальею Кирилловною въ 1694 году за здоровье ея, Петра Алексѣевича и Царевича Алексѣя Петровича; ложка столовая Царевны Софьи Алексѣевны съ буквами ея имени, — и блюдо серебряное, вѣсомъ фунтъ и 5 золотниковъ, которое Царю Алексѣю Михайловичу поднесли Голландцы съ надписью: «21 весть фунт. 5 зол. Государю челомъ удари Галанскіе торго немцы давидъ микула стоварищи РНС Оев. вѣ.» 7156—1648, въ 12-й день Февраля, т. е. на праздникъ Алексія Митрополита, но это не былъ день именинъ Царя. Имянинникомъ бывалъ онъ 17-го Марта, какъ значится въ царскихъ выходахъ: Марта въ 17 день слушалъ Государь всенощную, на свой Государевъ ангель, въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Жаль, что въ выходахъ 1648 года весь Февраль утраченъ, а не то, можетъ быть, мы и прочли бы что нибудь о приношеніи Давыда Микулы съ товарищи.

Тутъ же въ ризницѣ хранится нѣсколько кожаныхъ лоскутковъ, т. е. старинныхъ денегъ, тѣхъ самыхъ, которыя изъ этого же монастыря присланы были въ наше Историческое Общество. Это маленькіе четверугольнички изъ толстой кожи съ знакомъ въ родѣ загнутаго гвоздя. Я помню: наши скентики, тогда бывшіе еще въ большой силѣ, ихъ оподозрили и объявили поддѣлкой. Но что же за нужда была городу Александрову ихъ поддѣлывать? Отъ ризничей слышалъ я, что этихъ кожаныхъ лоскутковъ можно много найти и по городу. Гдѣ отрыты они были — неизвѣстно.

Отъ памятниковъ древней Руси возвращаясь къ новой, не могу не сказать, что нынѣшній городокъ Александровъ всею жизнію и дѣятельностью своею обязанъ своему гражданину, всѣми уважаемому, Ивану Федоровичу Баранову (*). Я и прежде слышалъ объ немъ отъ Барона А. К. М—фа, какъ объ человѣкѣ ума и просвѣщенія необыкновеннаго, съ великими замыслами, могущими принести честь торговлѣ и промышленности Русской. Къ моему сожалѣнію, И. О. былъ въ Петербургѣ, куда поѣхалъ за сыновьями, которые воспитываются тамъ въ высшемъ Коммерческомъ училищѣ. Я не могъ познакомиться съ нимъ, чего весьма желалъ.

И. О. Барановъ здѣсь главный двигатель торговли и промышленности, не смотря на то, что есть купцы въ Александровѣ и богаче его. Онъ понялъ, что Россія въ своихъ торговыхъ замыслахъ должна имѣть въ виду Европу и Азію: Европу, какъ образецъ, съ которымъ не только должно сравняться, но даже его превзойти; Азію, какъ неисчерпаемый источникъ для матеріала, и какъ средство для сбыта. Крашеные бумаги и ситцы — главное его занятіе: промышленность народная, соответствующая потребностямъ всѣхъ классовъ. Народъ нашъ любитъ свѣтлыя одежды и яркость красокъ: красный и розовый — его любимые цвѣта. Промышленникъ долженъ примѣняться и къ народному вкусу, если хочетъ успѣха и выгоды. И. О. учредилъ въ селѣ Карабановѣ новую ситцовую фабрику, съ цѣлью превзойти всѣ иностранныя издѣлья въ этомъ родѣ. Марену вывозить онъ изъ Хивинскаго царства, и въ обработкѣ ея вошелъ въ соперничество съ Элберфельдомъ, этимъ Манчестеромъ Германіи, который одинъ до сихъ поръ завѣдывалъ ею въ Европѣ: маренá Барановская являлась уже на Лейпцигской ярмаркѣ и состязалась съ Элберфельдскою. Изъ Хивы же выписалъ онъ въ нынѣшнемъ году 35,000 пудъ хлопчатой бумаги. Г. Чихачевъ

(*) Къ несчастію, Александровъ лишился съ тѣхъ поръ своего благодѣтельнаго гражданина.

въ своей статьѣ, которую читалъ въ Географическомъ Обществѣ 3-го Декабря: *объ изслѣдованіи верхняго бассейна Сыръ-и Аму Дары*, относительно торговли нашей съ Азіею, выражаетъ ту мысль, которую Г. Барановъ давно уже исполняетъ на дѣлѣ. «Главная польза замѣны Американской хлопчатой бумаги и заморской марены Азіатскими, говоритъ онъ, состояла бы въ томъ, что Россія платила бы за нихъ своими мануфактурными издѣліями и что притомъ доставкой хлопчатой бумаги и марены занимались бы не иностранцы, но большею частию сами Русскіе, которые перевозили бы также и свои издѣлія на Азіатскіе рынки.» То и дѣлаетъ И. О. Барановъ. Виды его простираются на Кавказъ въ слѣдъ за нашимъ оружіемъ: ужь онъ ведетъ большой торгъ и въ Тифлисѣ.

Въ такомъ славномъ нашемъ фабрикантѣ пріятно найти благочестиваго и добраго человѣка. Придѣлъ въ соборной церкви Александра отдѣливается на его счетъ, со вкусомъ и великолѣпіемъ. Во всемъ околѣдкѣ раздаются отъ народа единогласныя похвалы И. О. Баранову за его добро. «Да, онъ не побойся, какъ другіе, говорилъ мнѣ извощикъ, чтобы у него фабрика сгорѣла. Нѣтъ того бѣднаго человѣка, кому бы онъ не сдѣлалъ добра. У мужика коровка свалилась, коровку дасть. Къ нему вѣдь какіе гурты-то гоняютъ по осени!» Такой голосъ — лучшая награда доброму дѣлателью.

Гдѣ воспитался И. О. Барановъ, умѣвшій соединить Европейскія мысли съ такою чистою Хрістіанскою основою? Въ какойнибудь Академіи, въ высшемъ училищѣ? Нѣтъ, мнѣ говорили, что Александровъ былъ его колыбелью и мѣстомъ воспитанія.

Я старался развѣдать: не сохранилось ли въ народѣ какихънибудь преданій объ Іоаннѣ Грозномъ, о его пребываніи здѣсь, объ Александровской слободѣ, которая, по сказанію одного древняго житейника, хотя по слову и означала тоже что свобода, а была *горше Египетской работы*. Одинъ почтенный старожилъ, Семенъ Антипѣвичъ, сказывалъ мнѣ, что онъ ничего не слышалъ отъ своихъ пред-

ковъ. Мои сослуживцы по учебному вѣдомству также не могли мнѣ сообщить ничего. Народъ помнить конный заводъ Елисаветы Петровны, охотный лугъ, гдѣ охотилась сама Императрица, эта прекрасная всадница, какъ воспѣлъ ее Ломоносовъ; по все, касающееся до Иоанна, покрыто, по видимому, забвеніемъ. На мѣстѣ его чертоговъ и келлій стоятъ памятники благочестія. Одни мрачныя каменныя подземелья гадательно напоминаютъ объ немъ. Въ народѣ не ходитъ ни сказки, ни пѣсни, ни преданія о грозномъ царѣ въ томъ мѣстѣ, которое было свидѣтелемъ его жестокостей и причудъ. Вотъ еще добрая черта нашего народа! Онъ не злопамятенъ; исторія злопамятиѣ его, какъ сказалъ Карамзинъ. Что, думаетъ онъ, помнить дурное о царяхъ и сочинять на это сказки? Лучше забыть, да помолиться на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено какое зло. Извѣстно, что даже сыноубійство Иоанново въ одной народной пѣсни, касающейся этого событія, исправлено — и казнь, повелѣнная царемъ палачу Скуратову, не исполняется усердіемъ добраго боярина. На мѣстахъ крови и зла, мы издревле любили ставить неobeliski и не пирамиды Египетскіе, но храмы и кресты. На западѣ, въ подобномъ случаѣ, стояла бы какая нибудь башня съ привидѣніями, и рассказывалась бы страшная легенда о Грозномъ, въ вѣчное отмщеніе его памяти, и путешественникъ — собиратель обрадовался бы такому разсказу и передалъ бы его читателямъ, прикрасивъ его съ своей стороны какими нибудь цвѣтами. Что касается до меня, то я радъ былъ за нашъ народъ, что не пошелъ въ немъ никакой памяти о злодѣйствахъ Иоанновыхъ. Не знаю, впрочемъ, можетъ статья, другой путешественникъ будетъ несчастіѣ меня въ отношеніи къ мнѣнію моему о нашемъ народѣ и счастлиѣе въ отношеніи къ романической занимательности своего разсказа объ Александровѣ.

ПЕРЕСЛАВЛЬ ЗАЛЪСКОЙ.

Дорога въ Переславль.—Озеро Плещеево.—Слѣды пожара въ городѣ.— Древности Переславля.—Проводникъ Акимъ Алексеевъ.—Новый соборъ.— Преданіе о Купалѣ.—Древній соборъ Спасопреображенскій.—Иконы.—Изображеніе таинства брака 1682 года.—Гробицы.—Храмъ Петра Митрополита.—Видъ съ колокольни собора.—Птицы-рыболовы.—Житіе Никиты Переславскаго, слышанное изъ устъ неграмотнаго мѣщанина.—Монастырь Горичкій.—Рыбацкая Слобода.—Даниловъ монастырь.—Веськово.—Гремячъ.—Ботикъ Петра Великаго.—Указъ Петра В.—Видъ на озеро.—Училища.—Проектъ изданія древностей Владимірскихъ.

Неразговорчивъ былъ извозчикъ, который везъ насъ изъ Александрова въ Переславль, до станціи. Онъ не *льзсалый* человекъ, не покидалъ своего Холопова, или какъ онъ произносилъ Фолопова, мѣняя букву х на ф и тѣмъ доказывая, что онъ вѣренъ своему мѣстному произношенію. Вообще замѣтилъ я, что мужики, мало ѣздившіе, а болѣе сидѣвшіе въ деревняхъ своихъ, неразговорчивы, необразованы. Оно и естественно. Общеніе съ людьми прежде всего образуетъ человекъ. Красивый, высокій мужчина смѣнилъ его на станціи. Крестьяне въ Петровъ день разговѣлись: кто молочкомъ, а кто побогаче — говядинкой.

Плохихъ лошадей, измученныхъ работой, мы должны были смѣнить въ другомъ селѣ. Сельской писарь, умный малой, вывезъ на лихой тройкѣ. «У насъ окружный-то, говорилъ онъ мнѣ, вотъ кажется и со всякимъ младенцемъ поговорить. Никого словомъ не *обездомилъ*» — Въ день Петра и Павла бываетъ праздникъ у ботика Петрова на озерѣ Переславскомъ, и гулянка у крестьянъ села Веськова. — Объ озерѣ рассказываетъ народъ, что оно все выплескиваетъ, что бы въ него ни бросили, хотя бы въ

самую середину. Отъ того и названо, конечно, Плещеевымъ. Разъ везли по озеру камень во сто пудъ : — онъ упалъ въ воду какимъ-то образомъ. Озеро не въ силахъ было волнами своими выплеснуть его на берегъ : такъ весною, когда ломало ледь, *икрами* вытерло его на то мѣсто, гдѣ его и показываютъ. Икрами называются огромныя льдины. Дно всего озера чистый песокъ : въ немъ нѣтъ ни ила, ни растений. Вода такъ прозрачна, что въ ней рѣшительно видно все, на какой бы глубинѣ что ни кинули, какъ говоритъ народъ и подтверждаютъ очевидцы. Чистота воды даетъ и рыбѣ вкусъ превосходный.

Ночью пріѣхали мы въ Переславль. Вдали бѣлою полосой лежало озеро. Передъ гостинницей, гдѣ мы остановились, виднѣлись обгорѣлыя развалины каменныхъ домовъ послѣ пожара, недавно бывшаго. Въ городѣ это было еще свѣжимъ грустнымъ событіемъ. Но вмѣстѣ съ несчастіемъ рассказывали и о благотворительныхъ подвигахъ купечества. Первый помогъ Алексѣй Петровичъ Столбовъ, старѣйшій изъ гражданъ Переславскихъ. За тѣмъ помогъ изъ Москвы племянникъ его, Константинъ Алексѣевичъ Куманинъ. Ждали, что пришлютъ Киселевы изъ Шуи, а они родня Темерину-Додонову, головѣ, котораго фамилія старинная въ Переславлѣ; домъ его также сгорѣлъ. Честь и слава доброму нашему купечеству! — оно, первое, является на помощь въ подобныхъ бѣдствіяхъ.

Рано утромъ пошелъ я осматривать древности Переславля. Въ то время, когда на улицѣ затруднялся я въ проводникѣ и разговаривалъ о томъ съ мальчикомъ гостинницы, замѣтилъ мое затрудненіе шедшій по улицѣ мѣщанинъ. — «Что вамъ угодно, баринъ?» — спросилъ онъ у меня. — Да вотъ взглянуть на вашу древность, на ваши соборы и монастыри. — «Извольте, баринъ, я вамъ все покажу. Какъ намъ не знать своего города?» — Да у тебя, можетъ быть, есть дѣло. — «Ничего, ничего, батюшка. Радъ вамъ послужить.» — Этотъ Переславской чичероне Акимъ Алексѣевъ, мѣщанинъ Федоровской слободы. Я

рекомендовалъ бы его всякому, кто бы захотѣлъ познакомиться съ Переславлемъ: преумный малый, знаетъ въ городѣ все, старое и новое, а грамотѣ не учился. Я не расставался съ нимъ цѣлый день.

Въ новомъ соборѣ нѣтъ ничего древняго, кромѣ двухъ иконъ. Одна — Владимірской Богоматери. Объ ней существуетъ слѣдующее народное преданіе, рассказанное мнѣ Акимомъ. Въ Переславлѣ народъ поклонялся идолу Купалу. Когда Владиміръ внесъ Христіанскую вѣру, Переславцы хотѣли все-таки продолжать свое языческое поклоненіе. Но Владиміръ прислалъ къ нимъ икону Пресвятой Богоматери и тѣмъ удалилъ ихъ отъ кумира. Потому и празднуютъ ей наканунѣ того дня, какъ праздновали Купалу. А икона въ народѣ слыветъ до сихъ поръ Купальницей. — Другая икона Спаса Нерукотвореннаго, также весьма уважаема народомъ, какъ древняя святыня. Она была обожжена въ какомъ-то пожарѣ. Протоіерей полагаетъ, что перенесли ее изъ стараго собора. Судя по стилю, этотъ образъ долженъ напоминать самыя первоначальныя времена Переславля. Въ сохраненіи его нѣтъ ничего необыкновеннаго. Во время пожаровъ, конечно, прежде всего спасали святыню.

Но вотъ неподалеку отъ новаго собора, близъ высокаго вала, древній соборъ Спасопреображенскій, сложенный изъ бѣлаго камня, обь одной главѣ. Поразительны простота и гармонія этого зданія. Можете взглянуть на изображеніе его въ Русской Старинѣ, Г. Мартынова, и на прилагаемый рисунокъ, но здѣсь ясна будетъ для васъ одна виѣшняя его форма, а не стройность размѣровъ, которую можно передать только посредствомъ архитектурнаго рисунка. Въ 1152 году, говоритъ Никонова лѣтопись, Великій Князь Юрій Долгорукій «градъ Переславль отъ Клещина пренесе, и созда болши старого, и церковь въ немъ постави камену святаго Спаса.» Стало быть, древнѣйшій городъ находился на берегу озера Плещеева, въ старину Клещина или Клешнина; теперешній же городъ отдалецъ отъ него, а валъ, окружавшій древній городъ, строенный Княземъ Юріемъ, еще далѣе отъ озера. Соборъ

стоитъ почти у самаго вала. Отъ вала обращенъ онъ на востокъ. И. М. Снегиревъ въ описаніи этого храма передалъ намъ историческія воспоминанія, соединенныя съ нимъ.

Иконы внутри храма, большею частію, древнія. Замѣчательнѣйшая Спаса Милостиваго: по сторонамъ Спасителя Богоматерь и Іоаннъ Креститель. Лицо сего послѣдняго — типъ превосходный, чисто Византійскій. На свиткѣ, находящемся въ рукахъ его, надпись, по стилю буквъ и языку древняя: «Се агнецъ Бжїи взямаи міру грѣхи.» Буква жъ необыкновенной формы; буква з по Востокову весьма древняя. Замѣчательнъ дательный падежъ: міру грѣхи — вмѣсто грѣхи міра — также древній Славянскої оборотъ, котораго нѣтъ и въ Остромировомъ Евангеліи на этомъ мѣстѣ. Снятіе этой иконы можно бы рекомендовать художнику-археологу, который захотѣлъ бы у насъ заняться собраніемъ иконъ замѣчательныхъ. Здѣсь же есть удобство для такого изученія, чего нѣтъ въ другихъ храмахъ; иконы безъ окладовъ и доступны во всей ихъ цѣлости.

По правую сторону отъ царскихъ дверей, вторая мѣстная икона весьма примѣчательна не столько древностію своею, сколько содержаніемъ. На верху читаете надпись: Образъ Распятія Господа — Седмъ Таинствъ. По серединѣ иконы изображенъ Спаситель, распятый на крестѣ, а вокругъ Него семь Таинствъ. Шесть изображено въ кружкахъ, и лица самаго мѣньшаго размѣра. Но видно, что на Таинство брака живописецъ обратилъ вниманіе гораздо бѣльшее. Оно представлено внизу и какъ бы указываетъ поводъ, по которому икона была написана. Церей благословляетъ чету, богато одѣтую, соединяя руки жениха и невѣсты, на которыхъ одежды древне-Русскія. Возлѣ невѣсты стоитъ женщина не молодая, также въ богатомъ нарядѣ, подъ фатою, и въ лѣвой рукѣ у нея свѣча, а правою держитъ она вѣнецъ на головѣ невѣсты, которая, съ распущенными волосами по обычаю, даже теперь существующему у нашихъ крестьянокъ около Москвы, подаетъ правую руку жениху, въ лѣвой же держитъ ширинку. На шеѣ и на груди ея много мошнствъ и

драгоценныхъ каменевъ. На платьѣ изъ парчи узорочной обозначена талія поясомъ съ городками. Женихъ, съ подобранными волосами на головѣ, въ парчевой ферязи съ петлицами, изъ-подъ которой виденъ зипунъ, подаетъ правую руку невѣстѣ. При женихѣ стоитъ мушкетеръ, еще наряднѣе одѣтый чѣмъ самъ женихъ, судя по узорамъ ферязи, съ длинными волосами, вьющимися по плечамъ, и какъ у женщины, въ одной рукѣ у него свѣча, другою же онъ держитъ вѣнецъ на головѣ жениха. Вѣнцы жениха и невѣсты различны: на послѣдней онъ имѣетъ видъ пламени, бьющаго къ верху. Кругомъ всего образа написаны стихіры, которыя поются на Воздвиженіе Креста. Надъ Таинствомъ же брака большая надпись: Тайна седьмая святаго бракосочетанія. Надъ головою жениха: Бракъ есть таинство, въ которомъ служитель церковный обручаетъ два сочетавающихся лица. Надъ головою невѣсты: О нихже речено еже Богъ сочетаетъ, человекъ да не разлучаетъ и будете оба въ плоть едину. Въ самомъ же низу иконы читаете: *Во ѡлто 394* ($\frac{1190}{1682}$) *поставилъ сей образъ всоборный и Апѡстѡлъ цркви Преображенія Спасова по обѣщанію своему подъячей Никита Ведерницынъ. Писалъ иконописецъ Стеванъ Казариново.* Вѣроятно, этотъ образъ имѣетъ отношеніе къ браку подъячаго. Совершеніе обряда и древнія наши одежды, особенно женскія, большая у насъ рѣдкость, весьма любопытны. При невѣстѣ дружкою женское лицо, не какъ теперь. Письмо иконы Фряжское. Краски весьма ярки, но съ желтизною. Эта икона стоить того, чтобы снять съ нея копію, особенно съ нижней ея части. Прилагаемая здѣсь литографія послужитъ живымъ объясненіемъ къ моему разсказу (*).

(*) Весьма радъ, что мое описаніе иконъ Спасопреображенскаго собора, равно и нѣкоторыя другія подробности перешли въ описаніе Переславля, составленное Г. Савельевымъ-Ростиславичемъ послѣ полугоднаго его пребыванія въ этомъ городѣ и напечатанное въ 6-й книжкѣ Сына Отечества 1848 года.

Тайна. 3: А:

С҃таго

Бракъ

сочетанія.

Въ алтарѣ церкви гробница: думаютъ, что здѣсь погребенъ Князь Іоаннъ Дмитріевичъ Переславскій, внукъ Невскаго, основываясь на лѣтописи, которая рсточаетъ ему большія похвалы, не означая однако мѣста погребенія. Въ самой церкви двѣ гробницы: предполагаютъ, что похоронены его предшественники. Но впрочемъ все это гадательно, потому что надписей нѣтъ. Древняя Русь не считала нужнымъ, какъ видно, надписывать имена лицъ на надгробныхъ камняхъ.

Не подалеку отъ древняго собора находится церковь Св. Петра Митрополита, вторая по своей древности. Новыя пристройки безобразятъ, къ сожалѣнію, ея изящную архитектуру. Особенно красива верхняя часть ея: осьмиугольникъ суживается къ верху и оканчивается главою, которая имѣетъ сходство съ Архіерейскою Митрою. Нѣтъ ли въ этой формѣ какого нибудь символическаго значенія? Не было ли у насъ различія въ образахъ церковной архитектуры, смотря по посвященію храма? Въ Угличѣ я видѣлъ древнюю церковь во имя св. Алексія Митрополита, точно такого же вида, какъ Переславская. На древнихъ Спаскихъ соборахъ глава также всегда одинаковой формы. Символика нашего древняго зодчества — тайна еще не разгаданная у насъ, но тутъ не можетъ быть случайности. Все, конечно, было опредѣлено. Внутри церкви иконопись до того подновлена, чымъ-то усердіемъ, что не осталось и слѣдовъ ничего древняго. Грустью отзывалось мнѣ въ сердцѣ слово: *поусердствовали!* которое я нерѣдко слыхалъ въ монастыряхъ и древнихъ нашихъ храмахъ. Конечно, никто не осмѣлится порочить благочестивыхъ побужденій въ такомъ священномъ дѣлѣ; но если хотите построить или украсить храмъ Богу: то зачѣмъ же непременно вамъ надобно разорить для того или заново измѣнить какое нибудь зданіе, которое служить памятникомъ молитвы вашихъ предковъ и прожило нѣсколько столѣтій? Вы стрѣдите въ XIX вѣкѣ: архитектура храма должна отвѣчать новымъ потребностямъ времени. — Еще ужасно видѣть, какъ рука новаго живописца размазываетъ на древнихъ иконахъ свои новыя, румяныя и дебелыя, изображенія, въ которыхъ

самоуслаждается его развитая личность. Да не ужели же нѣтъ для того простаго дерева? Зачѣмъ же надобна непременно для такихъ подвиговъ древняя икона, на которой печать вѣковъ? Великій художникъ, конечно, не совершитъ такого святотатства, а совершитъ его можетъ одинъ невѣжда, съ развитою безусловно личностью.

Въ церкви я нашелъ одну только древнюю икону — Святителя Петра, висящую на стѣнѣ съ лѣвой стороны, и та сохранена, какъ сказывалъ мнѣ священникъ, по приказанію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Цесаревича.

День былъ свѣтлый. Я взшелъ на колокольню новаго собора, и оттуда открылся мнѣ прекрасный видъ на озеро, городъ и его окрестности. Озеро Плещеево стелется вдаль, ясное и лазоревое, и шумитъ, весело плеща своими волнами. По небесному цвѣту поверхности вы видите, какъ чисто должно быть песчаное дно его. По краямъ видны сѣла: слѣва Вескѣво, памятное ботикомъ Петра Великаго, Соломино, справа Борисоглѣбское, Воронцово, а тамъ далеко, далеко за озеромъ, село Кутань (*). Къ озеру отъ города примкнула рыбацья слобода, гдѣ лѣнивый и грязный Трубежъ вливаетъ свою мутную волну въ его лазоревую и чистую влагу. Городъ весь виденъ, какъ на ладони. Отсюда вы легко можете обѣжать глазами весь зеленый валъ, который образуетъ параллелограммъ промежъ домовъ и церквей. Взгляните отсюда, какъ были малы древніе города! За валомъ лежали слободы и посады. Живописно, но нескладно разметанъ городъ по ровному мѣсту. Новыя улицы отличаются отъ древнихъ прямизною. Двадцать двѣ церкви возвышаются надъ домами: изъ нихъ замѣтнѣе красотою стиля древній соборъ и церковь Петра Митрополита! Обиліе Божіихъ храмовъ — принадлежность древнихъ городовъ. Церкви,

(*) Въ Москвитинѣ я было напечаталъ Кутань, хотя мнѣ и назвали село, какъ записано у меня въ дневникѣ, Кутань. Г. Савельевъ-Ростиславичъ меня поправилъ. Но считаю обязанностію оправдаться. На картѣ стоитъ Кутань. Я повѣрилъ картѣ, думая, что, можетъ быть, ослышався, и записалъ невѣрно, а вышло такъ.

сады, огороды, дома каменные, деревянные, домики, хижины, лачуги, площади, улицы, пустыри, извилины рѣки, зеленая трапеція вала — все это въ живомъ разнообразіи перемѣшано произвольно и изображаетъ вамъ нескладное раздолье самой жизни. За городомъ, въ разныхъ сторонахъ, возвышаются монастыри: всѣхъ живописнѣе сльва на горѣ упраздненный монастырь Горницкій, гдѣ прежде былъ архіерейскій домъ, а теперь развалина; подалѣе монастырь дѣвичій Феодоровскій, основанный Грознымъ въ 1557 году, въ память рожденія сына его Феодора и во имя Св. Феодора Стратилата; ближе къ городу, у въѣзда отъ Москвы, монастырь Св. Данила Переславскаго, а на право вдали монастырь Св. Никиты Столпника. Съ одной стороны глаза разбѣгаются по голубой равнинѣ озера; съ трехъ другихъ сторонъ — по полямъ и горамъ, которыя оживлены пивами, лугами, лѣсами, деревнями. Это одинъ изъ свѣтлыхъ, привлекательныхъ видовъ, которые не такъ часто встрѣчаются въ нашемъ краю. Надъ всѣмъ городомъ и надъ озеромъ летаетъ изумительное множество бѣлыхъ рыболововъ. То даютъ они широкіе круги — надъ домами, во всѣ стороны города; то рѣютъ какъ бѣлыя точки въ небѣ надъ озеромъ; то, завидя рыбку, бросаются стремглавъ на воду.

Замѣчательно изобиліе этихъ птицъ въ Переславлѣ. Онѣ очень красивы: малы тѣломъ, бѣлы какъ Мартовскій снѣгъ на солнцѣ; клювъ и лапки у нихъ розовые. Такіе же ручные, какъ голуби въ Москвѣ, но еще ласковѣе и дружелюбнѣе къ человѣку. Летаютъ по домамъ, по дворамъ, садятся на окнахъ; иногда такъ пролетать надъ вашею головой, что чуть-чуть не задѣнутъ. Народъ ихъ любитъ, кормитъ и не бьетъ. Рыбаки считаютъ даже грѣхомъ убить рыболова, не смотря на то, что конечно эта птица поѣдаетъ здѣсь множество рыбы. Но Русскій чело-вѣкъ не жадеетъ, не корыстенъ — и любитъ давать волю прекрасному Божію созданію, которое своимъ полетомъ оживляетъ для него мертвую природу. Мы еще не дожили до того, чтобы птицамъ бояться промышленности нашего народа.

Изъ собора мы отправились въ монастырь Данила Переславскаго. Акимъ былъ нашимъ спутникомъ. Хоть онъ и не грамотень, а чего не знаетъ въ Переславлѣ, и про старое, и про новое время. Житія Переславскихъ чудотворцевъ ему извѣстны подробно. Сначала рассказывалъ онъ мнѣ о Св. Данилѣ, какъ онъ изъ Горицкаго монастыря смотрѣлъ часто на то мѣсто, гдѣ теперь стоитъ его обитель; потомъ заговорилъ о Никитѣ Столпникѣ — и то передавалъ мнѣ живою устною рѣчью, что я самъ только что прочелъ въ рукописномъ житіи Никиты, которое было со мною. Вотъ то, что я слышала отъ него.

«Никита жилъ въ Переславлѣ и былъ другъ мытарямъ.» — А кто такіе мытари? — «Да сборщики податей, батюшка. Сбирали подати княжескія, и промышляли воровствомъ и разными неправдами. Вотъ Никита разъ пошелъ на рынокъ купить мяса: купилъ, приноситъ женѣ своей. Жена начала варить его въ горшкѣ. Смотритъ въ печку: бьетъ изъ горшка страшная пѣна и всплываетъ то голова, то рука, то нога человѣческая. Сказала она о томъ мужу: Никита пришелъ въ ужасъ, покаялся и сказалъ женѣ: иду въ монастырь.»

Никита Переславскій жилъ въ XII столѣтіи. Этотъ рассказъ, записанный въ житіи и до сихъ поръ живущій въ устахъ народа, указываетъ на свирѣпыя нравы времени.

«Вотъ приходитъ Никита въ монастырь къ игумну и открываетъ ему грѣхъ свой. Никиту въ монастырь не принимаютъ. Онъ пошелъ, да и легъ въ ближнее болото, во стѣ саженьяхъ отъ монастыря. Лежитъ онъ день, другой, третій, не ѣстъ и не пьетъ.... Вдругъ увидѣли монахи: надъ болотомъ столпъ комаровъ и мошекъ вьется отъ земли до самаго до неба. Вздвиглись они тому, пришли до того мѣста, смотреть: лежитъ Никита — они и взяли его съ собою. Тамъ онъ и постригся. Донинѣ, батюшка, на праздникъ Никиты Переславскаго, 26-го Мая, если случается ведряное время, столпъ комаровъ и мошекъ вертится на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ болотѣ лежалъ Никита, а въ другіе дни этого не бываетъ.

«Не долго прожилъ въ монастырѣ Никита. Онъ заключилъ себя въ столбѣ, что стоитъ у большой дороги, и носилъ вериги. Сталъ служить народу, изцѣлять и творить чудеса, и много людей начало къ нему стекаться со всѣхъ сторонъ. Вотъ мытари, его бывшіе *содружебники*, позавидовали ему, что къ нему много народу приходитъ, и убили его. Вериги-то на немъ считали они золотыми или серебряными, сняли ихъ, повезли въ Ярославль; какъ привезли и увидѣли, что онѣ были желѣзныя, бросили ихъ въ рѣку Которость.... Вериги-то поплыли.»

Какія нравственныя мысли почерпаетъ народъ изъ этого разсказа? Гражданинъ, неправдами и разбоемъ достигшій крайнихъ предѣловъ порока, вдругъ раскаявается и въ смрадномъ болотѣ очищаетъ свое злодѣяніе. Постригшись въ монастырѣ, онъ не остается однако въ затворѣ обителя. Заключивъ себя въ придорожномъ столбѣ, онъ служитъ народу словомъ, совѣтомъ, поученіемъ, врачевствомъ, милостыней. Чистая слава его и польза сзываютъ къ нему всѣхъ, но и порождаютъ зависть. Онъ, очищенный и прославленный, убитъ прежними своими друзьями, свидѣтелями его прежнихъ злодѣйствъ. И вотъ природа сама нарушаетъ для него законъ, чтобы почтить святаго, и желѣзо, удручавшее его тѣло, не тонетъ на водѣ, а сохраняется на память народу. Такъ самоочищеніемъ отъ всякой мерзости и благодѣяніями народу снискалъ Никита святость: онъ продолжаетъ служить ему и теперь.

Церковь во имя Князя Андрея Смоленскаго, гдѣ покоются его мощи, не сохранила ничего древняго. Усердіе поновило все.

Съ особенною грустью вспоминалъ мой Акимъ о прошломъ великолѣпнѣи Горицкаго монастыря, когда тамъ былъ Архіерейской домъ и когда Амвросій Бантынь — Каменскій положилъ въ немъ основаніе Геосиманіи. Теперь уже все опустѣло — и только изрѣдка бываетъ служеніе. По мѣрѣ того, какъ идешь къ Данилову монастырю, и Горицкой вправо растетъ по горѣ и видѣется яснѣе и красивѣе.

Отъ временъ древнихъ мы въ разговорѣ переходили и къ новымъ временамъ. Главный доходъ города — рыба, говорилъ Акимъ. Но рыбой завѣдываетъ не городъ, а особая рыбацья слобода. Рыбы столько въ озерѣ, что можно наловить, по крайней мѣрѣ, на 60,000 ассигнаціями въ годъ. Такъ по расчету Акима, конечно, въ пять разъ преувеличенному его воображеніемъ противъ статистической дѣйствительности, которую предлагаютъ Владимірскія Губернскія Вѣдомости.—«Рыбаки, продолжалъ онъ, еще въ озерѣ запродали рыбу. Рыбаки Переславскіе не Русскіе, а все Чухна: переселены Петромъ Великимъ. У нихъ рѣчь-то хоть и Русская, да лица то вовсе не Русскія. Ростомъ малы, безобразны. Съ нами Русскими они не водятся — да и мы тоже съ ними. У нихъ и обычай другой, и нравы другіе, чѣмъ наши.» — Это замѣчаніе Акима мнѣ подтвердилось совершенно на томъ рыбацѣ, которому заказалъ я копченыхъ сельдей и лодку на озеро. Лицо у него чухонское, ростъ маленькой. Въ обращеніи смѣсь низости съ грубостью. «Сто разъ поклонюсь въ ноги, а не обидьте,» говорилъ онъ мнѣ, не будучи доволенъ никакою платою за своихъ сельдей. Никогда не скажетъ этого Русской простолюдинѣ — и не будетъ кланяться въ ноги изъ лишняго алтына.

Я сдѣлаю замѣчаніе, относительно сближеній Русскаго народа съ иностранцами. Когда переселяется къ намъ члвкъ отдѣльный изъ другаго народа, мы за него беремъ и въ третьемъ поколѣніи претворяемъ его въ нашу собственную народность. Когда же переселяется цѣлое племя или колонія, тогда оно остается неприкосновеннымъ и никакъ не смѣшивается съ народонаселеніемъ Русскимъ. Возьмите въ примѣръ Нѣмецкихъ колонистовъ въ южныхъ губерніяхъ; возьмите Татаръ, Цыганъ, Чувашей, Мордву; сюда же относятся и Корелы, переселенные Петромъ Великимъ въ Переславскую рыбацью слободу. Они потеряли свой языкъ, но сохранили наружность и характеръ. Народъ нашъ не восприметъ въ себя другаго народа, изъ уваженія какъ къ своей собственной народности, такъ и къ чужой.

Въ монастырѣ Даниловѣ я, къ сожалѣнію, не нашель Настоятеля. Въ Ризницѣ не могли показать мнѣ ничего.

примѣчательнаго. Любопытнѣйшія грамоты напечатаны въ описаніи обители, которое составлено изъ подлинныхъ монастырскихъ бумагъ и издано въ 1834 году. У раки Преподобнаго Даниила я увидѣлъ почтеннаго старца, который молился: сѣдой какъ лунь, высокаго роста, сложенія исполнскаго. Но старость брала уже свое въ его нетвердыхъ движеніяхъ. Этотъ поклонникъ Святаго, схоронившій жену свою въ монастырѣ и часто посѣщающій ея могилу, — тотъ самый Алексѣй Петровичъ Столбовъ, который помогъ погорѣлымъ Переславцамъ. Воспоминаніе о мѣстѣ, гдѣ поживаетъ Преп. Даниилъ, слилось въ моемъ воображеніи съ величавымъ видомъ благочестиваго старца.

Акимъ возилъ меня на своей тележкѣ въ Вескѣво, село, близъ котораго хранится ботикъ Петра Великаго. Народъ изготавлялъ дорогу для сановнаго лица. Влѣво на горѣ виденъ Горицкій монастырь во всей красотѣ своей. За Вескѣвымъ на мѣстѣ, называемомъ Гремячъ, находится домикъ, достроенный Августа 1-го дня 1803 года, и въ которомъ, по желанію Переславскихъ дворянъ, разрѣшено было хранить ботикъ Петра Великаго. Березовая аллея ведетъ къ нему. На этомъ самомъ мѣстѣ былъ дворецъ Петра. Остатки его вовсе не существуютъ, но кой-гдѣ на землѣ видны еще слѣды основаній зданію. Березы, саженыя Петромъ Великимъ, срублены чьею-то рукою. Осталось двѣ, но это едва ли не внучки прежнихъ. Акимъ, который все знаетъ, увѣрялъ, что въ этомъ дворцѣ, когда онъ былъ цѣль, жили фрейлины Ягужинскія; послѣ онѣ постриглись въ Оедоровскомъ монастырѣ. Ботикъ поставленъ въ большой залѣ: вотъ зерно Русскаго флота! вотъ игрушка отважнаго Петра, которому Переславское озеро было первою школою мореплаванія! Сюда уѣзжалъ онъ изъ Москвы отъ матери, подъ предлогомъ, что ѣдетъ молиться къ Троицѣ. Здѣсь тѣшилъ юный духъ свой и воображалъ себѣ море. Число Августа 1-е, выставленное на домикѣ, напоминаетъ тотъ крестный ходъ на озеро 1692 года, когда Царь самъ, при погруженіи креста въ воду, палилъ изъ пушекъ съ своихъ фрегатовъ.

Прочная постройка ботика весьма примѣчательна. Онѣ вмалѣ пророчить что-то великое. Тутъ навалены якоря, маты, топоры, канатъ, разныя снасти.... Обѣ этомъ-то корабельномъ хламѣ народъ говоритъ, какъ я слышала отъ извощика, что все тутъ есть, всякое снадобье, все дѣлалъ Царь, все самъ — и даже лапотъ крестьянскій плель да не доплель: сказалъ, что это самая трудная работа.

Въ верхнемъ этажѣ домика хранятся остатки оконъ изъ слюды отъ прежняго дворца. По слюдѣ изображены красками войны и горожане въ разныхъ костюмахъ, Русскихъ, но болѣе Голландскихъ. Вѣроятно, дѣланы въ Голландіи.

Тутъ же въ особомъ столѣ хранится и указъ Петра Великаго, писанный его собственною рукою :

Указъ Воеводамъ Переславскимъ.

«Надлежитъ вамъ беречь остатки кораблей, яхтъ и галеры, а буде опустите, то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшихъ сей указъ.»

Петръ.

Въ Переславль, въ 7 день Февраля 1722 года.

Строгой указъ, какъ видимъ, строго и исполняется.

Когда выйдешь изъ этого домика къ берегу, открывается очаровательный видъ на озеро, на городъ вдали, на монастырь Горлицкой. День былъ прекрасный, вѣтеръ совсѣмъ утихъ, ровно и спокойно разстилалось голубое озеро и напоминало своимъ цвѣтомъ отчасти лазурь средиземную. До сихъ поръ я помню это впечатлѣніе. Странно, какъ мы не умѣемъ наслаждаться тѣмъ прекраснымъ, которое у насъ подъ рукою. Подумаешь: во 120 верстахъ отъ Москвы, по гладкому шоссе, которое скоро вполне будетъ окончено, лежить это прекрасное озеро съ своими окрестностями. И никто изъ насъ никогда не вздумаетъ прокатиться сюда, чтобы полюбоваться на его чудныя волны, заглянуть въ его серебряное дно, посмотреть на прекрасныя виды, его окружающіе. Когда Русская жизнь внутри отечества забьетъ сильнѣе, когда мы сознаемъ красоты и блага земли своей, когда отъ одного пустаго комфорта, вкусныхъ обѣдовъ и безконечнаго преферанса перейдемъ

къ чистымъ и благороднымъ наслажденіямъ мыслящей жизни: тогда, подь тысячами весель, заплещутъ волны Переславскаго озера, запестрѣютъ разноцвѣтные флаги судовъ, раздастся одна полная хоровая нѣсня — и будутъ пѣть ее тысячи голосовъ! Это мечта — скажутъ мнѣ? Нѣтъ, это сбудется непременно. Не все же намъ дремать въ праздной скукѣ! Не понапрасну же Богъ растѣчилъ по землѣ Русской красоты Своей природы! Не для однихъ же сельдей существуетъ Переславское озеро. Гуляла же по немъ яхта Петра Великаго — и раздавалась его потѣшная пальба. Церковь совершаетъ по Трубежу и по водамъ озера торжественное плаваніе въ лодкахъ съ хоругвями и иконами, въ шестое воскресенье послѣ Пасхи, при звонѣ всѣхъ колоколовъ Переславскихъ, при пѣніи клира, въ сопровожденіи многочисленнаго народа. Если Церковь въ своихъ торжественныхъ молитвахъ освящаетъ намъ красоты природы, отъ чего же мы не пользуемся ими для благородныхъ общественныхъ наслажденій — и дремлютъ понапрасну воды озера, какъ дремлетъ тамъ и наша Русская жизнь безъ мысли, безъ чувства, безъ нѣсенъ и безъ чистыхъ радостей? Отъ чего такъ сонны и праздны и скучны наши красивые города? Отъ чего какъ будто не для нихъ эти голубыя, многоводныя рѣчки? не для нихъ густая тѣнь лѣсовъ и широкое раздолье полей?

Последніе часы въ Переславлѣ провелъ я въ бесѣдѣ съ почтенными представителями Владимірскаго и Переславскаго Дворянства. А. А. Б., слушавшій у меня лекціи Словесности на первомъ курсѣ, теперь Почетнымъ Смотрителемъ Переславскихъ училищъ. Въ уѣздномъ 84 ученика — и въ томъ числѣ 12 дворянскихъ дѣтей; въ двухъ приходскихъ по 56; въ женскомъ 42 дѣвочки. Молодые дворяне наши, живущіе по деревнямъ семейно, весьма охотно занимаются земледѣліемъ, не по системамъ западной Европы, а практически, согласно съ потребностями жизни и края. Отвлеченныя статьи журналовъ, по большей части, не удовлетворяютъ ихъ. Лучше бы было, если бы они писали сами по своимъ собственнымъ опытамъ и наблюденіямъ и обмѣнивались другъ съ другомъ такими свѣдѣніями.

Губернскій Предводитель Владимірскаго Дворянства сообщилъ мнѣ много дѣльныхъ свѣдѣній о своей губерніи, которую, какъ видно, онъ изучаетъ внимательно. Есть мысль прекрасная: составить мѣстное археографическое общество для того, чтобы совокупными силами привести въ извѣстность, сохранить и поддержать, описать и издать въ рисункахъ всѣ памятники древности, которыми такъ богата Владимірская губернія. Пожелаемъ отъ души, чтобы это благородное предпріятіе исполнилось.

Встрѣчаются иногда такія прекрасныя мысли въ нашемъ просвѣщенномъ сословіи. Но есть препятствія къ исполненію ихъ — и болѣе всего заключаются они въ томъ, что западная цивилизачія породила въ насъ множество нуждъ роскоши, удовлетвореніе которыхъ для насъ необходимо, потому что вошло въ привычку и даетъ намъ признаки вѣншей образованности, а между тѣмъ обходится намъ чрезвычайно дорого и отнимаетъ средства для исполненія другихъ высшихъ потребностей.

РОСТОВЪ.

Монастырь Никиты Переславскаго. — Преданіе объ изцѣленіи Князя Михаила Черниговскаго. — Шоссе.—Ярлыкъ. — Іаковлевскій монастырь.— Видъ на озеро. — Училища. — Гостиницы. — Соборная церковь. — Ростовскіе чудотворцы. — Гробницы. — Иконы. — Измѣненіе одной главы въ пять главъ. — Солнечные часы. — Соборная колокольня и ея звоны. — Ростовскій Кремль. — Церковь крестовая въ Архіерейскомъ домѣ. — Мѣсто кончины Святителя Димитрія. — Палаты: бѣлая и красная. — Исидоръ Христа ради юродивый. — Аврааміевъ Богоявленскій монастырь.— Преданіе о сокрушеніи идола Велеса. — Другія преданія о Св. Аврааміи. — Петровскій монастырь. — Житіе Петра Царевича. — Собраніе портретовъ въ келліяхъ О. Архимандрита Поликарпа. — Ризница монастыря Іаковлевскаго. — Колесница Святителя Димитрія.—Вечерній видъ съ башни на озеро и городъ.— Сцены изъ народной жизни.

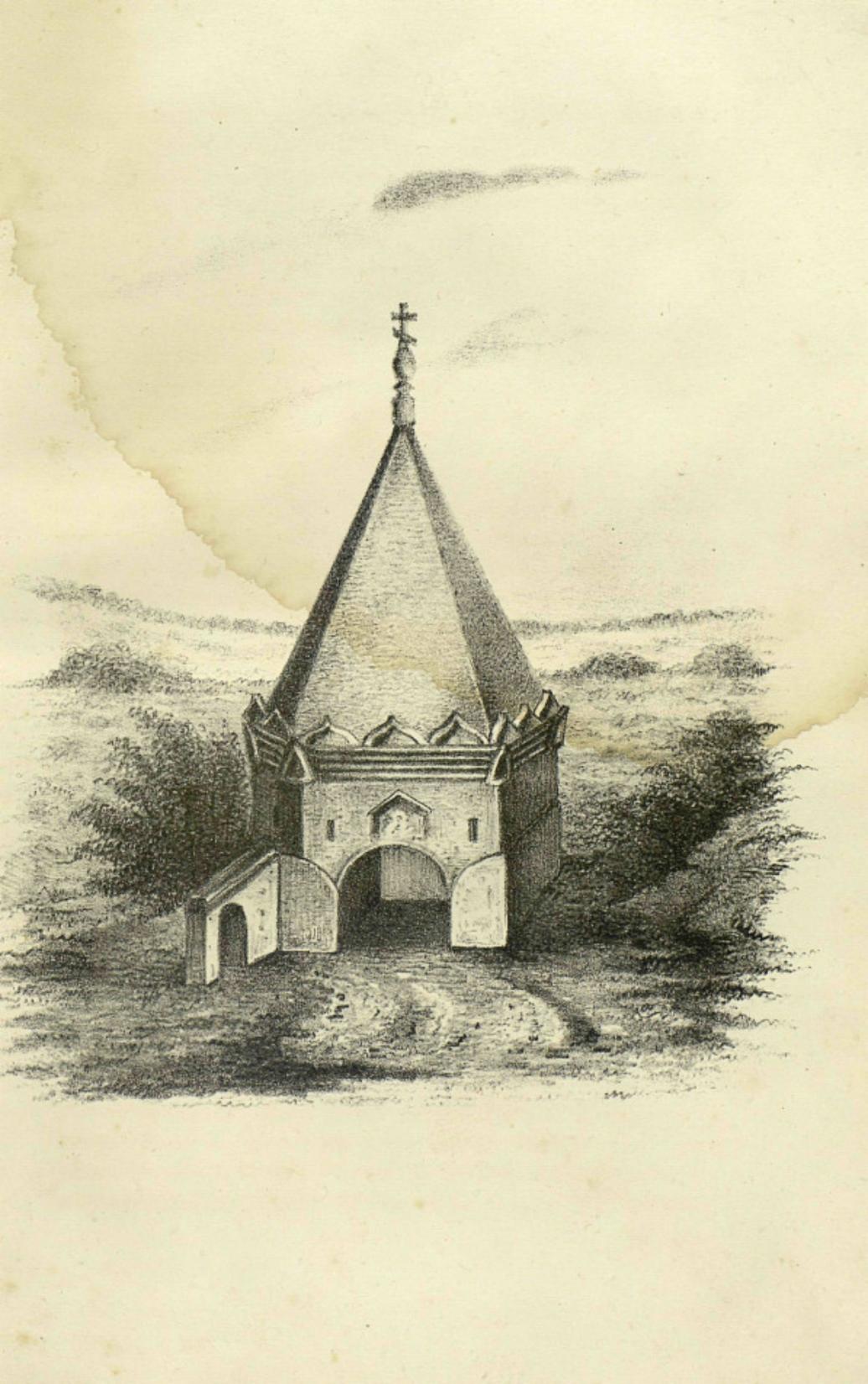
Солнце клонилось къ закату, когда мы выѣзжали изъ Переславля. Влѣво разстлалось гладкое озеро, облитое солнечнымъ свѣтомъ. Монастырь Св. Никиты Переславскаго возвышался ближе къ озеру на пригоркѣ, окруженный болотистою почвою, которая напоминаетъ о чудѣ Святаго. Не подалеку отъ дороги каменная часовня и въ ней крестъ, поставленный въ память изцѣленія Черниговскаго Князя Михаила.

Князь былъ одержимъ тяжкимъ недугомъ. Члены тѣла его разслабли. Много имѣнья раздавалъ онъ церквамъ Божиимъ. Не было помощи. Вотъ услышалъ онъ о чудотворцѣ Никитѣ и его изцѣленіяхъ. Велѣлъ изготовить себѣ лошаковъ, взялъ съ собою двухъ бояръ да нѣсколько слугъ, поѣхалъ къ Переславлю, расположился станомъ у города и забылся сномъ. Изъ монастыря Св. Никиты выходитъ бѣсъ въ видѣ чернца, какъ будто за какою-то потребою. Князь повелѣлъ спросить его о святомъ старцѣ: бѣсъ называлъ Никиту обманщикомъ и скрылся. Въ отчаяніе впалъ Князь Михаилъ, не зная что и дѣлать, еще мало прошелъ

пути: опять встрѣтилъ того же бѣса подѣ видомъ другаго чернца, который сказалъ ему тоже слово и прибавилъ, что напрасно Князь трудился проходя такой долгой путь, сказалъ и исчезъ. Тогда Михайлъ замѣтилъ козни дьявольскія и продолжалъ свой путь. За версту до монастыря нашель онъ мѣсто прекрасное, и приказавъ раскинуть на немъ для себя шатерь, послалъ боярина къ старцу, увѣдомить его о своемъ приходѣ. Снова тотъ же бѣсъ попался на встрѣчу боярину, въ образѣ рыжаго и криваго чернца, съ заступомъ въ рукахъ, и сказалъ уже, что старецъ умеръ и онъ его зарылъ. Но бояринъ запретилъ ему молитвою преподобнаго чудотворца, и бѣсъ сталъ недвижимъ. Дойдѣ до столпа, гдѣ заключенъ былъ Никита, бояринъ повѣдалъ ему о приходѣ Князя, о тяжкомъ его недугѣ, и получилъ цѣлительный жезлъ отъ Никиты. Князь, взявъ жезлъ, возвратилъ внезапно силы, самъ пошелъ къ столпу, принялъ благословеніе отъ старца, и передалъ ему клеветы и козни бѣса. Святой наказалъ сего послѣдняго тѣмъ, что велѣлъ ему три часа стоять, прилѣпясь къ стѣнѣ столпа; бѣсъ сознавался въ своихъ обманахъ, клялся, что не будетъ дѣлать пакостей людямъ, и отосланъ былъ въ бездну къ отцу своему сатанѣ. Князь же велѣлъ поставить крестъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ прощенъ отъ недуга, и одаривъ монастырь, уѣхалъ во свояси. А преподобный Никита не переставалъ, и днемъ и ночью, молиться за него, за священниковъ, за иноковъ, за всѣхъ Православныхъ, о плодоношеніи земли, о избавленіи отъ иноплемennыхъ.

Крестъ, водруженный въ часовнѣ, стоящей на мѣстѣ шатра, съ изображеніями по стѣнамъ внутри, напоминаетъ о чудѣ изцѣленія. Самый столпъ Никиты стоитъ у большой дороги, которая и теперь пролегаетъ согласно древнему преданію.

Чудное шоссе катилось подѣ нами ровной гладью, да мы-то къ сожалѣнію не могли по немъ катиться. Обывательская тройка тащила насъ очень вяло. Везъ крестьянинъ, живущій отъ Переслава за 50 верстъ. Онъ никогда не

бывалъ въ этой сторонѣ, и все окружающее приводило его въ такое изумленіе, что онъ самъ не понималъ, гдѣ находится. Между тѣмъ дѣятельно убиралась дорога. Мужики скашивали по ней мураву. Рвы выравнивались въ ниточку. Почтовые лошади тяжелымъ, огромнымъ каткомъ укатывали дорогу и крушили свѣжій щебень.

Новый европейскій путь много измѣнилъ впечатлѣнія, вась окружающія. Миѣ было тринадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ ѣхалъ изъ Переславля въ Ростовъ. Помню, какъ изъ одного села мы переѣзжали въ другое. Теперь дорога пуста. Села отошли въ сторону. Соображенія инженерныя требовали такихъ измѣненій. Новыя деревни, новыя села выстроются по новой дорогѣ. Въ одномъ мѣстѣ, шоссе катится по топи непроходимой, гдѣ, конечно, никогда не бывала человѣческая нога. Это чудо инженернаго искусства. Часть шоссе на нѣсколько сажень возвышается надъ болотами, которыхъ влажныя испаренія обдавали насъ пронзительной сыростью. Не лзя не любоваться этой смѣлой насыпью. Петровскъ, заштатный городокъ, гдѣ станція, выигралъ много отъ шоссе. Домики такъ и подымаются другъ за дружкой. Домъ станціонный очень красивъ и хорошо убранъ. Вездѣ смотрители учтивые, предупредительные, съ новыми формами цивилизаціи. Все пришлось по новой дорогѣ.

Послѣднюю станцію къ Ростову ѣхали мы ночью. Европейская цивилизація гладкимъ путемъ своимъ убаюкивала меня въ моемъ тарантасѣ и обезпечивала мой сонъ отъ толчковъ и другихъ болѣе непріятныхъ приключеній. Но вдругъ и она разбудила меня неожиданнымъ образомъ. У шоссейнаго шлагбаума потребовали Мытищенскаго ярлыка, о которомъ солдатъ сказалъ, что могу съ нимъ сдѣлать все что угодно. Какъ что угодно? Вотъ гдѣ его надобно отдать. Смотритель, въ просонкахъ, настойчиво требуетъ ярлыка съ меня, также полусоннаго. Давай искать, шарить по всѣмъ карманамъ, и въ портфѣлѣ, и въ записной книжкѣ. Нѣтъ какъ нѣтъ. Надобно было вновь заплатить что-то. Въ другой разъ, коль случится, будемъ помнить.

Ночь лишила насъ возможности любоваться издали на Ростовъ, на его озеро, на монастырь Іаковлевскій. За пять верстъ до города, отъ Песочнаго, какъ говорятъ, или Песоцкаго, какъ напечатано на картѣ, начинается этотъ видъ. Былъ часъ ночи. Лишь только стали мы подъѣзжать къ самой гостинницѣ монастыря, насупротивъ стѣнъ его, какъ тарантасъ мой повалился на бокъ. «Ось съ трескомъ пополамъ!..» Ужъ если надобно было сломаться оси, то нельзя же было сломаться ей благоразумиѣе, какъ въ двухъ шагахъ отъ гостинницы. Случись это верстъ за пять отъ города, каково бы? — Непріятное приключеніе не помѣшало мнѣ, однако, любоваться бѣлыми стѣнами, башнями и главами обители, которыя, какъ величавые призраки, подымались въ ночи передо мною.

Утро было прекрасное: солнце свѣтило во все небо. Давно монастырскій колоколь призывалъ къ молитвѣ. Раннюю обѣдню выслушалъ я въ придѣлѣ Св. Іакова, строенномъ на иждивеніи Графини А. А. Орловой. Церковь потому и называется Орловскою. Убранство ея великолѣпное. Вся она росписана Ярославскимъ мастеромъ Медвѣдевымъ. На потолкѣ изображенъ Соборъ всѣхъ Святыхъ. Характеръ живописи Итальянскій. Слѣдъ академическаго вліянія прошелъ вездѣ. Вѣдь есть же у насъ поприще для художниковъ. Благочестивые вельможи платятъ богато. Церковь своими превосходными преданіями предлагаетъ богатѣйшее содержаніе. Художники не скованы ни требованіями, ни особенными условіями. Искусству дана свобода. Отъ чего же нѣтъ великихъ произведеній? Отъ того, что одно подражаніе не создастъ ихъ. Нуженъ свой духъ, своя жизнь.

На паперти вы поклѣнитесь гробницамъ Амфилохія гробоваго и Иннокентія Архимандрита, недавно почившаго. Войдя въ главный соборъ, я вспомнилъ мое дѣтство, когда въ первый разъ съ благоговѣніемъ преклонялся передъ ракою Святителя Димитрія. Тогда былъ 1818 годъ, годъ вступленія моего въ Университетскій пансіонъ. Помню святое, изможденное лицо семидесятилѣтняго старца Амфилохія,

который тогда благословилъ меня. Въ 1824 году скончался онъ, какъ значится на его гробницѣ, у которой горить передъ образомъ неугасимая лампада.

Съ монастырской колокольни я любовался утреннимъ видомъ на озеро Ростовское или Неро. Оно цвѣту темнаго, не такъ какъ Плещеево. Сорокъ селъ прилегаютъ къ нему кругомъ. Храмы ихъ возвышаются отовсюду. Между ними село Порѣчье, съ высокою колокольней, лежитъ все въ цвѣтущихъ садахъ и зеленѣющихъ огородахъ. Городъ Ростовъ тянется по озеру на далекомъ пространствѣ. Онъ построенъ раздольно, какъ всѣ наши древніе города. Двадцать двѣ церкви составляютъ его благолѣпіе. Среди озера виденъ островъ, покрытый травой. Онъ принадлежитъ Дѣвичьему монастырю. Сѣнокосъ простирается и сюда.

Прежде всего познакомился я съ своими сослуживцами. Штатный Смотритель А. В. Ушаковъ сообщилъ мнѣ, что въ уѣздномъ училищѣ 84 ученика, а въ двухъ приходскихъ по 56-ти; въ женскомъ учебномъ заведеніи 42 ученицы. Изъ дворянъ учениковъ нѣтъ. Обиліе церквей и грамотнаго духовенства причиною тому, что число учениковъ въ училищахъ не умножается. Многіе горожане предпочтительно отдають дѣтей своихъ на выучку дяконамъ и причетникамъ. Древняя довѣренность къ духовному сословію еще сохранилась въ народѣ относительно образованія. Къ тому же и желаютъ болѣе наставленія церковнаго, нежели ученья свѣтскаго.

Наши монастыри въ старинныхъ городахъ продолжаютъ еще имѣть свое вліяніе, даже въ отношеніи къ первымъ потребностямъ городской жизни. Есть въ городѣ двѣ гостинницы, на большой площади: онѣ называются Европа и Россія, и соперничаютъ другъ передъ другомъ. Судя по именамъ, можно бы было подумать, что и въ Ростовъ проникли два направленія: Западное и Русское. Но лучшая гостинница все — таки принадлежитъ монастырю. Плата остается на произволѣ добраго усердія къ обителю. Экипажа вы не можете нанять въ городѣ. Извозчиковъ нѣтъ. А между тѣмъ разстоянія огромны. Гостепріимство Архиман-

дрита обители и здѣсь удовлетворяетъ вашей потребности. Я буду всегда съ признательностію помнить радушный пріемъ и обязательныя услуги достопочтеннаго Отца Архимандрита Поликарпа, племянника Иннокентіева, который теперь править монастыремъ.

Мнѣ пріятно было познакомиться съ Протоіереемъ Успенскаго Ростовскаго собора, Андреемъ Тимофеевичемъ Тихвинскимъ, въ которомъ я нашелъ просвѣщеннаго любителя и знатока Ростовской древней святыни. Подъ его руководствомъ осмотрѣлъ я соборъ, который составляетъ первую несомнѣнную древность города и строеніемъ своимъ относится къ 1230 году, при Константиѣ Всеволодовичѣ. Подробное описаніе всей святыни, въ немъ содержащейся, было напечатано въ Чтеніяхъ Историческаго Общества. Къ нему отсылаю любопытныхъ (*).

По величавости стила и благоговѣйному впечатлѣнію цѣлаго зданія, Ростовскій соборъ есть одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній нашего храмоваго Зодчества. Имена Святителей и Чудотворцевъ Ростовскихъ: Леонтія, Исаія и Игнатія, почивающихъ въ соборѣ, неумолкаемо раздаются въ молитвахъ, къ нимъ возсылаемыхъ. Леонтій, первый, стойкостью своего характера, распространилъ ученіе Христово среди невѣрныхъ Ростовцевъ, и видя, что старцы упорны, старался насаждать его въ младенцахъ. Въ похвалѣ ему, сопровождающей Житіе его, читаемъ слова, написанныя въ подражаніе тѣмъ, какими Св. Иларіонъ восхвалялъ Св. Владиміра, крестителя Русской земли: «Хвалить бо Римская земля Петра и Павла, Греческая земля Константина Царя, Кіевская земля Владиміра Великаго Князя; Ростовская же земля вся тебе хвалить, великій Святителю Леонтіе, ублажаетъ створшаго дѣло равно Апостоломъ: радуйся!» Исаія, наслѣдникъ Леонтія, довершилъ его дѣло—водвореніе Христіанства въ Ростовской землѣ; а Игнатій правилъ паствою въ тяжкое время Татарщины. Въ алтарѣ храма поклоняются

(*) См. Годъ третій. № 2. Древнія святыни Ростова Великаго. Сочиненіе Графа М. Толстаго.

еще частямъ животворящаго древа Креста Господня и мощей другихъ Ростовскихъ Чудотворцевъ и иныхъ Святыхъ. Пелена древняя, шитая при Василии Васильевичѣ Темномъ, съ изображеніемъ Святителя Леонтія, была отыскана и восстановлена Протоіереемъ. Въ церкви подъ спудомъ почитается Св. Ѳеодоръ, племянникъ Преп. Сергія Радонежскаго, строитель Симонова монастыря и въ немъ предмѣстникъ Кирилла Бѣлозерскаго. Гробницы Митрополитовъ Ростовскихъ тутъ же привлекаютъ вниманіе путника: съ особеннымъ любопытствомъ остановишься передъ гробницею Митрополита Юны Сусоевича, этого неутомимаго храмоздателя, который своею дѣятельностію столько украсилъ Ростовъ.

Владимірская икона Богоматери, вышедшая чудомъ изъ мастерской Алипія иконописца Кіевопечерскаго и спасенная отъ столь многихъ пожаровъ и разрушеній, накануне 1-го Іюля, отправилась въ Ярославль. Такія шествія совершаетъ она ежегодно въ это самое время. Замѣчательно сходство сего установленія съ подобнымъ ему въ Москвѣ, гдѣ также икона Богоматери Владимірская посѣщаетъ различныя обители и церкви. Здѣсь же эти шествія совершаются всенародно по большимъ дорогамъ.

Изъ другихъ иконъ замѣчательно Распятіе, окруженное изображеніями страданій І. Х. въ маломъ видѣ. Нѣкоторыя прекрасны, особенно снятіе со Креста. Образъ писанъ на стеклѣ по основѣ золотой и мозаиковой. Икона относится ко времени Царя Михаила Ѳеодоровича.

А. Т. Тихвинскій сообщилъ мнѣ любопытныя свои наблюденія относительно архитектуры храма. По всѣмъ признакамъ теперешняго строенія ясно видно, что соборъ первоначально построенъ былъ объ одной главѣ, а послѣ уже придѣланы четыре другія и измѣнена крыша (*).

(*) Этому подтвержденіе находитъ Графъ Толстой въ описаніи пожара, который былъ въ Ростовѣ въ 1408 году и описанъ въ чудесахъ Святителя Леонтія. «Комары жъ великыя падоша и *лобъ* церковный позлащенный паде внутрь.» Авторъ статей о святыняхъ Ростова переводитъ это мѣсто такъ: пали внутрь своды и глава. По мнѣнію автора, *лобъ*

Отсюда произошла темнота въ храмѣ, потому что продольные окна шеи купола были задвинуты боковыми главами. Иконостасъ не могъ быть уже такъ ясно освѣщенъ, какъ былъ прежде. Равно и внутренность всего храма утратила надлежащее освѣщеніе. Вотъ почему оказалось нужнымъ прорубить въ стѣнахъ окна, гораздо шире противъ прежняго. Это обезобразило архитектуру. Узкія окна, сквозь которыя врѣзаются лучи солнца, какъ воздушныя струны вдоль по зданію, гораздо приличнѣе характеру этого зодчества, чѣмъ широкія. Когда совершена эта перемѣна въ пользу пятиглавія, неизвѣстно. Протоіерей сказывалъ мнѣ, что если бы захотѣли возобновить этотъ храмъ въ древнемъ его видѣ съ одною главою, это было бы совершенно возможно, хотя, разумѣется, и сопряжено съ большими издержками: такъ явно сохранились еще слѣды прежней формы и послѣдовавшей перемѣны.

Вышедъ изъ собора, мы взглянули на солнечныя часы, устроенныя самимъ Протоіереемъ. На нихъ надпись: сдѣланы по руководству Протоіеря Андрея Тимоѣевича Тихвинскаго, для широты $57^{\circ} 20'$, въ 1832 году. Широту опредѣлилъ самъ устроитель часовъ, занимающійся и астрономіей. Не имѣя отличныхъ инструментовъ, онъ сдѣлалъ что могъ. Эти часы служатъ повѣркою для часовъ всего города. Опытъ доказалъ ихъ вѣрность.

Соборная колокольня замѣчательна своимъ устройствомъ и музыкальными звонами колоколовъ своихъ. Звоны названы по именамъ учредителей: Ионинъ по имени Митрополита Ионы Сысоевича, который съ 1652 года по 1691, въ теченіи 39-ти лѣтъ, правилъ Митрополіею Ростовскою.

церковный значить глава. Академическій Словарь объясняетъ это слово церковнымъ сводомъ. Но два примѣра, приведенныя въ Словарѣ, не противорѣчатъ объясненію Гр. Толстаго, и едва ли оно совершенно не останется за нимъ, когда прочтемъ это слово въ слѣдующемъ мѣстѣ описанія чудесъ Свят. Леонтія: «Григорію боголюбивому Епископу попеченіе веліе имѣюще о соборнѣй церкви святыя Богородица: еже содѣзати комары великія и шею и лобъ изгорѣвшія церкви отъ пожара.»

Георгиевскій, который особенно хорошъ, какъ говорятъ знатоки, принадлежитъ Архіепископу Георгію Дашкову, правившему Ростовомъ уже по уничтоженіи Митрополіи съ 1718 года по 1731. Іоакимовскій по имени Архіепископа Іоакима (1731—1741). Колокола висятъ въ линію и различаются вѣсомъ : первый въ 2000 пудъ, второй въ 1000, третій въ 500 и т. д. до 20 пудовъ и менѣе. Всѣхъ колоколовъ 13. Звонари становятся такъ, что могутъ видѣть другъ друга и соглашаться въ тактѣ. Это одно изъ условій гармоніи. Митрополитъ Платонъ пріѣзжалъ слушать эти звоны и хотѣлъ учредить у себя такіе же въ Виваніи. Но ему сказали: дайте такую же колокольную и такіе же колокола.

Ростовскій Кремль, съ своею каменною обширною оградой, съ десятью круглыми башнями, съ крытою галлереей по стѣнѣ, съ пятью храмами и развалинами Архіерейскаго дома, не есть памятникъ государственной и гражданской дѣятельности Ростова, какъ Московскій Кремль и Новгородскій, а памятникъ церковной іерархіи нашей, свидѣтель времени Патріаршества, когда духовная власть въ Россіи стремилась къ тому, чтобы облечься величавыми образами власти свѣтской. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подробнаго жизнеописанія Ростовскаго Митрополита Іоны III Сысоевича; но знаемъ, что онъ хиротонисанъ былъ въ Митрополиты въ тотъ самый 1652 годъ, когда Никонъ возведенъ былъ на престолъ Патріаршескій. Долговременное пребываніе его на одной и той же частѣ и отдаленіе Ростова отъ Москвы давали ему возможность дѣйствовать самостоятельно.

Весь этотъ величавый Кремль, теперь развалина, обросшая кустами, травою и мхомъ, ограждаетъ домъ или правильнѣе, дворецъ Архіерейскій, гдѣ жила Митрополиты. Теперь это другая великолѣпная развалина, замѣчательная вѣшнимъ рисункомъ архитектуры. Есть различіе между нижнимъ этажемъ, который строенъ Митрополитомъ Іоною, и верхнимъ, который надстроенъ поздиѣ Архіепископомъ Самуиломъ Миславскимъ, впоследствии Митрополитомъ Кіевскимъ. По всей вѣроятности, древнія зданія послужили

основаніемъ для всѣхъ этихъ построекъ. Церковь во имя Воскресенія Хрїстова надъ вратами строена Митрополитомъ Іоною, о пяти главахъ. Здѣсь пятиглавіе очевидно задумано съ перваго раза, и нѣтъ слѣдовъ перестройки, какъ въ соборной церкви. Церковь Одигитріи строена при наслѣдникѣ Іоны, Митрополитѣ Іосафѣ Лазаревичѣ, объ одной главѣ. Церковь Св. Іоанна Богослова существовала въ древнія времена, но перестроена вновь Митрополитомъ Іоною. Церковь Св. Григорія Богослова воздвигнута, какъ предполагаютъ, на мѣстѣ бывшаго Григорьевскаго монастыря, гдѣ находилась древняя бібліотека, и гдѣ Стефанъ Пермскій, въ XIV вѣкѣ, учился Греческому языку, и могъ извлечь отчасти изъ Греческихъ книгъ свое посланіе къ Димитрію Донскому.

Всѣхъ замѣчательнѣе церковь Спасская, во имя Всемилостиваго Спаса, крестовая церковь Архипастырей Ростовскихъ, прилежащая къ самому дому. По развалинамъ стѣнъ или галлерей, мы должны были проходить къ ней, опасаясь проваловъ. Эта церковь, которой изображеніе приложено къ описанію Графа Толстаго, любопытна своимъ страннымъ расположеніемъ. Можно и на рисункѣ видѣть, что не только алтарь, но и самый клиросъ, отдѣленъ отъ народа и церкви ступенями и перегородкою, утвержденною на большихъ круглыхъ столбахъ. Это устройство храма таково, что почти совсѣмъ закрываетъ богослуженіе отъ глазъ народа. Когда стануть на обѣихъ сторонахъ клироса пѣвчіе, да сядетъ Архіерей, для котораго съ правой стороны есть мѣсто, то народъ можетъ видѣть только пѣвчихъ спиною къ нему стоящихъ, Архіерея сидящаго, также спиною, и Царскія двери; иконостасъ же, это небо храма, къ которому устремляются и въ которомъ соединяются молитвенные взоры народа, какъ взоры всего человѣчества встрѣчаются на свѣтилахъ небесныхъ, оставался бы совершенно закрытъ. Кругомъ всей церкви, гдѣ стоять народу, видны только одни страшныя изображенія казней за преступленія противъ Церкви. Всего же разительнѣе Страшный Судъ, представленный въ видѣ грозныхъ мученій, и прежде всего по-

ражающей взоры входящего, даже прежде чѣмъ успѣть онъ обратить ихъ на святыню церкви Божіей. Во всемъ этомъ расположеніи видно какое-то странное стремленіе отдѣлиться отъ народа, стремленіе, чуждое нашему Православію, по смыслу котораго молящійся въ церкви народъ также тѣсно соединенъ съ алтаремъ, какъ и сама церковь съ главою своимъ, Христомъ.

Покинувъ храмъ, мы видѣли издали въ развалинахъ дома Архіерейскаго тѣ покои, въ которыхъ жилъ Святитель Димитрій, и тотъ самый уголь, гдѣ онъ въ молитвѣ отдалъ душу Богу. Хотя Самуилъ и перестроилъ эти комнаты; но мѣсто все-таки осталось извѣстнымъ. Лучи солнца ярко освѣщали его, падая въ отверстія, гдѣ прежде были окна. Кругомъ одно запустѣніе. Здѣсь-то Святитель слушалъ своихъ любимыхъ пѣвчихъ, которые пѣли ему духовныя пѣсни, имъ же сложенныя, и слушалъ ихъ въ самый день своей кончины, стоя у печки и «грѣясь сердцемъ.» Здѣсь, отпустивъ ихъ, остался онъ наединѣ съ любимымъ пѣвцомъ своимъ и помощникомъ въ трудахъ своихъ, разсказалъ ему, какъ онъ жилъ и какъ молился; прощаясь съ нимъ, земнымъ поклономъ благодарилъ его за труды въ переписываніи его сочиненій, отпустилъ слугъ своихъ, каждаго въ свое мѣсто, и самъ затворясь въ малой своей келліи, сталъ на колѣна, погрузился въ молитву и такъ умеръ.

Въ самомъ дворцѣ Архіерейскомъ всего лучше сохранились двѣ палаты: одна изъ нихъ называется *Блюю* и архитектурой напоминаетъ Московскую Грановитую. Остатки лѣпныхъ украшеній обнаруживаютъ большой вкусъ. Здѣсь была трапеза Митрополита, гдѣ угощалъ онъ все духовенство. Другая палата *Красная*, почти вся въ развалинахъ! Здѣсь угощаемы были свѣтскіе чины. Это почти царскіе чертоги, напоминающіе старину Кремлевскаго дворца. Вездѣ слѣды того же, что видимъ въ Исторіи Патріаршества: всѣ чины Двора, всѣ атрибуты власти окружаютъ Патріарха, хотя въ мѣньшихъ размѣрахъ. Въ этомъ великолѣпнн Кремля Ростовскихъ Митрополитовъ и палатъ Дворцовыхъ тѣже мысли. Но такъ какъ онѣ нисколько не

принадлежали къ существу нашей Церкви, и властолюбіе мірское могло быть только временнымъ поползновеніемъ нѣкоторыхъ лицъ духовныхъ, то и миновало все это безъ участія и сожалѣнія. Прахъ и развалины остались на этихъ мѣстахъ. Жаль однако, что архитектура этихъ, прежде жилыхъ зданій не возобновится для какого нибудь инаго, болѣе полезнаго назначенія для самой нашей Церкви, нежели царственное великолѣпіе ея Пастырей. Жаль, что опустѣли нѣкоторые изъ этихъ благолѣпныхъ храмовъ. Кучи пустыхъ бочекъ лежатъ у развалинъ, напоминающихъ XVII столѣтіе.

Церковь Св. Вознесенія Хрїстова, гдѣ почиваютъ мощи Св. Исидора, Хрїста ради юродиваго, строена при Иоаннѣ Грозномъ, объ одной главѣ. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, тому почти три столѣтія, было болото — и на немъ, въ хворостинной кущѣ, жилъ Исидоръ. Днемъ онъ юродствовалъ по улицамъ въ народѣ; ночью приносилъ молитвы Богу за народъ. Откуда пришелъ онъ къ намъ? Изъ Германіи, гдѣ родился отъ богатыхъ и славныхъ родителей, и воспитанъ въ Латинской вѣрѣ. И вотъ этого Нѣмца святая Вѣра такъ породнила съ нами, что онъ сдѣлался народнымъ Святымъ. *Твердисловомъ* назвалъ его народъ — и Церковь величаетъ его въ стихѣ своемъ подъ симъ именемъ: «Твердисловъ въ правду тезоименно наречеса, утвердивъ убо умъ и со словомъ вкушъ, еже къ Богу обща.» Жилъ онъ на болотѣ, а совершалъ чудеса вдали отъ Ростова. Бѣжалъ Ростовскій купецъ на кораблѣ, по морю за товаромъ; поднялась буря; суевѣрные корабельщики умыслили на купца, и посадивъ его на доску, спустили въ море. Юродивый предсталъ на морѣ утопавшему земляку и спасъ его отъ гибели. — Въ другой разъ, въ Ростовѣ, Князь готовилъ угощеніе Епископу у себя въ домѣ. Приходитъ юродивый въ домъ и просить пить у дворецкаго, который занятъ былъ приготовленіемъ пира. Съ ругательствомъ отказалъ Исидору дворецкой. Но вотъ настаетъ пиръ. Епископъ обѣдаетъ у Князя. Подаются блюда — и подходитъ время къ щтію. Князь велитъ виночершіямъ подносить

питье, а питья нѣтъ ни въ одномъ сосудѣ. Ужаснулись слуги; рассказали чтò случилось; ищутъ по всему городу Сидора. Наконецъ, онъ самъ приходитъ; приноситъ Епископу просфору отъ Митрополита Кіевскаго, — и тотчасъ же всѣ пустые сосуды наполняются виномъ, и возрадовались Князь и Епископъ, и прославили о томъ Бога.

Исидоръ скончался въ 1474 году, 14-го Маія. По благоуханію, которое наполнило весь городъ отъ его кущи, узнали о его смерти. У тѣла его совершились многія чудеса. Человѣкъ отъ пьянства лишился ума; началъ бить людей; связали его; привели насильно ко гробу блаженнаго; онъ кричалъ, говорилъ нечѣлости, металъ на всѣхъ дикіе взгляды, двое насилу могли дотащить его до Чудотворцева гроба; но пѣніе канона Св. Исидору укротило изступленнаго и возвратило ему разумъ.

Аврааміевъ Богоявленскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи Пр. Авраамія, напоминаетъ еще времена язычества въ Ростовѣ. Авраамій, съ помощію Іоанна Богослова, сокрушилъ идола Велеса. Такъ въ Житіи повѣствуется это величавое преданіе, которое обозначено здѣсь мѣстными памятниками:

«Чудскдѣи конецъ поклонялся каменному идолу, въ которомъ жилъ злой бѣсъ. Волшебство заграждало къ нему пути, и никто не смѣлъ подойти къ нему. Авраамій сидѣлъ близъ идола и такъ молился Богу: «Господи Боже вышній, призри съ высоты святыя Своя на раба Твоего и дай мнѣ силу и благодать Святаго Твоего Духа: разорить многокозненнаго сего идола.» Но тщетно: не могъ онъ подступить къ нему; злое волшебство мѣшало; онъ недоумѣвалъ о томъ и сидѣлъ въ скорби. Вдругъ видитъ, что старецъ благоговѣйнаго образа идетъ къ нему. Преподобный пошелъ на встрѣчу. Оба поклонились другъ другу, помѣнялись благословеніемъ и сѣли. Началъ блаженный Авраамій къ старцу такую рѣчь: «Откуда ты, Отче, идешь? изъ какой ты страны, Святче Божій?» — Отвѣчалъ ему старецъ: я, Отче, родомъ изъ Царяграда, странникъ и пришелецъ на вашей землѣ. А ты, Отче, чего ради скорбя сидишь близъ многострастнаго сего идола Велеса?» — И

сказалъ блаженный Авраамій старцу: «Тшуся и молюся я къ Господу Богу разорить многострастнаго сего идола Велеса, и не возможно мнѣ; презрѣлъ Богъ мое моленіе,— и о томъ скорбя, я сидѣлъ.» — И сказалъ старецъ къ Авраамію: «Если хочешь получить желаемое, иди къ Царю-городу. Спроси въ томъ городѣ: гдѣ домъ Іоанна Богословца, и взойди въ домъ его, и помолись его образу, и не выдешь изъ него *тощъ*, а все желаемое получишь. Если же не пойдешь въ домъ Іоанна Богословца, то желаемаго получить не можешь.» Печалила блаженнаго долгота пути, но старецъ утѣшилъ его тѣмъ, что Господь Богъ сократитъ ему путь малымъ временемъ. Авраамій исполнился Святаго Духа, взялъ благословеніе у старца и началъ путь, забывъ о долготѣ его. Перешелъ рѣку Ишню, и вотъ вышелъ къ нему на встрѣчу: человекъ *страшный*, благоговѣйный образомъ, безъ волосъ на темени, взысый, съ бородою круглою и великою, и весьма прекрасенъ. Въ рукѣ у него была трость. Палъ къ ногамъ его блаженный. Поклонился ему *страшный мужъ* и сказалъ: «Куда, старецъ, идешь?» — Повѣдалъ ему Авраамій все по порядку, за чѣмъ онъ идетъ искать дому Іоанна Богослова. Сказалъ ему страшный мужъ: «Старецъ, подойди и возьми сію трость; возвратись къ идолу Велесу, приступи къ нему и избоди его сею тростию во имя Іоанна Богослова, и падетъ онъ во прахъ, окаянный.» Исчезъ страшный мужъ, и старецъ позналъ въ немъ Іоанна Богослова; одержимый страхомъ и радостью, возвратился онъ назадъ, подошелъ къ идолу безъ препятствія, пронзилъ его тростью во имя Іоанна Богослова, и идолъ Велесъ сталъ прахомъ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ была блаженному встрѣча, поставилъ онъ церковь во имя Іоанна Богослова, которая стоитъ и до сихъ поръ, а на мѣстѣ идола другую церковь во имя Божоявленія.»

На мѣстѣ послѣдней церкви теперь монастырь; въ 4-хъ верстахъ отъ него деревянная церковь во имя Іоанна Богослова, благовѣстіемъ котораго, какъ видно, до конца сокрушено было язычество Ростовской области въ образѣ идола Велеса.

Когда Авраамій основалъ монастырь и привлекъ къ себѣ сердца народа, злой бѣсъ продолжалъ мстить ему. Однажды, когда Святой, готовясь къ Св. причащенію, хотѣлъ умыть руки изъ сосуда, дьяволъ взшелъ въ умывальницу, чтобы нанести старцу какой нибудь вредъ водою. Но онъ догадался, что въ сосудѣ лукавый духъ и положилъ на сосудъ крестъ и тѣмъ его заперъ. У Князей былъ обычай, возвращаясь съ охоты, заходить къ старцу подь благословеніе. Такъ, однажды, Князья пришли къ нему, а старецъ мылъ въ это время власяницы для братіи. Князья прошли прямо въ келью старца. Одинъ изъ нихъ, увидя крестъ на сосудѣ съ водою, снялъ его, чтобы приложиться. Дьяволъ вышелъ изъ него, жакъ дымъ смрадный и зловонный, и встрѣтивъ старца въ коридорѣ келліи, погрозилъ ему, что отомститъ за его заключеніе и заставитъ прокатиться на пѣгой ослицѣ и въ женскихъ сандаляхъ. Черезъ нѣсколько времени, бѣсъ принялъ видъ воина и оклеветалъ передъ Княземъ Владиміромъ старца Авраамія, что онъ волшебникъ, обманываетъ народъ, нашелъ въ землѣ мѣдный сосудъ, полный золота, и утаилъ отъ Князя, что у него и сосудовъ золотыхъ, и поясовъ и цѣпей золотыхъ, и серебра, и другихъ драгоценностей, многое множество. Князь Владиміръ велѣлъ воину привезти къ себѣ Авраамія. Воинъ захватилъ его въ одной власяницѣ, взялъ съ собой на коня, а дорогой отнял у селянина пѣгую ослицу да женскія сандалии, сандалии надѣлъ ему на ноги, посадилъ его на ослицу и такъ привезъ къ Князю Владиміру. Но старецъ молитвою обличилъ бѣса, сидѣвшаго въ воинѣ, въ присутствіи самаго Князя, который самъ же потомъ просилъ у старца прощенія.

Въ Житіи упоминаются имена Князей Владиміра и Бориса, при которыхъ основанъ монастырь Аврааміевъ, съ благословенія Епископа Иларіона. Исторія Россійской Іерархіи относитъ Авраамія ко временамъ Владиміра Святаго, но позднѣйшіе изслѣдователи къ временамъ Владиміра Мономаха, или даже еще позднѣе къ княженію Андрея Боголюбскаго.

Петровскій монастырь, за городомъ, по дорогѣ въ Ярославль, напоминаетъ Татарскія времена. Исидоръ былъ родомъ Нѣмецъ, котораго соединила съ нами Вѣра. Петръ Царевичъ—Татаринъ, обращенный въ православіе словомъ и чудесами Епископа Кирилла, въ XIII столѣтіи. Родъ его служилъ оградой Ростову отъ власти и грабежей Татарскихъ. Въ Житіи его содержатся многія весьма любопытныя подробности. Между прочимъ мы узнаёмъ, что въ XIII столѣтіи, въ Ростовскомъ соборѣ на правомъ клиросѣ пѣли по Гречески, а на лѣвомъ по Русски. Отсюда можетъ объясниться, почему въ XIV столѣтіи, при монастырѣ Григорьевскомъ сохранялось ученіе Греческаго языка, которымъ могъ воспользоваться Стефанъ Пермскій. Вотъ этотъ отрывокъ изъ Житія: «Приде со владыкою въ Ростовъ; видѣ церковь, украшенну златомъ и жемчугомъ, и драгимъ каменіемъ, аки невѣсту Христову украшену, въ ней пѣнія доброгласная, аки ангельская. Бѣ бо тогда во церкви святыя Богородица лѣвой крилось греческыи пояху, а правыи рускый.»

Послѣ вечерни въ соборѣ монастыря Іаковлевскаго, достопочтенный Отець Архимандритъ Поликарпъ пригласилъ меня къ себѣ. Покои, въ которыхъ онъ живетъ, старинные, строенные еще Амфилохіемъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ нихъ замѣчательно собраніе портретовъ. Въ одной комнатѣ вы находите портретъ Святителя Димитрія, съ котораго пишутся иконы его, также портреты Варлаама Ясѣнскаго (Ясинскаго) и Лазаря Барановича, двухъ сѣдовласыхъ старцевъ, величавой и доброй наружности. Въ залѣ портретъ Стефана Яворскаго, черноволосаго, съ выразительною южною фізіономіей, писанъ какимъ-то живописцемъ Стефаномъ: внизу стихи, воспѣвающіе дружбу Яворскаго съ Святителемъ Димитріемъ. Въ кабинетѣ Отца Архимандрита замѣчательны портреты: Саввы Туптало, Малороссійскаго Сотника, отца Святителя Димитрія, погребеннаго въ Кіевскомъ Кирилловѣ монастырѣ, и Тимоея Архипова, который былъ иконописцемъ при Дворѣ Царицы Прасковьи Феодоровны, матери Императрицы Анны Іоанновны,

оставилъ иконопись, перешелъ къ юродству, продолжалъ все-таки жить въ домѣ у Царицы и преставился въ 1731 году. Послѣдній портретъ написанъ довольно искусно.

Ризница монастырская помѣщена прекрасно. Примѣчательнѣйшее въ ней относится къ памяти Святителя Димитрія. Здѣсь митра, найденная на головѣ его, когда открыты его мощи; платокъ, положенный съ нимъ во гробѣ; слово, его рукою написанное и говоренное въ Москвѣ, но когда уже онъ былъ на Ростовской паствѣ; полотенце, присланное ему въ даръ Цареградскимъ Патріархомъ Филоеємъ; великолѣпные покровы, драгоценные сосуды—дары благочестія Русскихъ Государей. Библіотека при ризницѣ состоитъ изъ однихъ только печатныхъ книгъ. Рукописи сочиненій Святителя не сохранились здѣсь потому, что онъ завѣщалъ предать ихъ землѣ вмѣстѣ съ своимъ тѣломъ, а многочисленная его библіотека отослана была въ Москву, для присоединенія къ Патріаршей.

Въ сараяхъ монастырскихъ хранится древняя колесница Святителя Димитрія, въ которой ѣзжалъ онъ по городу, благословляя народъ. Она устроена не совсѣмъ удобно, но такъ, чтобы Митрополитъ могъ быть совершенно открытъ и виденъ всему народу. Знаменія креста осѣняютъ экипажъ внутри и съ боковъ. Теперешній хозяинъ обители намѣренъ выставить эту замѣчательную колесницу въ одной изъ галлерей ограды монастырской, на мѣстѣ болѣе видномъ.

Не могу забыть получасу, проведеннаго мною на угълной башнѣ монастыря со стороны Московской дороги. Солнце начинало склоняться къ западу, но было еще довольно высоко. Озеро, ровнымъ зеркаломъ, разстилалось подъ стѣнами обители. Полосы, то голубыя, то серебряныя, то темныя, рисовались по его поверхности. Вдали виднѣлся зеленый островъ: инокини въ лодкахъ подплывали къ нему для уборки сѣна. Благолѣпные храмы обители Иаковлевской возвышались прямо передъ нами; красивая ограда съ своими разнообразными башенками и галереями облежала ихъ

ровнымъ четверугольникомъ. Игривая и легкая архитектура ихъ согласовалась съ веселымъ впечатлѣніемъ окружающей природы. Монахи убрали сѣно по огромному двору монастыря. Вдали видѣлся, вдоль озера, древній городъ Ростовъ. Всѣ обители и церкви, память которыхъ соединена съ самыми древними Христіанскими преданіями Ростова, ясно обозначались отсюда. Какъ прекрасна природа въ этомъ окруженіи святыни! Благословеніе Божіе и чистая красота ея дружатся въ мысли созерцателя. И сама природа какъ будто преображается, и благословеніе Божіе, сообщаясь намъ черезъ красоту ея, становится доступнѣе земнымъ нашимъ чувствамъ. Отсюда объясняю, почему основатели монастырей любили красивыя мѣста. Святая Вѣра наша исполнена сочувствія къ природѣ, какъ къ Божію созданію. Въ словахъ Божественнаго Учителя сколько прекрасныхъ образовъ, изъ нея взятыхъ! Только Самъ Творецъ полевой лиліи могъ выразиться объ ней такъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей никогда такъ прекрасно не одѣвался.

Вечеромъ, въ сумерки, бродилъ я по закоулкамъ сада, прилегающаго къ монастырю. Бѣдная старушка выщипывала травку по улицѣ, передъ своимъ полуразвалившимся домикомъ, и выметала ее прилежно, сожалея о томъ, что не можетъ она по прежнему бѣлить своихъ полотень на травкѣ-муравкѣ, которая зеленѣла когда-то передъ ея лачугой. — Чѣмъ вы кормитесь? спросилъ я труженицу. — Пухъ щиплемъ, а братъ псаломщикомъ въ монастырѣ, жалованье получаетъ. Живемъ троечко; онъ съ женой, да я при нихъ.

Вниманіе мое въ одномъ изъ переулковъ привлечено было одною пьяною женщиной, около которой толпились ребятишки, тербя ея и смѣячись надъ нею. Пьяная просилась въ домъ ночевать, но ея не впускали. Мальчики говорили объ ней, что она прежде была богата, а теперь все относитъ въ кабакъ, всѣ свои перстни и кольца, и все пропиваетъ. Каждый день является она въ этомъ разврат-

номъ видѣ передъ ребятами, разсказывающими о неприятныхъ слѣдахъ ея пьянства, и служить для нихъ по-смѣшищемъ. Давши урокъ мальчикамъ, чтобы они не смѣялись надъ несчастною, я отозвалъ одного изъ нихъ, который велъ себя скромнѣе чѣмъ другіе, и спросилъ его, учится ли онъ? Онъ только-что перешелъ изъ приходскаго училища въ уѣздное. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ изъ Священной Исторіи — и онъ весьма хорошо отвѣчалъ мнѣ о сотвореніи міра и паденіи перваго человѣка. Мнѣ пріятно было приписать его поведеніе, болѣе скромное въ сравненіи съ другими, не ходившими въ школу, влиянію добраго ученія, которое, будучи хорошо направлено, во всѣхъ сословіяхъ даетъ человѣку возможность лучше сознавать свое нравственное достоинство, а потому и лучше вести себя.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Дорога къ Ярославлю. — Видъ изъ селенія Крестъ. — Русскіе кругозоры. — Видъ на Ярославль. — Виды древнихъ городовъ Русскихъ. — Слова Блазіуса о людности улицъ и красотѣ женщинъ. — Волга и бурлацкая пѣсня. — Паматникъ Демидову. — 5-е Іюля. — Праздникъ Василія и Константина. — Владимірская икона Богоматери изъ Ростова. — Церковный ходъ. — Рубленый городъ. — Разговоръ съ мѣщаниномъ. — Любитель старины. — Разговоръ съ судовщиками. — Толгскій монастырь. — Разные роды судовъ на Волгѣ. — Грамоты въ монастырь.

Тоже чудное шоссе катится изъ Ростова до Ярославля. Дорога передъ нами красовалась, какъ невѣста, снаряженная къ вѣнцу. Все на ней было прибрано до послѣдняго камешка. Щебень лежалъ въ стройныхъ кучахъ, складенныхъ ровными гребешками съ обѣихъ сторонъ. Я замѣтилъ солдата, который съ точностію и примѣрнымъ усердіемъ вновь прокладывалъ свалившіеся камешки. На всей дорогѣ было что-то праздничное.

По чудному шоссе мы не могли ѣхать быстро, потому что, за недостаткомъ почтовыхъ, насъ везли обывательскія лошади, не знающія овса. Сначала дорога идетъ болотами и лѣсомъ; но отъ Семибратскаго она становится все живописнѣе. Кругозоръ раздвигается: чѣмъ ближе къ Ярославлю, тѣмъ шире и далѣе, во всѣ три стороны. Съ Кошкардовой горы начинается быть виденъ Ярославль влѣво; а Волга вправо, сначала, обозначилась песчанымъ своимъ берегомъ, потомъ голубою волной и судами. Лѣса, долины, села, горы, пески, глина, нивы — все это мѣшаясь, теряется въ глубокомъ отдаленіи. Изъ селенія Крестъ, у церкви, видъ очаровательный! Сколько простран-

ства обнимаетъ взоръ, перелетая полукругомъ отъ одного края до другаго. Прекрасно село Лучинское, ближе къ дорогѣ замыкающее этотъ полукругъ. А дальніе склоны неба теряются глубоко, глубоко....

Эти необъятные кругозоры, по которымъ любить разбѣгаться зрѣніе странника, въ нашемъ отечествѣ, составляютъ живописную особенность Русской Сѣверной природы. Земля подъ вами какъ будто стелется плоско да плоско, а вдругъ незамѣтно подниметъ васъ на такую высоту, съ которой вольно вашему взору гулять по безграничному пространству. Въ этихъ кругозорахъ, непрерывно поднимающихся, есть что-то завлекающее все далѣе и далѣе. Это свойство нашей почвы можетъ объяснить отчасти, какъ предки наши, еще кочуя по раздольному пространству будущей Россіи, болѣе и болѣе захватывали всю глубину дальняго Сѣвера. Многообъемлющій небосклонъ физическій Русскаго человѣка да будетъ, со временемъ, залогомъ такой же всеобъятности его небосклона умственнаго!

Ярославль подымается изъ долины со всѣми своими церквами. Главы соборовъ и монастырей возвышаются. Горятъ золотомъ куполъ соборнаго храма. Бойкая, широкая дорога съ горы катится къ городу по красивому березовому проспекту. Два вала сходятъ къ ней, усаженные дерномъ. Это предисловіе къ городу—плодъ новаго вліянія Европейской цивилизациі — прекрасно. Между тѣмъ и городъ стройно вытягивается весь передъ подъѣзжающимъ. Вотъ широко раздвинулось зданіе казармъ. Теченіе Волги обозначилось чернымъ лѣсомъ мачтъ. Но храмы Божіи возвышаются надъ всѣмъ и возносятъ самый городъ къ небу. Вотъ монастырь Спасскій съ своей колокольней!... Таковы всѣ города Россіи, и особенно древніе. Мысль ихъ прежде всего стремится къ небесамъ и выражается въ этомъ ликѣ храмовъ, вѣнчающихъ городъ и увѣнчанныхъ золотыми крестами. Москва—колоссальный образецъ для всѣхъ городовъ нашей Руси. Геніальная женщина, гонимая геніальнымъ мужчиной, нашла у насъ временное убѣжище отъ его деспотизма, простиравшагося на весь западъ Европы, и въ

благодарность за гостеприимство, назвала нашу Москву Татарским Римомъ. Мы готовы были, въ слѣдъ за Госпожею Сталь, повторять знаменитое выраженіе: Rome tartare, которое показываетъ только, что и умная женщина можетъ молвить неразумное слово, когда возмется говорить о томъ, чего не понимаетъ. Что же Татарскаго могла найти Христіянка въ этихъ безчисленныхъ крестахъ, главахъ, церквахъ и ихъ архитектурѣ?

Что Москва виѣшнимъ видомъ своимъ представляетъ въ огромномъ цѣломъ, то разсѣяно по лицу всей Россіи. Тамъ изъ-за желтой нивы, тамъ изъ-за лѣсу, изъ за-пригорка, выглядываютъ повсюду церкви Божіи. То вдругъ разбросанныя соберутся въ одинъ ликъ на горѣ — и вотъ вамъ городъ. По большей части, въ скромномъ селѣ, вы не найдете другаго благолѣпія, другаго каменнаго зданія, какъ храмъ Божій, — а золото видно только на крестѣ его, да на окладахъ иконъ, и добрый селянинъ не ищетъ другаго.

Не должно думать, чтобы каменное зодчество нашихъ храмовъ въ древнихъ городахъ принадлежало древней Руси. Нѣтъ, древняя Русь строилась болѣе изъ дерева. Въ ней каменные зданія, даже церковныя, бывали очень рѣдки. Это можно доказать свидѣтельствами. Каменная Россія, даже и въ Божіихъ храмахъ, есть уже плодъ новаго времени, плодъ нашего промышленнаго развитія, даръ тѣхъ новыхъ силъ, которыя мы раскрыли, двинутые гениемъ Петра Великаго. Хорошо то, что мы первые плоды этого образованія умѣли принести нашему древнему Божественному началу, которымъ возрасло наше могущество. Древняя Русь воспитала въ нашихъ городахъ Божію мысль, а новая облекла ее въ эти каменные громады, и вознесла эти храмы къ небу, создавъ такимъ образомъ лучшую красу нашихъ городовъ на древней, непоколебимой основѣ.

Переѣхавъ Которость по мосту, мы взобрались на крутую гору, у Семинарской церкви красно-кирпичнаго цвѣту. Весьма удобная гостинница, съ вкуснымъ обѣдомъ и особенно славными кислыми щами, приняла насъ. Огром-

ная площадь, похожая на поле, видна из оконъ. Для чего такъ огромны площади нашихъ городовъ? Судя по народу, который по нимъ ходить, это кажется совершенно лишнимъ. Если бы какой нибудь Англичанинъ, охотникъ до статистическихъ наблюдений, сталъ считать всѣхъ, которые пройдутъ по ней въ теченіи дня, — не начелъ бы много. Смотри на эту площадь и на прилегающую къ ней улицу, и перечитывая то что Блазіусъ, въ своемъ Путешествіи по сѣверной Россіи, говоритъ объ Ярославлѣ, я рѣшительно не могъ понять, откуда почерпнулъ онъ матеріалы для слѣдующей гиперболы: «Подобно шуму на рынкахъ, только правильнѣе, является жизнь и на улицахъ. Кто взглянетъ на эти движущіяся массы людей, которыя стремятся другъ черезъ друга по самымъ противоположнымъ направленіямъ, тотъ подумаетъ, что все народонаселеніе вышло на улицу. Когда же идешь по бокамъ широкихъ улицъ, то часто увлеченъ бываешь невольно густою толпою пѣшеходовъ, а перебѣжать улицу не лзя, не подвергаясь опасности, что въ тѣснотѣ наѣдутъ на тебя быстрыя дрожки или кареты. И въ этой массѣ людей едва ли можно найти хотя одного, въ чертахъ котораго не выражалась бы неудержимая торопливость занятаго человѣка. О мечтающихъ празднолюбцахъ, о гуляющихъ для удовольствія или для созерцанія природы — и рѣчи быть не можетъ. Кто не привыкъ съ молодыхъ лѣтъ къ такой поспѣшности и движенію, тому весьма трудно бываетъ въ улицахъ богато-населеннаго Русскаго города придти къ желанному спокойствію духа и къ ясному сознанию!» Изъ этихъ словъ Г. Блазіуса можно заключить только, что онъ самъ не выѣзжалъ изъ какого нибудь городка Германіи, гдѣ человѣкъ на улицѣ есть необыкновенное явленіе, а наши большіе города наблюдалъ въ просонкахъ. Еще о красотѣ Ярославскихъ женщинъ нашелъ онъ древнюю народную пословицу, въ которой изображенъ будто бы идеалъ Русской фантазій: «бѣла и румяна какъ Ярославка!» Въ городѣ красавицъ я не видалъ, хотя и присутствовалъ при большомъ стеченіи народа. Ярославскіе мушкетеры, кажется, вообще красивѣе женщинъ. Впро-

чемъ это могутъ повѣрить только Ярославскіе, и не пристрастные, старожилы.

Прекрасное гулянье устроено на набережной Волги. Здѣсь снова, послѣ долгой разлуки, я увидѣлъ эту рѣку, на берегу которой родился, которая была однимъ изъ первыхъ впечатлѣній моего дѣтства. Здѣсь она не имѣетъ ширины, какъ у насъ въ Саратовѣ; но все у нея тотъ же величавый, царственный видъ, какъ у молодой царевны, еще не примѣрившей вѣнца и порфиры къ своей державной осанкѣ. Тутъ услышалъ я вновь, давно уже неслышанную мною, Волжскую пѣсню, и защемило сердце какимъ-то далекимъ, роднымъ и сладкимъ воспоминаніемъ, и припомнился мнѣ нашъ старый домъ на Саратовскихъ горахъ—у берегу Волги—мѣсто моей колыбели и развалина послѣ пожара, гдѣ мой престарѣлый отецъ любилъ пить чай на пепелищѣ, и мои родители, и братья, и сестры, и серебряная Волга передъ нами, и лунная ночь надъ нею, и суда у береговъ, и скръзь мачты, по которой взлѣзалъ бурлакъ, и таже бурлацкая пѣсня.

Ни Демидовскаго лица, ни Гимназіи, я не могъ видѣть, потому что лѣтомъ оба зданія перестроивались по нашему обычаю. На площади, передъ Лицеємъ, возвышается колонна — памятникъ его основателю, Демидову. Отъ надписи остались только немногія неясныя слова, но имя того, кому онъ воздвигнуть, уже не существуетъ: урокъ для соорудителей памятниковъ, что надписи всего прочіе вырѣзныя, а не накладныя. Желая знать, извѣстно ли народу имя благодѣтеля просвѣщенія, я спросилъ у извощика: кому поставленъ этотъ памятникъ? — Онъ отвѣчалъ мнѣ: а кто его знаетъ? кажись, Петру Великому.— Такъ на имя Петра Великаго сводить народъ всѣ неизвѣстные ему памятники. Спрашивалъ я и у мѣщанъ, проходившихъ по площади: и они не могли мнѣ назвать Демидова. Одинъ только служивый инвалидъ его назвалъ — и я нѣсколько успокоился за народную славу покровителя наукъ,

котораго имя такъ скоро исчезло съ пьедестала и изгладилось изъ памяти Ярославскихъ простолюдиновъ.

Мы приѣхали наканунѣ соборнаго праздника: 3-го Юля празднуется память Св. Василія и Константина Всеволодовичевъ, которыхъ мощи почиваютъ въ соборѣ. 2-го Юля приходитъ икона Владимірской Богоматери изъ Ростова и проводитъ ночь въ церкви за Которостью. 3-го же Юля встрѣчаетъ ее духовенство собора и другихъ церквей съ хоругвями, — и совершается ходъ въ соборъ. Утромъ мы поѣхали на встрѣчу къ Богоматери и увидѣли ее еще за Которостью. Встрѣтивъ ее, вмѣстѣ съ народомъ отправились въ соборъ. Народу было довольно.

Въ соборѣ три древнія Греческія иконы на столбахъ: Спасителя, Богоматери Ярославской и Николая Чудотворца. Есть преданіе, что онѣ перенесены изъ дому тѣхъ Князей, которыхъ мощи здѣсь почиваютъ. Тому, кто захотѣлъ бы собрать въ одно списки древнѣйшихъ иконъ нашихъ Греческаго письма, слѣдуетъ обратить на эти иконы вниманіе особенное. Рѣзное изъ дерева изображеніе Николая Чудотворца, весьма уважаемое народомъ, перенесено изъ приходской церкви.

Послѣ литургіи совершается ходъ кругомъ собора по чертѣ такъ называемаго *рубленаго* города, которая сохранилась только въ преданіи этого хода. Прошедъ въ Волжскіе ворота для того, чтобы пристать къ шествію, мы встрѣтились съ мѣщаниномъ, который замѣтивъ, что мы въ Ярославлѣ люди новые, вошелъ самъ въ нашу рѣчку и рассказалъ вкратцѣ преданіе о построеніи Ярославля.

«Вотъ, батюшка, гдѣ теперь ходъ пройдетъ, тутъ былъ сначала весь Ярославль, *рубленный* городъ. Коль хотите узнать его, идите за ходомъ. Тутъ-то и зачало нашему городу. А вотъ на мѣстѣ, гдѣ мы теперь идемъ съ вами, прежде текла рѣчка Медвѣдица. Здѣсь-то Ярославъ убилъ медвѣдя—отъ того и рѣчка такъ названа. Она текла между Которостью и Волгою. Вотъ и мѣсто видно. Тутъ вотъ между двумя рвами насыпь, а прежде былъ тотъ же ровъ, и мы еще помнимъ мостъ. Вотъ церковь Ильи Пророка :

эта церковь у насъ самая древняя, нѣтъ ея древнѣе во всемъ Ярославлѣ. А за ней, по древности, вторая вонъ эта, Михаила Архангела.» — А нѣтъ ли у васъ въ городѣ любителей старины и охотниковъ до старыхъ книгъ и рукописей? — «Спросите у соборнаго Протоіерея. У него былъ отецъ охотникъ до всего этого и все собиралъ. А теперь ужъ все досталось сыну. Покойникъ велъ записки— и записывалъ каждый день все что въ городѣ дѣлалось.»

Вездѣ, во всякомъ древнемъ нашемъ городѣ, вы находите мѣщанъ, которые, вообще говоря, лучше чѣмъ дворяне, знаютъ исторію своего роднаго города и передаютъ изъ устъ въ уста извѣстныя объ немъ преданія. Стало быть такихъ мѣщанъ много, потому что они мнѣ случайно попадались на улицахъ и весьма дружелюбно сообщали все что сами знаютъ о городѣ. Мостъ, о которомъ говорилъ мѣщанинъ, упоминается и въ географическомъ словарѣ Щекатова. Тамъ же находятся и преданія о медвѣдѣ, убитомъ Ярославомъ, хотя въ лѣтописяхъ того и нѣтъ. Нерѣдко слыхалъ я преданіе, и въ другихъ городахъ, изъ устъ народа, что церковь Ильи Пророка всегда самая древняя, что нѣтъ ея древнѣе. Оно объясняется уваженіемъ, которое нашъ народъ питаетъ къ Ильѣ Пророку. Въ Ярославлѣ же оно противорѣчитъ лѣтописному свидѣтельству, по которому извѣстно, что первая церковь, построенная Ярославомъ въ этомъ городѣ, была во имя Апостоловъ Петра и Павла. Другіе же мнѣ называли церковь, о которой говорилъ мѣщанинъ, именемъ Св. Тихона Чудотворца, но правда, что въ ней придѣлъ Ильи Пророка и на фронтонѣ изображено его имя.

Простившись съ добрымъ мѣщаниномъ, мы послѣдовали за ходомъ, вокругъ рубленаго города. Четыре раза останавливался ходъ, какъ бы на четырехъ углахъ древняго Ярославля, и четыре лѣтніи было совершено: Спасителю, Богоматери, Ильи Пророку и Святымъ Василию и Константину. Такъ установлено по старинному преданію.

Въ Ярославлѣ, до сихъ поръ еще, въ названіи *рубленаго* города сохранился живой отголосокъ древняго выраженія, встрѣчаемаго въ Несторовой лѣтописи: *рубить городъ*.

Такъ называемая Медвѣдица была вѣроятно каналомъ, сдѣланнымъ изъ рва, гдѣ, можетъ быть, протекалъ маленькій ручеекъ подобнаго имени. Каналь, соединяя обѣ рѣки, могъ защищать и съ этой стороны городъ, огражденный съ тѣхъ двухъ сторонъ Которостью и Волгою: ибо, какъ видно, городъ былъ *срубленъ* Ярославомъ на самомъ мысѣ, образуемомъ впадениемъ Которости въ Волгу. За рубленнымъ городомъ слѣдуетъ земляной, обнесенный валомъ: это, конечно, уже позднѣйшій.

По окончаніи хода, я былъ у отца Протоіерея, А. Н. Головищикова, семидесятилѣтняго старца, который обошелся со мною весьма гостеприимно; но записокъ покойнаго родителя своего онъ мнѣ не показалъ, говоря, что онѣ содержать въ себѣ только одно домашнее и потому не могутъ быть пущены въ публику. Слышалъ я послѣ, что описаніемъ древностей Ярославля и Ростова занимается особенно здѣшній купецъ С. А. Серебренниковъ, помѣщавшій многія статьи объ нихъ въ Ярославскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ, а рисунки для его изданія готовитъ весьма искусный художникъ, Романовскій мѣщанинъ Бѣлоноговъ. Желательно бы было, чтобъ это изданіе вышло скорѣе въ свѣтъ.

Въ Спасопреображенскомъ Ярославскомъ монастырѣ, гдѣ находится теперь домъ Архіепископа, я поклонился Св. мощамъ Благовѣрнаго Князя Θεодора Чернаго и дѣтей его, Давида и Константина. Весьма замѣчательнъ колоссальный деревянный гробъ, въ которомъ найдены были его мощи. Онъ свидѣтельствуетъ объ огромности его роста. Въ древней церкви, внизу, гдѣ хранится эта гробница, есть также иконы, весьма рѣдкія по своей древности.

Гуляя по набережной Волги, я не могъ не зайти на суда, стояшія на рѣкѣ, и не поговорить съ судовщиками. Судно богатаго кушца Крашенинникова привезло изъ Моршанска 4,000 пудъ хлѣба и прокормило 120 человекъ бурлаковъ, которые были, по большей части, Касимовцы да Рязанцы. Берутъ они каждый по 50 и по 60 рублей ассигнаціями. Бурлаки народъ веселый. Пѣсенъ у нихъ

множество — и есть всегда любимья. Когда судно *идеть ходомъ*, т. е. вверхъ, то обыкновенно двѣ лодки закидываютъ впереди, каждая по якорю, и притягиваютъ къ нимъ судно. Въ то время какъ тянуть бурлаки, они разгоняютъ скуку труда разными прічетами. Когда же тянуть мимо какого нибудь села, то поютъ шутивья пѣсни для дѣвушекъ и женщинъ. Какъ дошли до мѣста, не остаются на судахъ, а тотчасъ, или переходятъ на другія, или берутъ лодки и ѣдутъ назадъ. Кромѣ нравовъ бурлацкихъ, здѣсь же я узналъ настоящее значеніе слова: *плесо*. Плесомъ называется, объяснилъ мнѣ судовщикъ, все пространство вдоль по рѣкѣ, которое плаватель можетъ окинуть взглядомъ. Отсюда ясенъ и смыслъ пословицы: «Рыбакъ рыбака далеко въ плесѣ видитъ.» Еще замѣтилъ неизвѣстное слово: *отрыснуть*, значить: отплыть въ другую сторону отъ мѣли. Последняго нѣтъ въ академическомъ словарѣ. Первое же объяснено не такъ и не объясняетъ приведенной выше пословицы: «плесо — ровное и чистое пространство воды у береговъ, или между островами.»

По набережной, около рыбнаго ряду, самую свѣжею новостью было, что поймали стерлядь въ 11 вершковъ, и рыбаки продали ее купцу въ лавку за 90 руб. асс., а купецъ вѣроятно перепродаетъ ее на богатый столъ не дешевле 150 руб. асс. Но меня во всемъ этомъ болѣе занялъ эпитетъ стерляди, что она была *нагульная*: такъ называется стерлядь желтая, жирная, и вообще хорошая рыба. Вотъ и еще слово для академическаго словаря, въ прибавокъ къ *нагулу* и *нагулкѣ*, которые въ немъ находятся.

Поговорилъ съ бурлакомъ изъ многолюднаго села Парамзина Симбирской губерніи. Имя села объяснило мнѣ отчасти происхожденіе Симбирскаго имени Карамзина. Молодой бурлакъ жену да троихъ дѣтей оставилъ на родинѣ. Объ женѣ отзывался онъ очень неучтиво, называя ее козой. «Жёнамъ-то хорошо сидѣть дома: что имъ дѣлается? а намъ-то каково весь вѣкъ скитаться на чужой сторонѣ!» Чувство чело-вѣка, отлученнаго отъ семьи, выражалось въ немъ какою-то грустью, досадою и насмѣшкой. Отъ него же услышалъ

я пословицу: «Безъ числа (иначе, безъ толку) молиться, только грѣшить.»

Послѣ обѣда, любезный С. И. Л. повезъ насъ въ Толгской монастырь, который отстоитъ отъ города въ 7-ми верстахъ водою, въ 9-ти сухимъ путемъ. Здѣсь, когда мы переѣзжали Волгу, я обогащалъ словарь свой разными техническими терминами судовъ. *Сплавнымъ* судномъ называется то, которое идетъ внизъ; *ходовымъ*, идущее вверхъ. Этихъ значеній нѣтъ въ словарѣ академическомъ. Вотъ именования различныхъ судовъ, которыя ходятъ по Волгѣ: *мокишаномъ* называется довольно большое судно: такъ названо по рѣкѣ Мокшѣ; *расшивка* судно поменьше; *гуслика*, *подчалокъ*, *дощаникъ*. Всѣ эти имена есть въ академическомъ словарѣ, но вотъ тѣ, которыхъ нѣтъ: *ладушечка*, *романовка* по городу Романову, *тихвинка* по г. Тихвину, *орловка* по селенію этого имени, *сурлкъ* по р. Сурѣ, *машина* самое большое судно. Вѣроятно, это названіе новаго происхожденія и принадлежитъ въ особенности пароходамъ.

Прекрасно мѣстоположеніе Толгскаго монастыря по ту сторону Волги. Память Патріарха Никона соединена съ этою обителью: не далеко отъ нея, по Волгѣ возвращаясь назадъ, скончался онъ, у Туговой горы. Но памяти о немъ никакой въ монастырѣ не сохранилось. Ректоръ семинаріи сказалъ мнѣ, что есть здѣсь какая-то любопытная книжка, соединенная съ памятью Никона; но никакой книжки мнѣ не показали. Ризничій принесъ однако три древнія грамоты, касающіяся обители. Древнѣйшая 1578 года, дарственная Царя Іоанна Васильевича монастырю на деревни: Чурово и Тихарево, которыя еще до сихъ поръ, какъ мнѣ сказывали, существуютъ; другая 1623 г. Царя Михаила Феодоровича также дарственная на деревни,—и третья привилегія монастырю, чтобы монастырскихъ Толгскихъ крестьянъ никто не смѣлъ судить, опричь Приказа большого двора на Москвѣ, кромѣ татбы и разбоя. Последняя грамота написана потому, что Ярославскіе посадскіе люди обижали, какъ видно, монастырскихъ крестьянъ, и хотѣли ихъ судить судомъ своего воеводы, и даже заключали въ тюрьмы.

Храмъ соборный великолѣпенъ, богатъ; но не сохранилъ ничего древняго, кромѣ чудотворнаго образа Толгской Богоматери, который есть виновникъ всего этого великолѣпія. Въ саду растутъ многолѣтніе Сибирскіе кедры, мрачные и величавые. Узнавъ о моемъ приѣздѣ, изъ келліи монастырскихъ вышелъ ко мнѣ съ дружелюбнымъ привѣтствіемъ Кн. Ш., отдыхающій здѣсь лѣтомъ отъ суеты и шума столичной жизни. Его пребываніе въ обители напомнило мнѣ старину время Грознаго, когда наши Бояре находили убѣжище въ стѣнахъ монастырскихъ; но, конечно, почтенный Князь не подходитъ подъ участь бояръ Іоанновыхъ и не вводитъ сюда тѣхъ обычаевъ, какіе вводимы были тогда Князьями и боярами въ монастыри, за что и досталось имъ въ посланіи Грознаго, а вѣроятно, самъ служить образцомъ молитвы, смиренія и воздержанія.

ДОРОГА ВЪ ВОЛОГДУ. — ГРЯЗОВЕЦЪ.

Впечатлѣнія по дорогѣ въ Грязовецъ. — Монастырь Препод. Корнилія Комельскаго. — Братія и Игумень. — Жизнь Преподобнаго. — Древности и грамоты монастыря. — Желѣзистые ключи. — Заповѣданное дерево. — Пазвоцкиъ Иванъ. — Современная народная пѣсня. — Грязовецкій слѣпецъ — Математикъ: М. А. Серебряковъ. — Вечернія духовныя чтенія жителей Грязовца. — Папорозкъ: слово изъ Слова о полку Игоревѣ.

Хорошъ видъ на Ярославль, когда переѣзжаешь черезъ Волгу по Вологодской дорогѣ. По валу вытягивается городъ съ своими храмами и зданіями. Вотъ Спасскіе, а вонъ Волгскіе ворота. По ту сторону Волги, село Тверицы составляетъ предмѣстіе Ярославля.

За заставой природа внезапно измѣняется. Мрачный сосновый лѣсъ тянется долго по песчаной почвѣ. Далѣе смѣняется онъ однообразной дорогой, по которой березы въ два ряда закрываютъ видъ. Трупъ какого-то несчастнаго лежалъ на дорогѣ. Его сторожили двѣ бабы до приѣзда начальства. Куриво курилось не подалеку, чтобы очищать воздухъ отъ срада. Въ первой станціи, Вокшерѣ, уже измѣняется нарѣчіе. Женщины говорятъ особенно дурно. Городъ Даниловъ торгуетъ холстами и славится мѣднымъ заводомъ купца Пушкова. Между Даниловымъ и Семеновскою станціей, деревни имѣютъ странныя имена: слобода Телячья, Хитрая баба, а на картѣ Чистая баба.

Въ пяти верстахъ отъ Грязовца находится монастырь Преподобнаго Корнилія Комельскаго. Въ мѣстѣ весьма уединенномъ, окруженномъ перелѣсками, на рѣчкѣ Нурмѣ, возвышаются стѣны монастыря и главы его храмовъ. Обы-

тель бѣдна. Она оживлена теперь дѣятельностью отца Игумна Арсенія, который недавно поступилъ сюда. Когда мы приѣхали въ монастырь, вся братія вмѣстѣ съ Игумномъ была на работѣ: колотили сваи на рѣчкѣ Нурмѣ. Это напомнило мнѣ времена древнія.

Преп. Корнилій Комельскій жилъ 82 года, отъ 1455-го до 1537-го. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ обитель, имъ основанная, и почиваютъ подѣ спудомъ его мощи, пребывавъ онъ 41 годъ. Житіе его писано неизвѣстно кѣмъ, но видно, что его современникомъ, который слышалъ многое изъ собственныхъ устъ его. Родился Корнилій въ Ростовѣ, отъ родителей благородныхъ и богатыхъ. Служилъ при Дворѣ Великой Княгини Маріи, супруги Василия Темнаго, въ шюкиняхъ Марѣи. Здѣсь былъ помѣщенъ Корнилій дядею своимъ, Лукьяномъ, человѣкомъ весьма набожнымъ. Оба они, и дядя и племянникъ, оставивъ Дворъ, постриглись въ монастырѣ Св. Кирилла Бѣлозерскаго. Корнилію было тогда 20 лѣтъ. Въ Кирилловѣ, кромѣ другихъ работъ, занимался онъ писаніемъ книгъ, которыя до сихъ поръ сохраняются тамъ, какъ говорить его жизнеописатель.

Послѣ многихъ трудовъ и искуса, будучи 41-го года, пришелъ онъ на Комельскій лѣсъ, въ 1497 году. Лѣсъ былъ вертепомъ разбойниковъ. Жилище одного изъ нихъ послужило кельей для Святаго. Разбойники нападаютъ на него, но кромѣ книгъ ничего не находятъ, однако берутъ и книги. Они побѣждены Святымъ. Много препятствій одолѣть было надобно; но все уступаетъ его волѣ. Первая мысль его—построить хотя малую деревянную церковь. Дикій лѣсъ падаетъ передъ нимъ; но однажды, дерево ранило ему, сонному, голову. Клевета и навѣты отъ своихъ и чужихъ мѣшаютъ святому дѣлу. Но число братіи умножается. Средства растутъ. Всѣ мысли сосредоточены около строенія большой церкви. Такъ раздѣлены и занятія. Однимъ поручено *художество*: воздвигать стѣны, другимъ *мудрость*: писать иконы, тѣмъ же—честные кресты и книги. И вотъ, черезъ 19 лѣтъ послѣ того, какъ пришелъ на дикое мѣсто Корнилій, трудами братіи, постомъ и слезами ихъ, воз-

неслася благолѣпная церковь, и украсили ее какъ невесту образами святыхъ иконъ и книгами. За тѣмъ послѣдовалъ храмъ во имя Св. Антонія. А тамъ уже возникли и келліи, и стоятъ посреди ихъ церкви, «какъ нѣкія очи, взирая повсюду.» Поставлены также больница и страннопріимница для странныхъ и нищихъ. Вотъ началъ стекаться во множествѣ народъ къ Святому: кто идетъ за благословеніемъ, кто за совѣтомъ, кто съ вопросомъ, кто съ недугомъ тѣлеснымъ, кто съ душевнымъ. Толпы нищихъ собираются около него — и онъ одѣляетъ ихъ просфорами, калачами и деньгами. Житіе ведется въ обители строго. Ни одинъ трудъ не совершается безъ молитвы и священнаго пѣнія. Учредитель обители своею рукою пишетъ строгій уставъ— и отдаетъ его братіи, а самъ удаляется въ пустыню, за 70 верстъ отъ монастыря.

Такъ, по примѣру Антонія, къ которому Корнилій питалъ особенное благоговѣніе, поступали многіе основатели монастырей. Братія тужить о своемъ начальникѣ. Великій Князь Василій Ивановичъ съ супругою своею Еленою, по дорогѣ въ Кирилловъ монастырь, заѣзжаетъ и въ обитель Комельскую. Братія просятъ Государя убѣдить Корнилія къ возвращенію въ обитель. В. Князь приказываетъ ему возвратиться изъ пустыни въ монастырь и дожидаться приѣзда его изъ Кириллова. Корнилій съ тремя братьями встрѣчаетъ Великаго Князя на Вологдѣ и кланяется ему до земли. Василій Ивановичъ бесѣдуетъ съ пустынникомъ на пользу душѣ, поручаетъ ему молиться о разрѣшеніи жены его отъ неплодія, убѣждаетъ старца не оставлять обители, но старецъ противится тому, ссылаясь на свою старость, немощи и заботы о собственномъ спасеніи. Онъ молитъ Великаго Князя отпустить его въ пустыню, чтобы тамъ плакаться о грѣхахъ своихъ. Государь не въ силахъ противиться его моленію и отпускаетъ его. Но не совсѣмъ оставляетъ онъ обитель. Нерѣдко является въ ней, говорить поученія братіи. Одинъ братъ Закхей приходитъ къ Преподобному въ мантии, вязанной лькомъ, и проситъ его, чтобы онъ приказалъ измѣнить ее на лучшую: Корнилій

отдаетъ ему свою, а самъ надѣваетъ на себя Закхееву, визанную лыкомъ, и долгое время ходитъ въ ней. Передъ кончиною старецъ посѣтилъ ту обитель, въ которой принялъ постриженіе, но скончался въ той, которую самъ основалъ, завѣщавъ ученикамъ своимъ сохранять его преданія. «Заповѣди Божія сохраняйте и мои преданія, яже написахъ вамъ своею рукою, держите сія начастѣ, прочитайте «на воспоминаніе.» Преданія о чудесахъ Преподобнаго соединены съ именами нѣкоторыхъ урочищъ, существующихъ теперь неподалеку отсюда. Такъ упоминается крестьянинъ изъ деревни Кебашъ, веси Обнорской, которая и теперь находится недалеко отъ Обнораго яма. Замѣчательны также Русскія имена монастырскихъ крестьянъ: Дубовикъ, Шестакъ, дѣти которыхъ получили изцѣленіе у раки Преподобнаго.

Сѣдовласый монахъ, одинъ оставшійся дома, потому что не въ силахъ былъ колотить свай, служилъ для насъ молебень Преподобному. Храмы монастырскіе весьма бѣдны. Древнѣйшія украшенія ихъ относятся ко временамъ Бориса Годунова, ибо мощи Преподобнаго открыты при Патріархѣ Іовѣ. Крестъ на мощахъ — вкладъ Борисовъ, о чемъ свидѣтельствуеть и надпись.

Въ монастырѣ сохранены грамоты, относящіяся къ его исторіи. Ризничій хорошо читаетъ ихъ, что не во всѣхъ монастыряхъ встрѣчается. Древнѣйшая ставленая Корнилева (въ попы), дана Симономъ Митрополитомъ въ 1501 году. Она напечатана въ Исторіи Россійской Іерархіи. Другая Патріарха Іова, свидѣтельствующая объ открытіи мощей Св. Корнилія. Отецъ Игумень, разбирая архивъ монастырскій, открылъ новыя. Всѣмъ составлена опись. Одна касается до подвѣдъ Патріарху Никоцу; есть любопытныя грамоты объ *ямчужномъ дѣлѣ*, т. е. объ селитрянныхъ варяхъ. Я просилъ Отца Игумна найденныя вновь грамоты отправить въ Археографическую Коммиссію. Но Уставъ, писанный рукою Корнилія Комельскаго и напечатанный въ Исторіи Россійской Іерархіи, въ его обители не сохранился, и нѣтъ ничего, писаннаго его рукою, не

смотря на то, что онъ, какъ видно изъ его жизни, любилъ книжныя занятія.

Братія, утомленная работою, сошлась въ кельяхъ Игумна и пила чай. Мнѣ полюбилась эта патріархальная простота нравовъ, напоминающая древнюю жизнь и самого Корнилія, который, говоря словами Житія его, «печашеся о братіи, яко отецъ чадолюбивъ, истинный пастырь радяще о овцахъ.»

Недалеко отъ монастыря находятся желѣзистые ключи, которые могутъ быть полезны въ иныхъ болѣзняхъ, но ими однако не пользуются. Въ народѣ живутъ чудесныя преданія объ одномъ деревѣ, которое растеть не далеко отъ монастыря. Его хотѣли срубить, но не беретъ его никакая сила. Топоры ломались объ него, а отъ дерева вылетали такія искры, что наводили страхъ на покушавшихся. Это дерево заповѣдано было Преподобнымъ Корниліемъ.

Преданіе рассказывалъ намъ извощикъ Иванъ, который насъ везъ отъ Семеновской станціи. Весьма красивый юноша, съ греческимъ профилемъ; правильность носа удивительная; почти нѣтъ выема у бровей, какъ на фигурахъ этрусскихъ вазъ; какимъ образомъ этотъ профиль зашелъ къ намъ сюда? Видно все есть въ нашей огромной Россіи. Карандашъ поэта, вѣрно и съ большимъ вкусомъ, передалъ его черты, которыя можно видѣть на рисункѣ. Мы просили Ивана спѣть намъ самую модную, любимую пѣсню, какая теперь поется у нихъ въ народѣ. Онъ намъ спѣлъ ее. Вотъ она:

Захотѣлось мнѣ провѣдать,
Гдѣ любезная живетъ:
Гдѣ живетъ моя милая,
Та привольна сторона.
Разливалась, растекалась
Быстра рѣченька по ней,
Быстра рѣченька по ней,

Съ круты́мъ бережкомъ ровна́;
 Черезъ эту по́лу воду
 Легку лодочку найму́;
 Легку лодку, близьо́рку,
 Пере́ду за рѣку
 На привольну сторону́.
 На привольной, на веселой,
 Я повыстрою терѣмъ,
 Я повыстрою терѣмъ
 Со широкимъ со дворомъ.

*

Съ горя ноженки не ходять,
 Глазки на свѣтъ не глядятъ.
 Нѣтъ на свѣтъ того хуже,
 Что женатаго любить:
 Онъ женатой вожеватой,
 Его жизнь больно бѣдна,
 Его женушка вольна:
 Не отпустить погулять,
 Хоть отпустить, глазъ не спустить,
 Все въ окошечко глядитъ.
 Нѣтъ на свѣтъ того лучше
 Съ холостымъ любовь водить;
 Я тогда дружку повѣрю,
 Какъ сама стану гулять;
 Я сама стала гулять,
 Стала милаго жалѣть.

Не весело пѣлъ Иванъ. Причина была проста. Хозяинъ его скупъ и кормить плохо. Съ утра онъ не ѣлъ. На греческой его физиогноміи было выраженіе какой-то грусти и задумчивости. Не смотря на голодь, онъ оживился, когда проѣзжалъ по селу своему, и проскакалъ лихо, во всю прыть, заглядывая въ окна избъ, откуда высовывались женскія головы, вѣроятно думая про себя: ай-да нашъ Иванъ! какъ лихо скачетъ!

Грязовець, уѣздный городъ Вологодской губерніи, прежде бывшій селомъ Грязовлецы, вѣроятно, такъ названъ по грязямъ своимъ, причиняемымъ глинистою почвою. Дурная погода, предшествовавшая нашему приѣзду, способствовала еще болѣе къ тому, чтобы объяснить происхожденіе его имени. Мнѣ хотѣлось познакомиться въ этомъ городѣ съ слѣпцомъ-математикомъ, Грязовецкимъ мѣщаниномъ, Михайломъ Алексѣвичемъ Серебряковымъ. Я зналъ объ немъ прежде по его биографіи, перепечатанной въ Москвитянинѣ изъ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, и по собственному письму его, напечатанному въ томъ же журналѣ. Въ этомъ городкѣ родился этотъ замѣчательный Русскій простолюдинъ; вскорѣ послѣ рожденія, ослѣпъ невѣжествомъ своей пѣстуньи и отца, и потомъ раскрылъ столь необыкновенныя математическія дарованія, что своимъ собственнымъ способомъ рѣшалъ важныя математическія задачи и даже обратилъ на себя вниманіе нашего перваго математика, Михаила Васильевича Остроградскаго.

Когда обратился я къ хозяину гостинницы съ вопросомъ о Грязовецкомъ слѣпцѣ, — онъ обрадовался мнѣ, какъ будто давно знакомому, и съ нѣкоторою гордостью отвѣчалъ, что Серебряковъ его пріятель и сей-часъ ко мнѣ явится. Не прошло десяти минутъ, какъ слѣпецъ сидѣлъ уже передо мною, въ своемъ длинномъ, засаленномъ сюртукѣ, во всѣхъ признакахъ своей безпомощной бѣдности, съ замѣчательно умною сократическою физиогномією. Прибытіе мое было для него радостью. Онъ принесъ мнѣ статью свою о Сократѣ, которую диктовалъ въ это время, и отрывки изъ своей Психологіи, которою занимался онъ уже давно, по совѣту почтенныхъ ученыхъ Вологодской Гимназіи.

Кратковременно было свиданіе мое съ Грязовецкимъ слѣпцомъ. Не болѣе часу провелъ я въ бесѣдѣ съ нимъ. Но послѣ, уже въ Москвѣ, я имѣлъ случай короче съ нимъ познакомиться и узнать о томъ духовномъ образованіи, которымъ онъ обязанъ родному своему городу и тому сословію, изъ коего вышелъ. Серебрякова узнали и радушно

приняли въ нашей столицѣ многіе почтенные люди, ученые, литераторы, свѣтскіе. Появленіе его въ Московскомъ обществѣ доказало, что у насъ не такъ раздѣлены сословія, какъ мы воображаемъ, и что во имя высшихъ началъ духовнаго образованія могутъ соединяться люди, не смотря на то, что по отношеніямъ гражданскимъ они поставлены другъ отъ друга на весьма далекомъ разстояніи.

Лѣта, умѣряющія пылкость и силу воображенія вычисляющаго, недостатокъ средствъ слѣпому, да притомъ бѣдняку, заниматься математикою, и другія наклонности, въ послѣдствіи развившіяся, заставили Серебрякова оставить науку числа и мѣры и обратиться къ другимъ занятіямъ, болѣе свойственнымъ его положенію и возрасту. Миръ души открыть еще болѣе для слѣпаго, нежели для зрячаго— и вотъ куда устремляются его мысли.

Но не каждый могъ бы устремиться туда, безъ предварительнаго приготовленія. Грязовецкій слѣпецъ, къ счастью, получилъ его. Родной его городъ не могъ предложить ему тѣхъ наукъ, которыми мы воздѣлываемъ наши способности, однако и онъ удовлетворилъ его, хотя въ малой мѣрѣ. За то онъ далъ ему начала другаго высшаго, духовнаго образованія, — и эти начала вынесъ онъ изъ круга тѣхъ мѣщанъ и крестьянъ, среди которыхъ воспитался. Въ біографіи слѣпца, напечатанной въ Москвитянинѣ, не было о томъ упомянуто. Здѣсь я передамъ слова самаго слѣпца. Они познакомятъ насъ съ лучшею стороною жизни самаго низшаго изъ сословій нашихъ и дадутъ объясненіе тому, какъ могъ быть развитъ духовный разумъ въ мѣщанинѣ, который заслужилъ вниманіе всеобщее.

«Жители Грязовца, говорилъ слѣпецъ, очень набожны. Въ воскресный или праздничный день всѣ бываютъ, отъ мала до велика, въ церкви, и если случится когда во время все-нощнаго бдѣнія или обѣдни проходить по улицѣ, то городъ, по безмолвію, кажется какъ будто пустымъ или вымершимъ; сверхъ того, очень любятъ заниматься Св. Писаніемъ. Есть дома, въ которыхъ каждый день собираются любители Слова Божія и болѣе изъ нихъ умѣющій читаетъ, а прочіе

его слушаютъ; а въ праздничные дни, нерѣдко участвуютъ въ слушаніи Св. Писанія и крестьяне окольныхъ деревень; сверхъ того, и по деревнямъ есть таковыя же чтенцы Св. Писанія. Мнѣ случалось бывать на деревенскихъ бесѣдахъ, — и вотъ какъ представлялась мнѣ эта бесѣда: въ чистой Русской избѣ сидятъ по лавкамъ и скамейкамъ старцы и юноши, женщины и дѣвушки, — и глава семейства, какъ нѣкій патриархъ, за простымъ деревяннымъ столомъ, читаетъ толстую книгу, при сальной свѣчѣ, а нерѣдко и при лучинѣ; и такъ этотъ чтенецъ, то бойкой, то иногда чуть-чуть разбирающій, съ любовью возвѣщаетъ слушателямъ Слово Божіе. Ни бѣдность, ни неумѣнье чтенца, ниже самая молодость нѣкоторыхъ слушателей, ничто не препятствуетъ питаться этою небесною манною. Я въ это время переносился мыслию ко временамъ Апостольскимъ, и думалъ: не такова ли была и Церковь первенствующихъ Христіанъ?....

«Случалось мнѣ бывать свидѣтелемъ и не столь величавыхъ, но не менѣе трогательныхъ явленій, когда отецъ семейства, вечеромъ на праздничный день, зажигаетъ передъ образомъ восковую свѣчу и говоритъ: «Дѣти! пора Богу молиться», — и вотъ все семейство стекается въ одинъ кружокъ, и отецъ беретъ четки, и всѣ тому послѣдуютъ, и начинается тихая, но, можетъ быть, самая пламенная молитва, которая достигаетъ до престола Вседержителя. — О чемъ эта молитва? — знаетъ одинъ Сердцевѣдецъ. — Но сколько мнѣ случалось слышать тихій, молитвенный шопотъ, онъ состоялъ въ томъ: «Господи, отпусти наши согрѣшенія.» — Я думалъ: добрые люди, да есть ли у васъ согрѣшенія-то? — Потомъ отецъ, какъ бы намѣренно, скажетъ свою молитву погромче обыкновеннаго: «уроди, Господи, хлѣба и соли; создай, Господи, тихую и теплую росу;» — а какъ всегда при большихъ семействахъ находится одинъ или два человѣка въ солдатахъ, то отецъ молится также: «спаси Господи Христолюбивое воинство и батюшку Царя православнаго.» — И какъ эдакой молитвѣ не достигнуть небесъ?»

На этихъ-то бесѣдахъ слѣпецъ, лишенный возможности читать, слушалъ кромѣ чтенія Св. Писанія, Творенія Святыхъ Отцевъ, Иоанна Златоустаго, Василія Великаго, Четии-Миней Святителя Димитрія Ростовскаго, — и отсюда понятно, какъ разумъ его прежде всего могъ укрѣпиться въ истинахъ духовнаго міра. Не могу удержаться, чтобы не передать здѣсь имена тѣхъ почтенныхъ Грязовецкихъ чтецовъ Слова Божія, которыя мнѣ сообщены были благодарнымъ слѣпцомъ: деревни Креста казенный крестьянинъ Александръ Горячевъ; деревни Баранцева казенный крестьянинъ Павелъ Васильевъ; въ Грязовцѣ мѣщане Александръ Зюзинъ, Александръ Морозовъ, Василій Гудковъ; купцы Василій Посадскій, Иванъ и Иванъ Комаровы, отецъ съ сыномъ. Любовь къ чтенію не оканчивается однимъ лицомъ, но простирается на все семейство, — и переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому, какъ это видно на семействѣ Комаровыхъ.

Какъ жаль, что недостатокъ духовныхъ книгъ препятствуетъ иногда удовлетворенію такой высокой потребности! Какъ бы полезно было, если бы при волостныхъ управленіяхъ заведены были такія библіотеки, изъ которыхъ грамотные крестьяне могли бы, для своихъ благочестивыхъ упражненій, брать Четии-Миней, Розыскъ, Алфавитъ Духовный, и всѣ напечатанныя у насъ Творенія Святыхъ Отцевъ. Эти книги могли бы быть собраны при каждой волости, въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ. А богатые помѣщики могли бы также озаботиться собраніемъ такихъ полезныхъ библіотекъ для своихъ крестьянъ. Много, много добра можно сѣять на той прекрасной почвѣ, которая готова въ сердцахъ и умахъ нашего добраго народа, просвѣщеннаго если не ученымъ разумомъ, то еще высшимъ разумомъ Вѣры.

Скучень, грязень, плохъ показался мнѣ Грязовецъ снаружи. Но когда я познакомился съ замѣчательнымъ питомцемъ этого города, когда этотъ питомецъ раскрылъ мнѣ лучшую сторону внутренней жизни его, — тогда, признаюсь, я сталъ вспоминать объ этомъ городкѣ съ чувствомъ уваженія.

День склонялся къ вечеру, когда я оставилъ Грязовецъ. Извозчикъ, который повезъ насъ до слѣдующей станціи, былъ, какъ сказали мнѣ, отличный пѣсенникъ. Но онъ не хотѣлъ пѣть пѣсень ради завтрашняго воскресенья и всенѣщной. Добрый парень послужилъ мнѣ однимъ словомъ, которое сказалъ онъ о подстрѣленномъ рыболовѣ. «Видно баринъ-то угодилъ ему въ *папорзокъ*.» Папорзокъ тоже что папоротокъ: косточки въ птичьихъ крыльяхъ, находящіяся между плечикомъ и кистью, какъ объяснено въ Академическомъ Словарѣ. Это слово изъ устъ народа отозвалось мнѣ тотчасъ выраженіемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ: «суть бо у ваю желѣзныи *папорзи* подъ шеломы Латинскими.» Д. Н. Дубенскій такъ и объясняетъ его посредствомъ *папортокъ* (*). Но только ему неизвѣстна была народная форма слова, которая еще ближе къ объясненію. Подъ именемъ желѣзныхъ *папорзовъ* должно разумѣть желѣзные паплечники и даже латы. Но *папорзами* они названы сравнительно съ птицами, ибо передъ тѣмъ говорено о соколѣ. Устный языкъ народа нерѣдко помогаетъ намъ при объясненіи словъ въ древнихъ памятникахъ.

(*) Но прежде его, П. М. Снегиревъ объяснилъ это слово изъ употребительнаго у народа *подпапорки*, части тѣла, лежація по бокамъ пупка между нижними ребрами и подвздошною костью.

ВОЛОГДА.

Гостиница Лондонъ. — Слова Блазіуса. — Наружность Вологды. — Древнее значеніе города. — Соборъ. — Мысль о его возобновленіи. — Директоръ Гимназіи: А. В. Башинскій и Инспекторъ: О. Н. Фортунатовъ. — Бесѣда съ ними. — Дѣйствіе журналовъ. — Дѣйствіе гимназій. — Равсужденіе О. Н. Фортунатова о воспитаніи. — Батюшковъ. — Селенія Вологодской губерніи. — Семисотлѣтіе Вологды. — Статистическія таблицы города за 1836 годъ. — Пространство Вологодской губерніи. — Монастырь Спасо-Прилуцкій. — Убѣжище церковныхъ сокровищъ Москвы въ 1812 году. — Надписи въ память о томъ. — Архіепископъ Иринеи. — Древности ризницы. — Бесѣды съ Преосвященнымъ. — Три мысли, извлеченныя изъ бесѣдъ его. — Всеградская церковь Спаса обиденнаго. — Церковь Усекновенія Іоанна Предтечи. — Законоучитель Гимназіи П. В. Васильевскій. — Память Преосвященнаго Иннокентія. — Церковь Св. Ѳеодора Стратилата. — Память объ Іоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ. — Остатки дома 1704 года. — Часовня на мѣстѣ стоявшихъ мощей Митрополита Филиппа. — Церковь Свв. Елены и Константина. — Икона Св. Ѳеодора Стратилата. — Церковь Архангела Гавріила. — Преданіе о блоризцахъ. — Древнѣйшій храмъ Вологды во имя Св. Троицы и Св. Герасима. — Мощи Угодника. — Домъ купцовъ Пятшневыхъ. — Три духовныя ограды Вологды.

Утромъ на разсвѣтѣ, пріѣхали мы въ Вологду, гдѣ гостиница Лондонъ, уже успѣвшая съ тѣхъ поръ сгорѣть, мирно приняла насъ въ свои стѣны. Скоро яркое солнце, свѣтившее во всѣ окна, не завѣшанныя ничѣмъ, и воскресный звонъ нѣкоторой части изъ 400 колоколовъ древняго города, считающаго до 50-ти церквей, разбудили усталыхъ путниковъ. Хотя гардинъ и не было на окнахъ гостиницы, но я не знаю, за что такъ немилосердо опорочилъ ее Блазіусъ въ своемъ Путешествіи. «Обритые, многочисленные, синелѣдно-лицыя половые» показали ему «грязны и отвратительны»; комнаты «нечисты, пусты, зловонны»; «услуженіе медленно»; кушанье «сносно развѣ для голоднаго.» Все это можетъ быть справедливо только въ воображеніи такого иностранца, который ѣздитъ по Россіи съ тай-

нымъ чувствомъ ненависти ко всему, что ни видитъ, и не столько приносить пользы себѣ и другимъ, сколько раздражаетъ бѣдную желчь свою. Я имѣлъ случай повѣрять книгу Блазюса на мѣстахъ, — и нѣсколько разъ обнаруживалась для меня очевидная невѣрность его показаній, — а онъ еще казался добросовѣстиѣ другихъ путешественниковъ и былъ окруженъ такими людьми, которые могли предложить ему просвѣщенное руководство для познанія нашего отечества.

Наружность Вологды поразила меня своею древностью. Но въ этой древности было и что-то мрачное. Особенно стѣны и башни ея съ черными куполами бросились мнѣ въ глаза прежде всего. Вологда издревле была городомъ торговымъ, который позднѣе связывалъ Москву съ Архангельскомъ. Англійскія посольства всегда проѣзжали черезъ нее. Она стояла на богомольномъ пути древнихъ Царей нашихъ въ Кирилловъ монастырь. Вологда была изстари и мѣстомъ изгнанія.

Садъ, раскинутый на площади передъ гостиницею, представлялъ что-то недоконченное. Эстетическая мысль какого нибудь заботливаго градоначальника какъ будто не достигла полного своего развитія и осталась заброшенною. Первымъ движеніемъ моимъ было идти въ Соборъ. Хотя Вологду жители ея и считаютъ пятымъ городомъ въ Россіи по числу Божіихъ храмовъ, но соборъ ея отличается ветхостью и сыростью. Строенъ онъ первоначально при Іоаннѣ Грозномъ, но, вѣроятно, былъ передѣлываемъ послѣ. Живопись кромѣ алтаря, говорятъ, относится къ 1688 году, но она весьма пострадала. Характеромъ своимъ, впрочемъ, она не такъ примѣчательна. Дѣятельный и неутомимый въ служеніи Вологодскій Архипастырь, Преосвященный Евлампій, возымѣлъ мысль обновить этотъ храмъ, — и должно думать, что воззваніе его къ гражданамъ Вологды встрѣтитъ въ сердцахъ ихъ сильный отголосокъ. Между иконами замѣчательна икона Пресвятыя Троицы съ Зырянскою надписью: она стоитъ въ соборѣ у стѣны, съ праваго боку. Надпись не разобрана. Но Зырянскимъ языкомъ

мы не занимаемся. Въ Германіи выходятъ Зырянскія грамматики, но не у насъ, гдѣ самый языкъ существуетъ. По-знакомить съ языками племенъ, въ Россіи обитающихъ, будетъ, конечно, дѣломъ Географическаго Общества.

Не далеко отъ собора течетъ рѣка Вологда, вѣроятно, давняя названіе и городу, а лѣвѣе отъ собора прилегаетъ къ ней публичный садъ. Изъ собора поспѣшилъ я въ Гимназію. Никогда не забуду радушнаго гостепріимства Директора А. В. Башинскаго и Инспектора О. Н. Фортунатова. Съ послѣднимъ я былъ уже знакомъ лично, и кромѣ того по статьямъ его, напечатаннымъ въ Москвитинѣ. Пріятно было встрѣтиться мыслями съ почтенными учеными Вологды и найти здѣсь полное сочувствіе къ тому направленію, которому я постоянно слѣдовалъ въ наукѣ и литературѣ. Здѣсь, по этимъ устнымъ сближеніямъ съ людьми, трудящимися на одномъ съ нами поприщѣ, можно видѣть важность того дѣйствія, которое производятъ журналы на развивающіяся поколѣнія. Мысли, выражаемыя съ кафедръ, остаются въ стѣнахъ университетовъ и приносятъ плодъ, развѣ черезъ многіе годы. Мысли же, распространяемыя посредствомъ журналовъ, дѣйствуютъ немедленно и приносятъ плоды самые быстрые, хотя и непрочные. Соединеніе ученой дѣятельности съ литературною необходимо для каждаго изъ насъ. Я всегда такъ думалъ, и еще болѣе убѣдился въ справедливости моего мнѣнія послѣ бесѣды съ тѣми достойными людьми, которые, болѣе чѣмъ мы, имѣютъ возможность наблюдать эти дѣйствія на опытѣ.

Вліяніе гимназій на просвѣщеніе нашихъ губернскихъ городовъ есть одинъ изъ пріятныхъ результатовъ того движенія, которое дано было просвѣщенію въ наше время. Кромѣ воспитанія и ученья, гимназій наши много содѣйствуютъ распространенію свѣдѣній историческихъ и статистическихъ о тѣхъ городахъ, гдѣ онѣ устроены. Если этого и не лзя сказать обо всѣхъ гимназіяхъ безъ исключенія, то оно совершенно справедливо въ отношеніи къ Вологдѣ.

Пріятно было мнѣ встрѣтить въ двухъ начальникахъ гимназіи такую единодушную волю, такое согласіе въ мысляхъ, которыми крѣпится дѣло ученія и польза юношества. Инспекторъ О. Н. Fortunatovъ напечаталъ нѣсколько статей своихъ о воспитаніи, составляющемъ постоянную тему его рѣчей на актахъ гимназіи. Особенно замѣчательны два его разсужденія: 1) Каковъ долженъ быть наставникъ. 2) Источники успѣховъ нравственнаго воспитанія въ общественныхъ заведеніяхъ. Первое изъ этихъ разсужденій все проникнуто глубокимъ, искреннимъ сознаниемъ того высокаго назначенія, которое имѣетъ наставникъ. Оно выражено Евангельскими словами въ заключеніи: *«Такъ да просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуьки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ»*, сказалъ Спаситель ученикамъ, отпуская ихъ на проповѣдь, а въ лицѣ ихъ сказалъ и намъ всѣмъ, наставникамъ и воспитателямъ.» Чтобы быть достойнымъ учителемъ, надобно быть, по мнѣнію Христіанскаго педагога, самому ученикомъ Спасителя, единственнаго учителя и наставника. Многолѣтній опытъ внушилъ автору Разсужденія много полезныхъ совѣтовъ, напримѣръ слѣдующій: «Разгоряченный наставникъ превращаетъ для себя и для дѣтей часы ученія въ часы мученія и скуки; безъ всякой пользы онъ разстроиваетъ себя, и часто не только не исправляетъ, но еще болѣе ожесточаетъ дѣтей.» — Опасаться должно въ ученіи сухости механизма; безъ него обойтись нельзя; но одинъ механизмъ превращаетъ ученіе въ форму. И противъ этого даетъ прекрасное средство опытный руководитель. *«При любви къ своему дому, говоритъ онъ, нѣтъ механизма.»* Это сущая правда. Только любовь можетъ оживить ученіе: безъ нея—оно сухой и скучный механизмъ, который можетъ надоѣсть и надоѣдаетъ большей части учениковъ. Не слишкомъ знающій учитель, по съ чувствомъ любви, долженъ быть всегда предпочтенъ самому знающему, но безъ нея. Когда познакомишься лично съ тѣмъ, кто предлагаетъ эти совѣты, то убѣдишься, что въ этихъ сло-

вахъ не одна отвлеченная теорія, а голосъ жизни и луч-
шихъ убѣжденій душевныхъ, потому что о томъ, кто пи-
салъ ихъ, можно сказать его же словами: «душа прогляды-
ваетъ во всемя.» — Въ другомъ Разсужденіи своемъ: *объ*
источникахъ успѣховъ нравственнаго воспитанія, я весьма
сочувствую педагогу въ тѣхъ мысляхъ, которыя относятся
къ соединенію семейнаго воспитанія съ общественнымъ или
государственнымъ. Все то, что говоритъ онъ, обращаясь къ
родителямъ, превосходно. Но глубоко задумаешься надъ
совершенною правдою этихъ словъ, которыя поставлены
почти въ заключеніи: «Много есть такого, чего слабій
умъ разрѣшить не можетъ. Отъ чего у добрыхъ и попе-
чительныхъ родителей бывають иногда дурныя дѣти? Отъ
чего дѣти однихъ и тѣхъ же родителей, не одинаковы въ
качествахъ своихъ? Дѣти порочныхъ родителей, по види-
мому, лишеныя добраго воспитанія, бывають нравственнѣе
тѣхъ, за которыми неослабно слѣдятъ въ дѣтствѣ и юно-
шествѣ? «Да, это случается, и не признавъ высшей воли,
никто не разрѣшитъ этой тайны. Туже самую мысль, но
не такъ искусно выраженную, мнѣ случилось однажды
слышать изъ устъ Русскаго крестьянина, который говорилъ
со мною о воспитаніи дѣтей.

Ө. Н. Фортунатовъ своими дѣльными статьями много
оживлялъ и Вологодскія Губернскія Вѣдомости, потому что
исторія города и его памятниковъ, равно и статистика, ему
хорошо извѣстны. Гораздо любопытнѣе и полезнѣе тѣ
Губернскія Вѣдомости, которыя знакомятъ съ жизнью, какъ
прошедшею, такъ и настоящею, самаго края. Бывають въ
иныхъ мѣстахъ и такія, въ которыхъ говорятъ о ловлѣ
тигровъ и китовъ: ужь въ такомъ случаѣ ловля волковъ,
или даже зайцевъ, была бы гораздо привлекательнѣе и
полезнѣе.

Подъ руководствомъ представителей отечественнаго
просвѣщенія въ Вологдѣ, могъ я взглянуть на городъ и
узнать то, что въ немъ особенно достопримѣчательнаго.

Прежде чѣмъ говорить о памятникахъ святѣни Вологодской, разскажу объ одномъ грустномъ свиданіи, котораго желалъ я.

А. В. Башинскій повезъ меня къ начальнику Удѣльной Конторы, Г. А. Г-су, въ домѣ котораго живетъ Константинъ Николаевичъ Батюшковъ, окруженный нѣжными заботами своихъ родныхъ. Болѣзненное состояніе его перешло въ болѣе спокойное и неопасное ни для кого. Небольшаго росту человекъ, сухой комплекціи, съ головкой почти совсѣмъ сѣдою, съ глазами ни на чемъ не остановленными, но непрерывно разбѣгающимися, съ странными движеніями особенно въ плечахъ, съ голосомъ раздраженнымъ и хрипливо-тонкимъ, предсталъ передо мною. Подвижное лицо его свидѣтельствовало о нервической его раздражительности. На видъ ему лѣтъ 50 или болѣе. Такъ какъ мнѣ сказали, что онъ любитъ Итальянскій языкъ и читаетъ иногда на немъ книги, то я началъ съ нимъ говорить по-Итальянски, но проба моя была неудачна. Онъ ни слова не отвѣчалъ мнѣ, разсердился и быстрыми шагами вышелъ изъ комнаты. Черезъ полчаса однако успокоился, — и мы вмѣстѣ съ нимъ обѣдали. Но, кажется, всѣ связи его съ прошедшимъ уже разорваны. Друзей своихъ онъ не признаетъ. За обѣдомъ, въ разговорѣ, онъ сослался на свои Опыты въ прозѣ, но въ такой мысли, которой тамъ вовсе нѣтъ. Говорятъ, что попытка читать передъ нимъ стихи изъ Умирающаго Тасса была также неудачна, какъ моя проба говорить съ нимъ по-Итальянски. Я упомянулъ, что въ Римѣ, на плаца Поли, Русскіе помнятъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, и указываютъ на его окна. Казалось, это было для него не совсѣмъ непріятно. Также прочли ему когда-то статью объ немъ, напечатанную въ Энциклопедическомъ лексиконѣ: она доставила ему удовольствіе. Какъ будто любовь къ славѣ не совсѣмъ чужда еще чувствамъ поэта, при его умственномъ разстройствѣ!

Батюшковъ очень набоженъ. Въ день своихъ именинъ и рожденія онъ всегда проситъ отслужить молебень, по

никогда не дастъ попу за то денегъ, а подаритъ ему розу или апельсинъ. Вкусъ его къ прекрасному сохранился въ любви къ цвѣтамъ. Нерѣдко смотритъ онъ на нихъ и улыбается. Любитъ дѣтей, играетъ съ ними, никогда ни въ чемъ не откажетъ ребенку, и дѣти его любятъ. Къ женщинамъ питаетъ особенное уваженіе; не сдумаетъ отказать женской просьбѣ. Полное вліяніе имѣетъ на него родственница его, Е. П-на Г. Для нея нѣтъ отказа ни въ чемъ. Нерѣдко гуляетъ. Охотно слушаетъ чтеніе и стихи. Дома любимое его занятіе — живопись. Онъ пишетъ ландшафты. Содержаніе ландшафта почти всегда одно и тоже. Это элегія или баллада въ краскахъ: конь, привязанный къ колодцу, луна, дерево, болѣе ель, иногда могильный крестъ, иногда церковь. Ландшафты писаны очень грубо и нескладно. Ихъ даритъ Батюшковъ тѣмъ, кого особенно любитъ, всего болѣе дѣтямъ. Дурная погода раздражаетъ его. Бываютъ иногда капризы и внезапныя желанія. Въ числѣ несвязныхъ мыслей, которыя выражалъ Батюшковъ въ разговорѣ съ Директоромъ гимназіи, была одна, достойная человѣка вполне разумнаго, что свобода наша должна быть основана на Евангельскомъ законѣ.

Царская милость льется и на эту развалину поэта, который въ свое время принесъ славу Отечеству. Пожизненная пенсія отъ Государа обезпечиваетъ жизнь его.

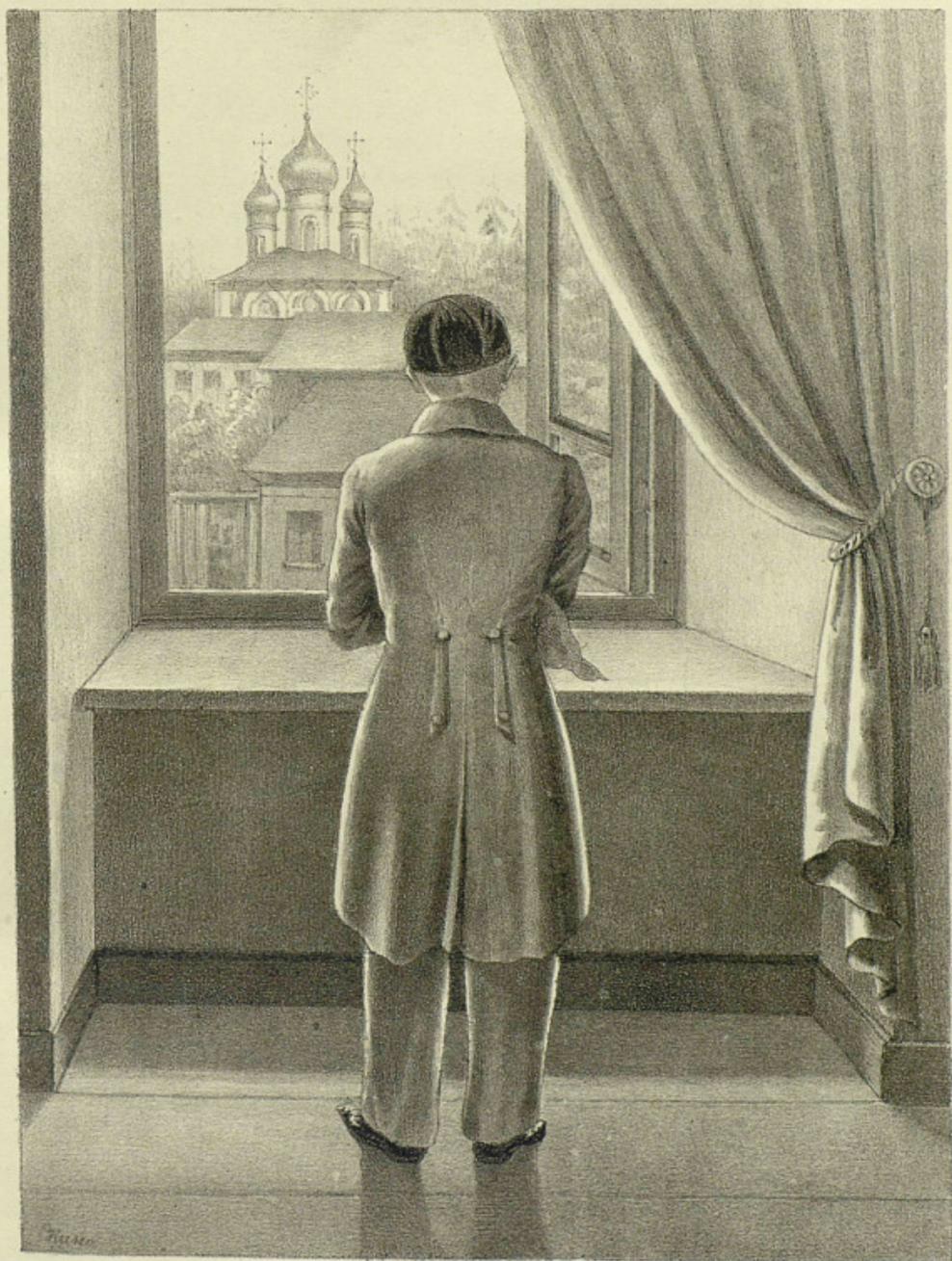
Въ чертахъ лица можно найти еще хотя слабые остатки сходства съ тѣмъ портретомъ, который находится при его сочиненіяхъ. Приложенный рисунокъ даетъ вѣрное понятіе о его ростѣ и положеніи. Снять лицо было невозможно. Даже и за это, замѣтивъ приемы рисовальщика издали, поэтъ наградилъ его нѣсколькими дикими взглядами! Такой портретъ имѣетъ впрочемъ, хотя грустное, но вѣрное значеніе. Здѣсь уступаю перо тому, чей карандашъ уловилъ прилагаемыя черты. Оживленный рассказъ его о встрѣчѣ съ Батюшковымъ дополнить то, чего нельзя было передать въ рисунокѣ.

Встрѣча съ Батюшковымъ.

«8 Юля, поутру, я пріѣхалъ къ Г. А. Г-су. Было около девяти часовъ. Въ домѣ еще не начинали двигаться и никто не встрѣтилъ меня, ни на крыльцѣ, ни въ передней. Я вошелъ тихо. Дверь, ведущая въ залу, была немного отворена и когда я взглянулъ туда: мнѣ мелькнула какая-то бѣлая фигура, ходившая изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Я взглянулся: это былъ старичокъ, небольшого росту, въ бѣломъ полотняномъ скюртукѣ; на головѣ у него была бархатная темномалиновая ермолка; въ рукахъ бѣлый платокъ и серебряная табакерка; на ногахъ черные спальные сапоги. Я старался, какъ можно скорѣе, рассмотреть съ ногъ до головы этого старичка: мнѣ почему-то казалось, что это Батюшковъ; и въ самомъ дѣлѣ это былъ онъ. Я глядѣлъ на него только одинъ мигъ. Онъ сейчасъ услышалъ шумъ въ передней, подошелъ къ двери, взглянулъ на меня, и быстро повернувшись ушелъ. Я вошелъ въ залу; тамъ не было никого. По срединѣ стоялъ круглый столъ. Въ простѣнкахъ между окнами, которыя глядѣли на улицу, было два зеркала. По стѣнѣ стояли стулья. Я сѣлъ на одинъ, дожидаясь, что кто-нибудь войдетъ. На право какъ-разъ противъ одного зеркала, была отворенная дверь, которая, какъ мнѣ казалось, вела въ корридоръ. Не много погодя, по этому корридору раздались шаги, и въ залу вошелъ тотъ же бѣленькой старичокъ. Не глядя на меня, онъ пошелъ прямо къ зеркалу; я увидѣлъ тамъ его лице и страшные глаза, дико сверкавшіе изъ-подъ густыхъ бровей, какъ будто-бы онъ сердился; онъ также увидѣлъ меня; два раза окинулъ меня глазами; потомъ взглянулъ опять въ зеркало, снялъ ермолку, взъерошилъ волосы, совершенно бѣлые и низко подстриженные, надѣлъ опять ермолку, быстро повернулся и скорыми шагами вышелъ, или, можно сказать, выбѣжалъ вонъ. Все это произошло въ два, въ три мгновенія. Нечего было болѣе сомнѣваться: это Батюшковъ. Вскорѣ опять послышались шаги; взошелъ самъ

хозяинъ. Послѣ обыкновеннаго привѣтствія, онъ — зная, зачѣмъ я пріѣхалъ, сказалъ мнѣ прямо: «вы его видѣли; онъ тутъ ходилъ, бѣленькой, сѣдой старичокъ!» Я не могъ не замѣтить этихъ простыхъ словъ, хотя они были сказаны безъ всякой особенной мысли. Лучше всякихъ описаній они рисовали мнѣ настоящаго Батюшкова: имени нѣтъ; просто — онъ, бѣленькой, сѣдой старичокъ и только!....» Теперь онъ вѣрно не выйдетъ до самаго чаю — продолжалъ хозяинъ — онъ не любитъ, если приходятъ его смотрѣть. Пожалуйста не говорите съ нимъ: у насъ вчера умеръ человекъ; это его растревожило и онъ безпрестанно повторяетъ: «не шумите, Михайла умеръ!» — И въ самомъ дѣлѣ, не много погодя, я услышалъ, какъ онъ говорилъ кому-то въ другой комнатѣ: не шумите, Михайла умеръ!

«Вскорѣ потомъ подали самоваръ. Пришла хозяйка съ дѣтми и мы всѣ усѣлись за круглый столъ, стоявшій по срединѣ комнаты. Константину Николаевичу сказали — и онъ вошелъ очень тихо, но все еще взглядывалъ на меня. Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, казалось, немного успокоился, какъ будто рѣшилъ, что я пришелъ не за тѣмъ, чтобъ его смотрѣть, а въ гости къ хозяину, пить чай. Только лицо его все еще было сердито. Наконецъ мы стали пить чай. Ему налили первому, и поставили чашку на круглый серебряный подносикъ. Онъ сѣлъ подлѣ меня, по лѣвую руку, и началъ пить, наливая на блюдечко и придерживая его пятью пальцами. Тутъ я старался рассмотреть, какъ можно лучше, черты его лица. Оно тогда было совершенно спокойно. Темносѣрые глаза его, быстрые и выразительные, смотрѣли тихо и кротко. Густыя, черныя съ просѣдою брови не опускались и не сдвигались. Лобъ разгладился отъ морщинъ. Въ это время онъ нисколько не походилъ на сумасшедшаго. Какъ ни взглядывался я: никакого слѣда безумія не находилъ на его смирномъ, благородномъ лицѣ. Напротивъ, оно было въ ту минуту очень умно. Скажу здѣсь и обо всей его головѣ: она не такъ велика; лобъ у него открытый, большой; носъ маленькой съ горбомъ; губы тонкія и сухія; все лицо худощаво, нѣ-

сколько морщиновато; особенно замѣчательно своею необыкновенною подвижностію; это совершенная молнія; переходы отъ спокойствія къ безпокойству, отъ улыбки къ суровому выраженію — чрезвычайно быстры. И весь вообще онъ очень живъ и даже вертлявъ. Все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ скоро. Ходитъ также скоро и широкими шагами. Глядя на него, я вспомнилъ извѣстный его портретъ; но онъ теперь почти не похожъ, и тотъ полный лицомъ, кудрявый юноша ничуть не напоминаетъ гладенькаго, худенькаго старичка....

«Во время чаю, хозяинъ спросилъ у него: «Что это, Константинъ Николаевичъ, у насъ такая дурная погода? Не знаете-ли вы? Вотъ вамъ и гулять нельзя!»—Онъ отвѣчалъ только: «да!» и сталъ пить чай. Когда онъ допилъ чашку, его спросили, — не хочетъ ли онъ еще? Но онъ сказалъ отрывисто: нѣтъ! кофею!—Потомъ всталъ и ушелъ въ переднюю. Говорятъ, это его любимое мѣсто. Иногда онъ сидитъ тамъ по цѣлому часу. Не много погода, онъ вышелъ изъ передней и сталъ ходить по комнатѣ. Часто подходилъ къ окну, останавливался передъ нимъ, заложивъ руки назадъ, или скрестивши ихъ на груди, и смотрѣлъ на улицу. Потомъ опять начиналъ ходить. Онъ уже совершенно забылъ про меня. Лице его было спокойно, только брови иногда немного насушливались. Никто изъ домашнихъ не обращалъ на него никакого вниманія. Дѣти бѣгали по комнатѣ, и это его не безпокоило. Одинъ ребенокъ вдругъ подбѣжалъ къ нему и сталъ его затрогивать; онъ нагнулся, ласково потрепалъ дитя по щекѣ, взялъ за подбородокъ и улыбнулся; трудно сказать, какъ много было пріятности въ этой улыбкѣ... можетъ быть, потому, что не ждешь ея на этомъ постоянно суровомъ и, если не сердитомъ, такъ задумчивомъ лицѣ... Потомъ онъ опять подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на улицу, но вдругъ засуетился, схватилъ откуда-то карандашъ и клочекъ бумаги и быстро—черкнулъ на немъ что-то; мнѣ показалось, кругъ, но это была уточка, нарисованная съ одного, или двухъ почерковъ. Здѣсь кстати упомянуть, что онъ часто

рисуетъ картинки и больше красками, и то, что нарисуетъ, отдаетъ дѣтямъ. На картинкахъ его всегда одно и тоже изображеніе: бѣлая лошадь пьетъ воду; съ одной стороны деревья, раскрашенныя разными красками—желтой, зеленой и красной; тутъ же досталось иногда и лошади на долю; съ другой стороны замокъ; вдали море съ кораблями, темное небо и блѣдная луна.

Послѣ того онъ опять сталъ ходить по комнатѣ; вдругъ остановился и спросилъ: что же кофею? — Ему отвѣчали: сейчасъ! — и скоро потомъ налили и поставили чашку на прежнее мѣсто. Онъ сѣлъ опять подлѣ меня; началъ пить, но замѣтивъ, что и мнѣ налита чашка, подавъ мнѣ ее и подвинувъ сливки. Въ это время вошелъ какой-то господинъ и направилъ шаги свои въ кабинетъ къ хозяину. Батюшковъ взглянулъ на него быстро и закричалъ вслѣдъ: Алексѣй Ивановичъ, принесите мнѣ бумажки потолка! И когда тотъ, немного погодя, проходилъ опять черезъ залу, Батюшковъ повторилъ снова: принесите-же бумажки потолка! — И, допивъ кофею, всталъ и началъ опять ходить по залѣ; опять останавливался у окна и смотрѣлъ на улицу; иногда поднималъ плечи вверхъ, что-то шепталъ и говорилъ; его неопредѣленный, странный шопотъ былъ нѣсколько похожъ на скорую, отрывистую молитву, и можетъ быть онъ въ самомъ дѣлѣ молился, потому что иногда закидывалъ назадъ голову, и, какъ мнѣ казалось, смотрѣлъ на небо; даже мнѣ однажды послышалось, что онъ сказалъ шопотомъ: Господи!... Въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ стоялъ такимъ образомъ у окна, мнѣ пришло въ голову срисовать его сзади. Я подумалъ: это будетъ Батюшковъ безъ лица, обращенный къ намъ спиной, и я, вынувъ карандашъ и бумагу, принялся какъ можно скорѣе чертить его фигуру; но онъ скоро замѣтилъ это и началъ меня ловить, кидая изъ-за плеча безпокойные и сердитые взгляды. Безуміе опять заиграло въ его глазахъ, и я долженъ былъ бросить работу... Къ счастью, вскорѣ принесли бумагу, о которой онъ просилъ, и это его успокоило, онъ мгновенно измѣнился; весело схватилъ поданный ему листъ

бумаги, перервалъ пополамъ и половину сталъ отдавать старшему сыну хозяина, говоря: «не хочешь-ли, я тебѣ дамъ?»— И хоть тотъ отказывался, онъ таки настоялъ на своемъ и заставилъ его взять бумагу, сказавши отрывисто: «на, возьми, возьми! у меня есть! Миѣ довольно!» Остальные поллиста разорвалъ на четвертушки, и потомъ на восьмушки, и ушелъ съ ними изъ залы, и больше не возвращался.

«Я пошелъ домой, и дорѣгой, долго послѣ, все думалъ о Батюшковѣ. Меня поразило это грустное явленіе. Это былъ первый съумасшедшій, котораго я видѣлъ... и какой человѣкъ! и какой урокъ человѣку!.. Миѣ часто приходитъ на память это славное лицо, эти глаза, въ которыхъ иногда какъ нарочно сверкаетъ что-то, напоминающее умъ, навѣки улетѣвшій изъ даровитой головы... Я живо вижу эту бѣлую фигуру у окна, съ руками, сложенными крестъ-на-крестъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ небу; кажется, я слышу, какъ онъ шепчетъ что-то, какъ бы молитву, и миѣ все хочется спросить: если ты молишься, о чемъ ты молишься, старикъ?....»

Н. Б.

Разговоры съ Г. А. Г. о состояніи удѣльныхъ имѣній Вологодской Губерніи были для меня любопытны, хотя и не по моей части. Селенія находятся на огромномъ разстояніи другъ отъ друга и состоятъ, нерѣдко, только изъ одного, двухъ, или трехъ дворовъ. Сообщенія между ними, по причинѣ разстояній, ужасно трудны. Вся эта мѣстность влечетъ за собою нѣкоторыя неизбѣжныя особенности въ управленіи. Не лзя было довольно налюбоваться порядкомъ устройства самой Конторы, гдѣ всякая нужная бумага можетъ быть найдена въ нѣсколько секундъ и гдѣ каждый подвѣдомый ей крестьянинъ извѣстенъ ей совершенно со всеѣмъ своимъ бытомъ. При Конторѣ находится богатая аптека, съ разными лѣкарственными пособіями для крестьянъ.

Вологда, въ 1847 году, вмѣстѣ съ Москвою въ одинъ годъ, праздновала свое семисотлѣтіе, потому что въ 1147

году 19-го Августа, Преподобный Герасимъ прибылъ въ нее съ горъ Кіевскихъ. Такъ говорится въ житіи Угодника, и по этому случаю въ первый разъ упоминается ея имя. Вологодская Гимназія не забыла этого событія. Ученикъ VII класса Зарляндъ, уроженецъ Гамбурга, лютеранинъ по вѣрѣ, читалъ на торжественномъ актѣ сочиненіе: *Семисотлѣтіе Вологды*. Почтенные наставники Гимназіи умѣютъ питать чувства уваженія къ мѣстнымъ историческимъ преданіямъ. Исторія Вологды и всего окружающаго ее края составляетъ постоянный предметъ изученія для питомцевъ Вологодскихъ. Темы для сочиненій на акты почерпаются отсюда. Кто полюбитъ исторію Вологды и будетъ уважать свой родной городъ, тотъ полюбитъ непременно и исторію Россіи и будетъ благоговѣть передъ своимъ отечествомъ. Литературными бесѣдами развиваются дарованія учениковъ, и этимъ бесѣдамъ наставники стремятся дать отечественное направленіе.

Любопытны многія статистическія подробности города, собранныя Ѳ. Н. Фортунатовымъ за 1836 годъ. Всѣхъ жителей въ городѣ обоого пола было тогда 16,278. Изъ нихъ духовнаго сословія 1,183, дворянъ 522, благородныхъ 1,024, купцовъ 490, мѣщанъ 6,121, дворовыхъ людей 2,359, крестьянъ 1,335. Учащихся 1,337 и всего болѣе въ Семинаріи, имѣвшей 414 учениковъ. Церквей 50, при нихъ придѣловъ 98, колоколовъ 400. Домовъ 1,310, изъ которыхъ каменныхъ только 64. Банъ публичныхъ 1, а частныхъ 950, по одной банѣ на 17 человекъ жителей. Есть и литографія одна, гостинницъ 8, лавочекъ роспивочныхъ 20, винныхъ ренскихъ погребовъ 14, лавокъ съ товарами въ рядахъ 273 — и въ томъ числѣ ни одной книжной лавки. Но съ тѣхъ поръ, кажется, заведена одна, вѣроятно, стараніями ученыхъ Вологодской Гимназіи, но и то весьма медленно удовлетворяющая ихъ любознательности, алчной до современнаго чтенія. Не лзя не пожалѣть, что такого рода статистическія таблицы не ведутся постоянно. Въ нихъ была бы живая исторія развитія всякой общественной жизни въ городѣ.

Весьма сожалѣю, что я не имѣлъ счастья представиться Вологодскому Епископу Евлампію. Его Преосвященство въ то время объѣзжалъ свою огромную Епархію, которая, послѣ Архангельской, есть самая обширная во всей Европейской Россіи. Земли ея не измѣрены. Говорятъ, что онѣ заключаютъ 7,187 кв. миль, но это приблизительно. Самое большее протяженіе Вологодской губерніи въ длину составляетъ лѣтнимъ путемъ 2,000 верстѣ. Окружность же всей губерніи полагаютъ въ 5,000 верстѣ. Блазіусъ въ своемъ Путешествіи рассказываетъ о замѣчательномъ спорѣ, который происходилъ въ его присутствіи: одинъ говорилъ, что казеннаго лѣсу въ Вологодской губерніи 30 милліоновъ десятинъ, а другой, что только 12 милліоновъ. Блазіусъ замѣчаетъ, что первое число въ 50 разъ превосходитъ лѣса, находящіеся въ цѣлой Франціи.

Обозрѣніе достопамятностей Вологодскихъ я могъ совершить подѣ просвѣщеннымъ руководствомъ знатока ихъ, О. Н. Фортунатова. Мы начали обозрѣніе съ монастыря Спасо-Прилуцкаго, отстоящаго отъ Вологды въ 5 верстахъ. Кромѣ святыни и древности, меня привлекало въ эту обитель пребываніе въ ней Преосвященнаго Архіепископа Иринея, о назидательныхъ бесѣдахъ котораго я столько слышалъ.

Начало обители относится къ концу XIV вѣка. Св. Дмитрій Прилуцкій, основатель ея, былъ современникомъ Дмитрію Донскому. Икона Преподобнаго сопровождала Іоанна IV на походѣ его въ Казань. Въ 1811 году загорѣлась та церковь, гдѣ находится эта икона. Весь иконостасъ пылалъ. Монастырскій служитель бросился въ середину пламени и чудеснымъ усердіемъ своимъ спасъ ее отъ пожара. На другой годъ, 1812-й, въ томъ же Сентябрѣ мѣсяцѣ, когда случилось это несчастіе, та же церковь, бывшая сама еще свѣжимъ пепелищемъ послѣ пожара, приняла въ свои священныя стѣны драгоценности церковныя Москвы, вывезенныя изъ Патріаршей ризницы, изъ соборовъ,

Сергіевой Лавры и монастырей. Въ ночь на 1-е Сентября (*), до того какъ Французамъ вступить въ Москву, выѣхалъ обозъ съ этими сокровищами, обозъ, неохраненный никѣмъ, кромѣ немногихъ инвалидовъ, да нѣсколькихъ иноковъ. Видно, не дремала надъ нимъ охрана Божія. Здѣсь, въ соборной церкви Спасо-Прилуцкаго монастыря, лежало все это церковное богатство Москвы въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Всякому Русскому, но особенно жителю Москвы, не лзя не ощутить сердечнаго благоговѣнія въ этомъ храмѣ, при мысли, что онъ хранилъ въ годину тяжкую все движимое благолѣпіе нашихъ церквей. До сихъ поръ, надпись, сдѣланная надъ кровлею поверхъ Архіепископскихъ келлій Игуменомъ Павломъ, блюстителемъ этой святыни, свидѣтельствуеъ намъ о томъ. На верху, подъ всевидящимъ окомъ, изображенъ 1812 годъ, а подъ нимъ двустипіе отъ лица монастыря:

Безбѣдно Богъ меня въ сей лютой годъ хранилъ,
 Москвѣ разсѣянной прибѣжищемъ я былъ.

Есть еще другая внутренняя надпись, которую написалъ карандашемъ Игуменъ У. на стѣнѣ одной изъ келлій, занимаемыхъ Преосвященнымъ Иринеемъ. Она хранится свято. Карандашъ замѣненъ чернилами. Вотъ она:

Въ то время, въ грозную для Церкви ту годину,
 Какъ новый Юліанъ въ надменности своей;
 Безбожною рукою коснулся олтарей,
 (Разбойникъ, взявъ Царя подложную личину),
 Въ то время, въ лютой часъ пылающей Москвы,
 Какъ сорванъ Крестъ Христовъ съ Ивановской главы,
 Какъ града жители отъ буйствъ врага страдали,
 (Ихъ крыло рубище — тирана вѣчный стыдъ),
 Въ то время въ сихъ стѣнахъ спокойно пребывали

(*) См. Очерки жизни Московскаго Архіепископа Августина, соч. П. М. Снегирева. Москва. 1848. стран. 29. «Ночью Августинъ отправилъ по Ярославской дорогѣ въ Вологду съ Архимандритомъ Симеономъ Крыловымъ ризницы — Патріаршую съ ея библиотекой, соборныя, пѣкаторыя монастырскія вмѣстѣ съ ризницею Троицкой Лавры.»

Игумень и Архимандритъ:

Одинъ монастыря Угрѣшскаго Николы,
 Другой Святителя, что въ Греціи глаголы
 Въ желѣзные сердца златые изливаль
 И Златоустымъ свѣтъ котораго назваль.

О, адскихъ замысловъ коварный исполнитель!
 Прерви змѣиный тонъ, Парижанинъ Лессеть!
 Насъ гласомъ матернимъ Москва къ себѣ зоветь.

Прости, священная обитель!
 Какъ ты поклонила, какъ ты хранила насъ,
 Такъ да покоитъ Богъ тебя на всякой часъ.

1812.

Гостепріимный Архипастырь принималъ насъ два раза въ той самой келліи, гдѣ авторомъ написаны, а имъ сохранны эти стихи, — два раза, потому что одинъ разъ самому торопливому путнику не льзя удовольствоваться его мыслеобильною бесѣдою. Въ первый разъ застали мы его гулявшаго въ саду, гдѣ лелѣялъ онъ любимыя имъ бѣлыя розы и дубъ, разбитый молніей, который сохранилъ онъ отъ гибели подъ пескомъ и известью. Въ другой разъ онъ окруженъ былъ толпой недужныхъ крестьянъ, которые приходили къ нему изъ всѣхъ околныхъ селъ и деревень за цѣлебными травами и помощью.

Прежде всего, поклонились мы въ нижней церкви мощамъ Преподобнаго Дмитрія и Углицкаго Князя Юанна, въ монашествѣ Игнатія, сосланнаго сюда Грознымъ и здѣсь принявшаго схиму. Церковь древняя вся подновлена. Прекрасенъ новый придѣлъ, построенный уже Преосвященнымъ Иринеємъ, во имя Усѣкновенія главы Юанна Предтечи. Архитектура и живопись приносятъ честь вкусу руководителя при строеніи и самимъ художникамъ. Живописецъ Катинъ, котораго труды въ Вологдѣ нерѣдко встрѣчаются, умѣлъ соединить съ академическимъ образованіемъ религиозное вдохновеніе. Многіе ученики идутъ по слѣдамъ его. Въ ризницѣ замѣчательнъ серебряный ковшъ Дьяка Скворцова, жалованный ему за Крымскую посылку.

Никогда не забуду я малыхъ часовъ, проведенныхъ мною въ бесѣдѣ съ Преосвященнымъ. Лучшіе дары, какіе можетъ ученый принять отъ духовнаго наставника, состоятъ въ тѣхъ благодатныхъ мысляхъ, которыя въ семь послѣднемъ являются плодомъ постоянного самоуглубленія и вышшаго размышленія духовнаго. Не могу здѣсь не записать трехъ мыслей, которыя считаю я до сихъ поръ лучшимъ угощеніемъ, предложеннымъ мнѣ отъ гостепріимнаго Архипастыря.

Первая тронула меня за живое, потому что коснулась науки и ученаго вообще. До сихъ поръ, казалось мнѣ, въ Евангеліи не было оправданія нашему дѣлу и званію. Я не помнилъ такихъ словъ Иисуса Христа, которыя бы прямо сюда относились. Архипастырь навелъ мою мысль на 13-ую главу Евангелія отъ Матѳея. Здѣсь Спаситель, изложивъ притчи о царствіи небесномъ, обратился къ предстоявшимъ и спросилъ ихъ: поняли ли вы все сіе? Они сказали: поняли, Господи. Тогда сказалъ онъ имъ: *«сею ради всякъ книжникъ научився царствію небесному, подобенъ есть чловѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая.»* Здѣсь, какъ мы видимъ, не презрѣна нисколько наука, не поставлена низко; но ученый, научившійся царствію небесному, уподобленъ домовитому хозяину, который изъ сокровища своего выноситъ новое и старое. Какая полнота знанія дана такому книжнику! Ученіе о царствіи небесномъ не есть ли такое ученіе, которое всегда ново и которое всегда можетъ обновлять науку?

Другая мысль касается важнѣйшей части Божественной литургіи — времени пресуществленія Евхаристіи. Изъ Исторіи Церковной нашей Словесности мнѣ извѣстенъ былъ споръ объ этомъ предметѣ, происходившій у насъ при Патріархѣ Іоакимѣ между Римско - Католическою партіею и представителями Православія. Преосвященный объяснилъ мнѣ всю силу различія между нашимъ Православнымъ и Римскимъ ученіемъ.

Третія мысль касалась извѣстнаго мѣста въ Пророкѣ Исаіи, гдѣ говорится о семи дарахъ Святаго Духа:

«И изыдетъ жезлъ изъ корене Иессеова, и цвѣтъ отъ корене его взыдетъ: и почиетъ на немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія. Исполнить Его Духъ страха Божія.» *Исаи* гл. XI, 1 — 3. Въ этомъ исчисленіи дары Св. Духа у Пророка Исаи поставлены такъ, какъ они Св. Духомъ сообщаются. Дѣйствіе Духа Божія начинается съ премудрости, съ разума, переходитъ въ волю, въ совѣтъ и крѣпость, потомъ соединяетъ вѣдѣніе и благочестіе, и наконецъ вся эта дѣйствіца на вершинѣ своей замыкается тѣмъ трепетомъ, какъ высшимъ чувствомъ, которое ощущаетъ уже весь человѣкъ, приближаясь къ Богу. Сего трепета не чужды самые Ангелы, по словамъ покаяннаго канона Церкви. (Его же трепещутъ Херувими и Серафими) (*). Такъ къ принятію даровъ Св. Духа призываетъ вѣрующихъ и сама Церковь, возглашая въ навечеріи на Богоявленіе: «Гласъ Господень на водахъ вопіетъ глаголя: пріидите, пріимите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божія, явшагося Христа.»

Вотъ тѣ три духовные дара, которые я вынесъ изъ назидательныхъ бесѣдъ съ Преосвященнымъ Иринеємъ.

Обозрѣніе древнихъ памятниковъ самаго города Вологды мы начали съ *Ө. Н. Fortunatovымъ* со Всеградской церкви Спаса - Обыденнаго — и тѣмъ соблюли обычай всякаго истинно православнаго Вологжанина, который не начнетъ никакого дѣла, не испросивъ прежде благословенія Божія въ этой самой церкви. Вотъ по какому случаю она была построена и названа обыденною. Въ 1655 году, при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, моровое повѣтріе, свирѣцествовавшее въ Россіи три года, было занесено и въ Вологду. Жители города рѣшились единодушно однимъ днемъ построить во имя Всемиловитаго Спаса деревянный храмъ, и начали рубить его въ ночи на 18-е Октября, и срубили за два

(*) Сюда же относятся и слова перваго запрещенія, возглашаемаго въ молитвахъ при крещеніи (Его же трепещутъ Ангели, Архангели, престолы, господства, начала, власти, силы, многоочитіи херувими и шестократіи серафими).

часа до свѣта, а святить начали въ пятомъ часу дня такъ, что въ сутки могли совершить въ храмъ и всѣ тѣ божественныя службы, которыя въ теченіи сутокъ совершаются. Эти подробности замѣчательны. Стало быть обыденное построеніе храма не заключалось только въ томъ, чтобы сложить стѣны, но заключало въ себѣ и внутреннее построеніе храма, относящееся къ его освященію и богослуженію въ немъ. Моровое повѣтріе вскорѣ послѣ того прекратилось. Съ той поры церковь слыветъ Всеградской. Ежедневно прибѣгаютъ къ ней богомольцы. Но въ воскресные и праздничные дни она всегда полна народомъ. Деревянная церковь давно замѣнена каменною, которой построеніе началось еще въ 1691 году. Но и съ тѣхъ поръ, конечно, не разъ она подновлялась. Нѣтъ уже ничего древняго, кромѣ чудотворной иконы Спаса и еще нѣкоторыхъ иконъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ я замѣтилъ образъ, который въ 1715 году писалъ Лаврентій Григорьевъ сынъ Туфановъ. Въ Вологдѣ и по всей Вологодской губерніи вы находите множество образовъ, писанныхъ художниками, которыхъ имена обозначены на образахъ, равно и такія иконы, которыя были внесены вкладомъ въ храмы отъ горожанъ, посадскихъ или другихъ людей, съ надписями, отъ кого именно, кѣмъ и когда писаны.

Въ церкви Усѣкновенія Іоанна Предтечи древность сохраняется просвѣщеннымъ Протоіереемъ и Законоучителемъ Гимназіи П. В. Васильевскимъ. Не могу не радоваться, когда между духовными встрѣчаю лица, благоговѣющія къ нашей святынѣ въ ея древнемъ образѣ. Церковь эта обильна древними иконами и замѣчательна алтарнымъ иконостасомъ. Плащаница писана Катинымъ, не безъ религіознаго вдохновенія: въ образѣ умершаго Іисуса Хріста видна благочестивая дума живописца. Эта церковь есть вмѣстѣ и приходская Гимназіи. Въ ней хранится икона, которою Преосвященный Иннокентій, нынѣ Архіепископъ Херсонскій, благословилъ училище. На ней изображены всѣ Вологодскіе Чудотворцы. До сихъ поръ память Преосвященнаго Иннокентія живо и свято хранится въ наставникахъ и ученикахъ Гимназіи. Видно, что слово духовнаго сѣятеля пало здѣсь не на

каменистую почву. Въ праздничные и воскресные дни, во время причастнаго стиха, постоянно читаются его проповѣди въ гимназической церкви. Этимъ чтеніемъ замѣняется теперь живое слово дѣятельнаго Архипастыря, который такъ неутомимо назидаль свѣтское училище. Памятно особенно то прощальное его слово, которое онъ заключилъ желаніемъ, чтобы Слово Божіе, постоянно оживляя духъ училища, вело внимающихъ ему путемъ истины туда, гдѣ не будетъ болѣе ни учителей, ни учениковъ. Крестъ драгоценный съ мощами составляетъ древнѣйшую святыню сего храма. Не могу не замѣтить также образа Святителя Митрофана, который написанъ учениками Гимназіи.

Церковь Усѣкновенія главы Предтечи соединена съ памятью Іоанна Грознаго, который три раза былъ въ Вологдѣ. Она основана въ память дня его Ангела. Другая церковь во имя Св. Феодора Стратилата напоминаетъ также объ немъ. Онъ нерѣдко строилъ храмы сему Святому, который былъ Ангеломъ сына его, Феодора. Въ сей послѣдней церкви уже мало древняго, и живопись поновлена.

Близъ этой церкви находится домъ, соединяющій въ себѣ устья преданія о пребываніи на этомъ мѣстѣ Іоанна Грознаго и Петра Великаго. Домъ принадлежитъ какому-то мѣщанину. Не знаю, почему къ глубокимъ подваламъ нижняго этажа присоединяется въ преданіяхъ воспоминаніе о Грозномъ. При немъ же устроено вдоль теченія рѣки Вологды, близъ соборнаго храма, огромное подземное зданіе, которое назначено было, какъ думаютъ, для царскаго казнохранилища. Подозрительный Іоаннъ любилъ тайники и подземелья. Не мудрено, что народъ приписываетъ ихъ Іоанну. Нижний этажъ каменный, 1704-мъ годомъ и гербомъ, напоминаетъ Петра Великаго. Верхній деревянный этажъ надстроенъ вновь.

Память Грознаго въ Вологдѣ соединена еще съ однимъ изустнымъ преданіемъ, которое рассказываетъ особенно въ Грязовцѣ, не весьма благоволящемъ къ ея жителямъ. Когда Іоаннъ былъ въ Вологдѣ, тогда будто бы Вологжане привели ему въ даръ жеребенка съ серебряными подковами. Іоаннъ остался недоволенъ подаркомъ и сказалъ: это не

жеребенокъ, а теленокъ, и велѣлъ Вологжанамъ съѣсть его. Вологжане, когда ѣли, то все сомнѣвались: въ самомъ дѣлѣ не теленокъ ли?—Но когда доѣли до подковъ, тогда только узнали, что въ самомъ дѣлѣ то былъ жеребенокъ. Сатирической анекдотъ объясняетъ пословицу: «*Вологжане телятники, жеребенка съ подковами съѣли.*»—Такъ въ Грязовцѣ подшучиваютъ надъ Вологжанами, которые въ свою очередь мстятъ ему тоже пословицей: «*пьяница Грязовица: семь кабаковъ, одна церковь.*» Въ этихъ колкихъ шуткахъ какъ бы отзываются древнія распри нашихъ городовъ, еще напоминающія время удѣловъ.

Проѣзжая по мосту рѣку Вологду, издали видѣлъ я часовню, которая, какъ говорятъ, воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ останавливались св. мощи Филиппа Митрополита, коимъ сопутствовалъ будущій Патріархъ, тогда Митрополитъ Новгородскій Никонъ.

На другомъ краю города, довольно обширнаго и разбросаннаго, какъ всѣ наши древніе города, находится древняя церковь во имя Свв. Елены и Константина. Спутникъ мой и руководитель съ особенною любовью говорилъ объ этой церкви, съ которою соединены всѣ его дѣтскія воспоминанія, какъ съ приходскою церковью его дома. Взшедъ въ нее и разсмотрѣвъ ея иконы, я понялъ, какимъ образомъ могла она воспитать въ человѣкѣ образованномъ чувство любви и благоговѣнія къ древней нашей святынѣ. Сюда не проникъ духъ подновленія. Бѣдность храма и причета оградила неприкосновенностію ея заветныя иконы. Серебро и золото не закрыли ихъ святолѣпныхъ ликовъ. Здѣсь все вѣетъ духомъ нетронутой древности. Иконостасъ чрезвычайно примѣчательнъ. Кромѣ того, много другихъ иконъ. Въ нижней церкви есть такія, которыя не на мѣстахъ своихъ. Иныя съ надписями. Вотъ для примѣра: «Изволениемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа написался сей святой образъ по обѣщанію Вологодскихъ посацкихъ людей Кошневыхъ. Писалъ иконописецъ Иванъ Григорьевъ 1710 г.» Образъ представляетъ распятіе Иисуса Христа. Помню икону, на которой вмѣстѣ изображены Пр. Игнатій, Александръ Свирскій, Дмитрій Прилуцкій,

Сергіи Радонежскій, и другіе Святые. Въ сей - то сокровищницѣ древняго иконописанія поразила меня превосходная икона Св. Феодора Стратилата, которой изображеніе прилагаю. Оно близко и вѣрно сдѣлано. Величавый ликъ воина носитъ на себѣ слѣды древняго, но живаго искусства, и обнаруживаетъ кисть мастера, разумѣваго святое дѣло иконописанія. Это величіе соединено здѣсь съ необыкновенною легкостью и граціею.

Въ церкви Архангела Гавріила живопись поновляется. Недалеко отъ нея, на полѣ, виденъ голубецъ. Съ этимъ мѣстомъ соединено преданіе о бѣлоризцахъ. Вологду осаждали Поляки. Ночью явились два челоуѣка въ бѣлыхъ ризахъ, напали на враговъ, побили ихъ множество, а другихъ принудили къ отступленію. Стражи видѣли со стѣнъ подвигъ неизвѣстныхъ воиновъ и на другой день объявили о томъ жителямъ Вологды, которые, желая узнать своихъ избавителей, искали ихъ повсюду и нашли ихъ мертвыхъ, подъ сосною, недалеко отъ города. По бѣлымъ одеждамъ они названы бѣлоризцами и погребены на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ найдены убитыми. Преданіе объ нихъ до сихъ поръ живетъ въ устахъ народа. На этомъ же мѣстѣ устроены были Убогіе дома для погребенія несчастно умершихъ. Мѣста, прославленныя чудесами избавляющей силы Божіей, ознаменовывались у насъ всегда памятниками хрістіанскаго милосердія.

Наконецъ вотъ тотъ храмъ, котораго основаніе современно началу Вологды и отъ котораго ведетъ она свое семисотлѣтіе. Это церковь во имя Пресвятыя Троицы и Герасима Угодника Божія, мощи котораго здѣсь и почиваютъ. Она находится недалеко отъ рѣки Вологды. Сюда пришелъ Преподобный Герасимъ изъ Кіева, или съ Кіевскихъ горъ, какъ сказано въ житіи его, 19-го Августа 1147 года, на память Св. Андрея Стратилата. Здѣсь нашель онъ небольшое селеніе и малый торжокъ на Лѣнцовой площадкѣ. Здѣсь была первая земля, которую приобрѣлъ онъ для церкви Божіей и для монастыря. Въ житіи рассказываетъ, что онъ имѣлъ споръ съ купцомъ Пятъшевымъ о небольшомъ участкѣ земли. Домъ, стоящій напротивъ церкви,

дѣйствительно принадлежалъ купцамъ Пятъшевымъ, изъ которыхъ послѣдній по мужескому колѣну умеръ въ 1843 году. Вотъ одно изъ многихъ доказательствъ тому, какъ сохраняются у насъ роды. Преданіе прибавляетъ, что Преподобный Герасимъ предсказалъ Пятъшеву, что родъ его будетъ ни богатъ, ни бѣденъ. Предсказаніе въ самомъ дѣлѣ сбылось. Церковь убрана пышно благочестіемъ жителей, ревнующихъ къ славѣ почивающаго въ ней основателя Вологды. Надъ гробницею, подъ балдахиномъ, есть икона, изображающая Преп. Герасима и Андрея Стратилата, съ надписью о самомъ событіи и съ молитвою къ Угоднику Божію. Икона писана въ 1713 году, по обѣщанію Вологодскаго посадскаго человѣка Евтухія Оедорова; писали изуграфы Иванъ Никифоровъ да Михайло Васильевъ.

Церковь наша давала духовную основу и крѣпость городамъ. И теперь у Вологды три такихъ духовныхъ ограды: съ сѣверозапада храмъ Пресв. Троицы, съ мощами Преп. Герасима, гдѣ былъ монастырь его; съ сѣвера обитель Спасо-Прилуцкая съ мощами Свв. Димитрія и Игнатія; съ юга монастырь Духовъ съ гробницами Свв. Іоасафа и Галактіона. Я не имѣлъ времени посѣтить сей послѣдній. Галактіонъ былъ сынъ Ивана Бѣльскаго; послѣ казни отца, семи лѣтъ укрытъ у родственниковъ въ Старицѣ; перемѣнивъ прозваніе, онъ пришелъ въ Вологду, учился сапожному мастерству, жилъ потомъ своимъ домомъ, овдовѣлъ, выпросилъ у гражданъ земли, построилъ келью и послѣ монастырь, а убитъ Литовцами, во время нападенія ихъ на Вологду.

Сожалѣю, что время не позволило мнѣ долѣе пробыть въ городѣ, освященномъ многими древними воспоминаніями. Послѣ двухъ-дневнаго пребыванія, я оставилъ Вологду, съ чувствами особенной благодарности къ почтеннымъ ея ученымъ, гостепріимство и бесѣды которыхъ будутъ для меня всегда памятны. Не могу забыть также радушнаго угощенія и привѣта Н. С. С., который любитъ и уважаетъ свой родной городъ.

ДОРОГА ИЗЪ ВОЛОГДЫ ВЪ КИРИЛОВЪ.

Прилуцкіе калачи.—Пѣсни извозчика.—Выговоръ.—Сѣла по дорогѣ.—Озеро Кубенское.—Село Кубенское.—Его храмы.—Сосуды и иконы въ храмахъ.—Видъ съ колокольни.—Кубена и Сухона.—Ловля рыбы въ озерѣ.—Промыслы Кубенцевъ.—Повѣрка показній Блазіуса.—Обычай.—Женскій головной уборъ.—Село Новленское.—Вопросы и отвѣты.—Коньтово.—Преданіе объ Угодникахъ.—Мѣстность и растительность по дорогѣ въ Кириловъ.—Видъ на монастырь издали.—Тогда богомольцевъ.

Проѣзжая мимо села Прилукъ, прилегающаго къ монастырю Св. Дмитрія, не лзя было не купить калачей, извѣстныхъ въ народѣ подъ именемъ калачей Дмитрія Прилуцкаго. Конечно, постный ихъ видъ и вкусъ дали имъ право на такое названіе.

Извозчикъ, который насъ везъ до села Кубенскаго, спѣлъ дорѳгой двѣ пѣсни. Въ одной изъ нихъ, относящейся къ семилѣтней войнѣ, главную ролю игралъ Король Прусскій, потерявшій свою армію. Другая начиналась красивымъ описаніемъ зимы; родники и ключи замерзли; съ деревьевъ облетѣли листья; пташки перестали пѣть, и соловей, вмѣсто роши, поетъ уже въ трактирной клѣткѣ, а дѣвушка поручаетъ *разпремилому* соловью въ трактирѣ милаго городка Питера сказать слово ея милому, который гуляетъ по городу и забылъ про нее. Дорѳгой, въ разговорахъ съ ямщикомъ я повѣрялъ особенныя слова Вологодскаго уѣзда, напечатанныя въ описаніи Вологодской губерніи Г. Пушкирева. Всѣ эти слова оказались вѣрными. Замѣчательно, что селитра здѣсь до сихъ поръ называется *емчуга*, откуда и объясняется ямчужное дѣло, часто встрѣчающееся въ древнихъ актахъ. Южнорусское *и* вмѣсто *ь* здѣсь замѣтно. «Въ селѣ Кубенскомъ *ричь* другая,» сказалъ мнѣ извозчикъ.

На разстояніи 27 верстъ отъ Вологды до села Кубенскаго, вы видите по дорогѣ, въ разныхъ обителяхъ, пустыняхъ и сѣлахъ, 17 церквей, которыя со всѣхъ сторонъ поднимаются къ небу. Еще издали завидѣли мы озеро Кубенское, которое въ длину простирается отъ 60 до 70 верстъ, въ ширину отъ 8-ми до 12-ти. Къ нему примыкаетъ село Кубенское, такъ названное по имени озера. Въ Исторіи XVI вѣка упоминаются съ 1500 года Князья Кубенскіе. Село принадлежало прежде Салтыковымъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ его Окольному Боярину Михаилу Михайловичу Салтыкову, отъ котораго перешло оно къ сыну его, Петру Михайловичу. Называлось оно прежде Ильинскимъ по храму Ильи Пророка, который и теперь существуетъ, но древностію уступаетъ храму пресвятыя Троицы.

Добрый семидесятилѣтній старецъ, Протоіерей Стефанъ Ивановичъ Жириевъ, теперь живущій на покой, принялъ меня со всѣмъ радушіемъ истинно-Русскаго гостеприимства. Семья благословенная. Одинъ изъ сыновей его профессорствуетъ въ Дерптѣ, другой служилъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Священникомъ при церкви зять его, отецъ Александръ, который и показывалъ намъ все примѣчательное по древности въ двухъ храмахъ, холодномъ и тепломъ. Строеніе обѣихъ церквей должно относиться ко временамъ Императрицы Елисаветы Петровны. Но въ ризницѣ есть кадило 1666 года, даръ бояръ Салтыковыхъ. Вотъ надпись, вырѣзанная на немъ вязью и доставленная мнѣ послѣ Н. Г. Лавдовскимъ (*). «Лѣта 7174 августа въ 15 день бояринъ Михайло Михайловичъ да сынъ его бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковы дали всо строение вдерковъ Пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія («это на верхней чашечкѣ кадила») да впределъ Всемиловитаго Спаса Нерукотвореннаго образа

*) Ник. Григ. Лавдовскому, бывшему учителю Русской Словесности во 2-й Московской Гимназій, я обязанъ многими любопытными подробностями о древностяхъ и другихъ примѣчательностяхъ Села Кубенскаго.

кадила серебряное чеканное при священникахъ Иване Оектистове да при Иване Корниліевомъ за Государское здорově Бога молить.» (Это на нижней чашечкѣ кадила). На днѣ кадила по краю приписано: «и насъ въ своихъ молитвахъ не забывать и родители наши поминать.» Эта припись простымъ почеркомъ, а не вязью, и безъ титлъ. Престарѣлый Протоіерей говоритъ, что у нихъ церковь никогда не бывала во имя Успенія, а равно не бывало и придѣла во имя Нерукотвореннаго образа. Стало быть, это кадила попало въ село Кубенское, изъ другой церкви, но какой? — неизвѣстно.

Есть и другіе дары позднѣйшіе изъ того же рода Салтыковыхъ: Евангеліе въ серебряномъ окладѣ въ два слишкомъ пуда, печатанное въ 1759 году, и сосудъ безъ года. Изъ устнаго преданія стариковъ извѣстно, что эти священные вещи привезены были изъ какой-то Московской церкви, вѣроятно, домовоі Графа Салтыкова. 1759 годъ важенъ въ исторіи ихъ рода. Графъ Петръ Семеновичъ, въ 1759 году, одержалъ надъ Фридрихомъ Великимъ побѣду Кунерсдорфскую, за что пожалованъ Генералъ-Фельдмаршаломъ.

Здѣсь весьма чтима народомъ Чудотворная икона Богоматери Неопалимыя Купины. Въ 1696 году была въ с. Кубенскомъ моровая язва: корчило жилы въ челоуѣкѣ и ныли кости. Язва прекратилась, какъ скоро эта икона принесена была (по преданію — влачившимся на колѣняхъ народомъ) изъ Вологды въ с. Кубенское.

Замѣчательна также икона Михаила Архангела со святыми Флоромъ и Лавромъ, Власіемъ и Модестомъ: внизу подводятъ къ нимъ коней и подъѣзжаютъ конные воины въ древнихъ одеждахъ и доспѣхахъ. Она также въ большомъ уваженіи у народа. Есть еще икона Римской Богоматери. На колокольнѣ главный колоколъ литъ въ царствованіе Елисаветы Петровны. Видъ оттуда на озеро прекрасный. Двадцать двѣ каменныхъ церкви возвышаются вокругъ. Видны сѣла Устье и Святая Лука. При первомъ

Кубена впадаетъ въ озеро и даетъ ему имя. При второмъ Сухона вытекаетъ изъ озера.

Не таже ли это Кубена? Взаимное отношеніе этихъ двухъ рѣкъ представляетъ довольно странное явленіе, достойное изслѣдованія натуралистовъ. При истокѣ Сухоны есть переконь, сдѣланная родоначальникомъ Князей Бѣлозерскихъ, Глѣбомъ Васильковичемъ, который, во время плаванія своего изъ Бѣлозерска въ Устюгъ въ 1242 году, выйдя изъ о. Кубенскаго въ Сухону, замѣтилъ, что рѣка дѣлаетъ большію излучину, перешеекъ въ ширину на верженіе камня, и велѣлъ перекопать его. Озеро славится своею нѣлмушкой и сигаами, но красная рыба лучше въ Бѣлѣозерѣ. Кромѣ обыкновенной рыбы, ловится еще сорога, уклей, казарки. Есть особенные термины у рыболововъ Кубенскихъ: *ятво* говорятъ они, когда попадетъ въ неводъ много рыбы; *нѣростъ* значить у нихъ, когда рыба мечетъ икру и трется. Вологодская губернія своими областными словами можетъ доставить большіе матеріалы для словаря Русскаго, въ которомъ захотѣли бы обнять всѣ наши мѣстные нарѣчія. У Г. Лавдовскаго готово уже нѣсколько сотъ такихъ словъ.

По близости озера, а равно и потому, что оно было еще недавно собственностью Кубенцевъ, имъ ближе всего было бы заниматься ловлею рыбы, однако нѣтъ. Кубенцы (и то не многіе) ловятъ только молей ершовыхъ, окуневыхъ, сорожыхъ. Сушеные моли — сушь (что въ Москвѣ называются снятками) продаются свыше рубля сер. за пудъ, а сырые моли по 20 коп. сер. и дешевле. Изъ одного пуда сырыхъ молей насушивается около 7 ф. суща. Хорошую рыбу ловятъ не Кубенцы, а крестьяне другихъ деревень около о. Кубенскаго. Озеро не состоитъ на откупѣ и въ немъ можетъ ловить всякой, безданно — безпошлинно, съ тѣхъ поръ, какъ оно перестало быть собственностью Кубенцевъ. Въ старину, при Царяхъ, собиралась съ озера дань въ казну; а когда оно стало собственностью Салтыковыхъ, то этою данью пользовались Кубенцы. Они, развѣзжая по озеру, дѣлали большія притѣсненія и обиды

ловцамъ, не принадлежавшимъ къ ихъ вотчинѣ, брали тяжкія дани и т. п. Вѣроятно, съ тѣхъ поръ и стали они слѣть у сосѣдей *головоръзами*. Въ царствованіе Императрицы Екатерины, Великій Князь Павелъ Петровичъ, тронутый жалобами на разбойничество Кубенцевъ, ходатайствовалъ передъ Императорскою властью за обижаемыхъ мужиковъ, ловцовъ рыбы на Кубенскомъ озерѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что у Кубенцевъ озеро отнято и сдѣлалось собственностью всѣхъ и каждаго. Рыба ловится больше весною, когда бываетъ ея *пѣрость*.

Кубенцы, кромѣ сельскихъ работъ, занимаются разными промыслами. Есть торговцы, промышленяющіе перевозкою клади изъ Рыбинска въ Петербургъ на своихъ судахъ и по наймамъ; мясники, отправляющіе зимою говядину въ Петербургъ и на разныя ярмонки; торговцы рыбою по Москвѣ — копчеными сельдями, навагой, снятками бѣлозерскими и т. д. О мелкихъ торгашахъ (по тамошнему, *торгованахъ*), разбѣзжающихъ по Вологодской губерніи, нечего и упоминать. Но не одни Кубенцы производятъ это движеніе: крестьяне окрестныхъ деревень на обширное пространство принимаютъ въ томъ же дѣятельное участіе. Промышленный духъ оживляетъ все прибережное населеніе озера.

Оба храма и колокольня села Кубенскаго такъ понравились Блазіусу, что онъ приложилъ рисунокъ ихъ къ своему путешествію. Спасибо ему за вѣрность рисунка съ маленькимъ исключеніемъ, что рѣшетка перенесена имъ на другую сторону. Изъ любопытства я на мѣстѣ повѣрялъ нѣкоторыя показанія Блазіуса, черезъ распросы у туземцевъ. «Принадлежало ли когда ваше село помѣщицѣ Яковлевой?» — Никогда, принадлежало помѣщицѣ Ярославовой, а теперь мы за Графомъ А. О. Орловымъ и его племянниками. — «Занимаются ли здѣшніе крестьяне рыбной ловлей въ здѣшнемъ же озерѣ и возятъ ли ее на продажу?» — Они торгуютъ рыбой, но не изъ озера, а возятъ навагу и копченныя сельди, которыя ловятся не здѣсь. — «А разводять ли у васъ по огородамъ салатъ?» — Кубенцы засмѣялись;

салату они и въ глаза не видали, а пѣмецъ видно не могъ не навязать салата Русскому селенію, которое ему полюбились. Едва ли возможно для него безъ салату существованіе челоуѣка, сколько нибудь образованнаго. — «Ну а воздѣлываются ли у васъ яблони?» — Воздѣлываются, не воздѣлываются, а родятся яблоки, какъ ихъ Богъ растить. — Распросы происходили на колокольнѣ. — «Ну а на колокольнѣ у васъ, говорятъ, 20 колоколовъ. Гдѣжь они?» — Нѣтъ, батюшка, неправда, пересчитайте! — Такъ невѣренъ Блазіусъ въ подробностяхъ описаній: что же въ пѣломъ?

Есть въ селѣ примѣчательный обычай. Когда Кубенцы соберутся косить или жать, то, имѣя нужду въ работникахъ или работницахъ, наканунѣ торговаго дня съ вечера ударяютъ нѣсколько разъ въ большой колоколъ на колокольнѣ Ильинской церкви. Окрестные жители, по этому благовѣсту, немедленно являются на площадь посреди села, передъ церковью, и тутъ нанимаются въ работу у Кубенцевъ.

Женскій нарядъ въ селѣ Кубенскомъ имѣетъ мѣстную особенность. Зимой, женщины носятъ на головѣ *чебакъ* съ ушками, шитый золотомъ и серебромъ по шелку или бархату. Приложенный рисунокъ дастъ понятіе объ этомъ нарядѣ. Весь чебакъ опушенъ собольимъ мѣхомъ. Сзади банты изъ лентъ. Лѣтомъ же, а у кого нѣтъ чебака, и зимою, носятъ *сборнички*. Это родъ повойника. Чебакъ надѣваютъ надъ фатою, а сборничекъ подъ фатою. Женское платье — сарафаны и сушуны. Сажѣнкою называется родъ нарукавниковъ. Безъ сборничка не ходятъ къ Божіей церкви. Есть даже старинная пословица: *«безъ сборничка не хорошо передъ образа встать.»* «Прежде», говорила мнѣ старуха, «безъ волосничка не лзя было и на работу выйти. Свекоръ, бывало, забранить.» Теперь уже не то. Пошли другіе нравы. Вотъ еще примѣчательный сельскій обычай. Передамъ его словами старушки и подражая ея выговору: «Когда коровонька первичка принесетъ, около рожковъ бѣленькую тасемочку обовьютъ и говорятъ: ты теперь маманька.» — При расчетъ старушка сказала: «шо, мой доброхотъ, самъ

положишь за всю *сколоту*.» Подъ именемъ сколоты разубѣются всѣ хлопоты хозяйки. Вотъ и еще слово изъ Несторовой лѣтописи въ устахъ народныхъ: яко бѣ Давидова сколота, т. е. смута.

Дорога отъ села Кубенскаго къ селу Нѣвленскому идетъ въ виду у озера, по которому рѣяли бѣлокрылыя лодки. Только издали могъ я видѣть Спасокаменный островъ. Въ селѣ Нѣвленскомъ много старообрядцевъ. Мы остановились въ домѣ не расколыническомъ, но у православнаго крестьянина, и здѣсь нашли вопросы и отвѣты, занесенные, вѣроятно, съ Поморья хозяиномъ, который съ рыбою далеко отправляется въ сѣверные края и котораго тогда не было дома. Съ грустью прочелъ я эти вопросы и отвѣты, писанные четко самымъ грубымъ и дикимъ варварствомъ и нечестиво названные бесѣдою тріехъ Святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Что, кромѣ невѣжества и нечестія, почерпнетъ крестьянинъ въ этомъ писаніи, которое выставилъ въ избѣ своей, почти у св. образовъ, и постоянно держитъ передъ собою?

«Вопросъ. Кому первая грамота дана отъ Христа? Отвѣтъ. Каіафѣ Апостолу!!...» «Что есть попъ непоставленъ, дякоушъ отменникъ?» и прочее, что и писать страшно. — Какая грубость въ этой загадкѣ: что есть валъ корову родилъ? Адамъ родилъ себѣ жену Еву. — Какая дикость въ этомъ понятіи о Церкви: Что есть камень, прибѣжище зайцемъ? Камень церковь, а зайцы людіе. — Что за понятіе о лицѣ Божіемъ? Лице Божіе свѣща горитъ передъ образомъ Божіимъ. — Что за познанія въ анатоміи! «Много ли въ чловѣкѣ костей? 245. Много ли въ чловѣкѣ жилъ? 365.» Не привожу другихъ грубѣйшихъ загадокъ, которыя привести больно. Съ стѣсненнымъ сердцемъ я записалъ все это. Вотъ до какихъ дикихъ понятій доходитъ Русскій простолюдинъ, какъ впрочемъ и всякой Русской въ противную сторону, удаляясь отъ чистаго и высокаго ученія Православной нашей Церкви!

Грустна была хозяйка въ своемъ одиночествѣ. Безъ слезъ не могла она говорить объ мужѣ и сынѣ, которые

въ извозѣ. При ней было еще какое-то существо въ женскомъ платьѣ, которое прислуживало, — по всей вѣроятности, питомица здѣшняго раскола, что-то безобразное, тупое, безсмысленное. Жители цавокаютъ здѣсь очень сильно. Вольноотпущенный, крестьянинъ Гладинъ, исполнитель канала Бѣлозерскаго или, какъ народъ выражается, канавы Бѣлозерской, изъ села Нѡвленскаго. Вотъ пріятнѣйшее, что я здѣсь узналъ.

Отъ Вологды до Кирилова считаютъ 120 верстъ. Въ деревушкѣ Копытовѣ, послѣдней станціи до Кирилова, я спросилъ у хозяйки дома: рассказываютъ ли у нихъ что нибудь объ Угодникахъ Бѣлозерскихъ? — «Рассказываютъ, отвѣчала она, что они другъ дружкѣ топорики подавали цасовинки строить. И Кириллъ Бѣлозерскій, и Кириллъ Новоезерскій, и Нилъ Сорскій, всѣ однимъ топорикомъ строили.» Избы здѣсь отличаются особымъ устройствомъ. Подъ печными полатами все мѣсто пустое: оно соединяется со всѣмъ нижнимъ этажемъ, въ которомъ держать съѣстные припасы, скотину, и мелютъ муку зимою. Вся эта часть избы называется *голубцомъ*.

Чѣмъ ближе къ Кирилову, тѣмъ болѣе и болѣе оживляется дорога. Поднимаются горы, пригорки съ группами деревьевъ, съ избушками, съ вѣтреными мѣльницами. Озеръ, большихъ и малыхъ, безчисленное множество. Рѣки протекаютъ черезъ нихъ и связываютъ ихъ между собою; иногда же каналы. Припомню названія нѣкоторыхъ озеръ, удержавшіяся въ памяти: Никольское, Мелиховское, Вазерниковское, Кинешское, Перхинское. Изъ рѣкъ примѣчательна именемъ Славянка. Все это отпрыски той великой водной сѣверной системы, которой мѣсто здѣсь. Растительность чрезвычайно какъ оживлена этою водою. *Черемха*, ольха, вязъ, малина, шиповникъ или по здѣшнему *шипшиникъ*, смородина, *багула* или *багульникъ*, этотъ пушистый цвѣтъ, растущій кустомъ на высокомъ стеблѣ и издающій запахъ, подобный запаху цвѣта черемухи, — все это мѣшается очень живописно по берегамъ озеръ и по непрерывнымъ пригоркамъ, между которыми вьется неровная дорога.

Но вотъ вдали, еще версть за пять, забѣлѣли башни и стѣны монастыря Кириллова, и какъ бѣлые исполины, все растутъ выше и выше передъ вами, по мѣрѣ того, какъ вы къ нимъ приближаетесь. А тамъ, въ сторонѣ, поднялась, высоко надъ всею окрестностью, гора Маурина или Маура, гдѣ остановился Преподобный Кирилль, когда съ нея увидѣлъ мѣсто, указанное ему въ видѣніи Божіею Матерью для будущей обители.

Передъ самымъ городомъ Кириловымъ находится по-клонная гора, гдѣ останавливаются пѣшіе богомольцы и кланяются Угоднику обители. Толпа странниковъ молилась на ней въ то время, какъ мы подъзжали. Ихъ всегда здѣсь много, потому что Кирилловъ монастырь лежитъ на пути къ великому богомолью Русскаго народа, къ Соловкамъ, и не обойдетъ Бѣлозерскаго Угодника ни одинъ странникъ-богомалець.

КИРИЛЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Жизнь и посланія Угодника.

Городъ Кирилловъ. — Видъ монастыря вблизи. — Вѣншій дворъ. — Внутренній. — Архимандритъ О. Евремъ. — Мощи Преп. Кирилла Блговерскаго. — Житіе Сватаго; время сочиненія. — Семейная жизнь Кирилла. — Постриженіе. — Послушаніе. — Бесѣды съ Препод. Сергіемъ. — Слава его. — Юродство. — Священникъ. — Архимандритъ. — Отреченіе отъ сего сава. — Безмолвіе. — Молитва о пѣстыни. — Голосъ и видѣніе. — Беседа съ Оерапонтомъ Блгозерцемъ. — Страствіе. — Находить мѣсто обители. — Первые труды. — Борьба съ прещатствіями. — Основаніе обители. — Строеніе церкви. — Правила Устава. — Жизнь К. среди братіи. — Отношенія къ Князю Андрею Дмитр. Можайскому. — Кончина Преподобнаго. — Посланія Преп. Кирилла къ Князьямъ: Василію, Андрею и Георгію Дмитріевичамъ.

Прежде чѣмъ подъѣхать къ монастырю, вы проѣзжаете черезъ городъ Кирилловъ. Въ 1775 году, Іюля 25, Губернаторъ, а впослѣдствіи Намѣстникъ Новгородскій, Яковъ Евв. Сиверсъ, весьма любимый вѣренными ему городами Начальникъ, праздновалъ день своего рожденія въ Кирилловѣ монастырѣ и заблагоразсудилъ здѣсь основать городъ. По плану 1777 года, въ этомъ городѣ предполагалось 4 площади и 40 улицъ. Прошелъ съ тѣхъ поръ 71 годъ; предположеніе не сбылось: нѣтъ ни одной порядочной площади, а улицы, и одной видной, не лзя бы было составить изъ 4-хъ или 5-ти существующихъ, потому что все домики деревянные, плохіе, каменныхъ же всего 7, но и то въ описаніи у Г. Пушкарева, а на дѣлѣ едва ли не менѣе. Ряды передъ монастыремъ, въ которыхъ помѣщается гостиный дворъ города Кирилова, похожи на тѣ деревянные прилавки, что строятся въ уѣздныхъ или сельскихъ ярмонкахъ для кочующихъ торговцевъ. Новый Губернаторъ, дѣятельно осматривавшій въ то время свою губернію, желалъ устроить эти ряды въ стѣнахъ первой монастырской ограды.

За этимъ незначительнымъ городомъ возвышается великолѣпный монастырь, имѣющій 740 сажень въ окружности, обнесенный съ востока, сѣвера и запада стѣною въ 16 аршинъ вышины, съ юга омытый озеромъ Сиверскимъ и огражденный стѣною вышины въ 9 аршинъ, съ своими 12-ю огромными башнями по бокамъ и съ 11-ю благолѣпными храмами внутри, монастырь и государственная твердыня во времена древнія, носящая еще слѣды ранъ отъ Литвы и Польши. Когда въѣзжаете вы въ первые ворота, вамъ открывается огромный дворъ или поле съ двухъ сторонъ, засѣянное хлѣбомъ и окруженное стѣнами, въ которыхъ видны еще мѣста прежнихъ 700 келлій. Въ нижнемъ этажѣ стѣнъ устроены соляные анбары, которые стерегутся солдатами. За тѣмъ слѣдуютъ другіе святыя ворота, украшенные живописью, изображающею событія изъ жизни Угодника. Здѣсь еще огромнѣе пространство открывается передъ вами. Оно занято храмами, колокольнями, зданіями, жилыми и запасными, садами, огородами, сѣнокосомъ; рѣчка Сяга или Свирыга, какъ ее называютъ въ монастырѣ, протекаетъ по всему этому пространству, выбѣгая изъ затворовъ монастырскихъ въ прилегающее къ нимъ Сиверское озеро.

Мы остановились въ кельяхъ весьма опрятныхъ, вдѣланныхъ въ южную ограду монастыря со стороны озера. Архимандритъ Ефремъ, бывшій прежде казначеемъ въ Московскомъ Симоновѣ монастырѣ, принялъ насъ весьма радушно. Въ первой бесѣдѣ съ нимъ, рассказывая ему о пути, мною совершенномъ, я узналъ отъ него, что онъ самъ былъ въ Прилукахъ съ сокровищами Симонова монастыря. «Везли на двухъ стахъ подводахъ; тутъ былъ весь жемчугъ, все золото, все серебро священное Москвы. А кто ихъ хранилъ? Два старыхъ инвалида, да по монаху при каждой изъ сокровищницъ. Все это лежало въ соборной церкви Прилуцкой, и мы жили въ монастырѣ, а вотъ теперъ Богъ привелъ кончать свой вѣкъ въ Кирилловѣ.»

Послѣ того какъ представился я теперешнему хозяину обители, первую мысль моею было поклониться петлѣннымъ

останкамъ вѣчнаго ея Хозяина, Преподобнаго Кирилла. Моши его почиваютъ подъ спудомъ въ стѣнѣ, между соборною церковью Успенія, и придѣломъ во имя Преподобнаго, въ ракъ, дарованной Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Изъ келлій Архимандрита, я проходилъ мимо садовъ, засаженныхъ столѣтними кедрами, по мощенному двору. Плиты двора привлекали меня своими надписями или обрывками надписей. Монастырь Кирилловъ послужилъ, какъ мѣстомъ временнаго убѣжища, такъ и мѣстомъ вѣчнаго успокоенія, для столь многихъ славныхъ родовъ древней Руси. Это, конечно, память тѣхъ могилъ, которыми удобрена земля обители. Съ благоговѣніемъ палъ я передъ тѣломъ мужа святаго и передъ иконою Богоматери Одигитріи, которая сопутствовала Преподобному сюда въ 1397 году и теперь освящаетъ соборную церковь обители. Сбывалось мое давнишнее желаніе, которое питалъ я съ тѣхъ поръ, какъ ознакомился съ жизнію и посланіями Св. Кирилла.

Здѣсь время теперь вспомнить эту жизнь и эти посланія на самомъ мѣстѣ его святой, трудолюбивой дѣятельности, прежде чѣмъ осмотрѣть его обитель и всѣ ея сокровища.

Житіе Кирилла написано было Святогорскимъ Иеромонахомъ Пахоміемъ, при Великомъ Князѣ Василиѣ Василевичѣ Темномъ и при Ѳеодосіи Митрополитѣ, которые сами приказали Пахомію отправиться въ обитель, чтобы узнать на мѣстѣ о чудесахъ Святаго. Житіе это составлено было при Игуменѣ Кассіанѣ, который, черезъ 16 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ по смерти Кирилла, началъ править монастыремъ и правилъ имъ 22 года. Кассіанъ самъ, какъ очевидецъ, многое сообщилъ Пахомію о Святомъ. Кромѣ Кассіана, Пахомій нашелъ въ монастырѣ и другихъ учениковъ Преподобнаго, которые въ жизни своей подражали своему учителю. Они много бесѣдовали съ Пахоміемъ о житіи и чудесахъ Кирилловыхъ, особенно же Мартиніанъ, который съ самаго молодого возраста жилъ при Св. Кириллѣ и подробно зналъ объ немъ. Всѣ эти свидѣтельства, приводимыя жизнеописателемъ, ручаются за достовѣрность его сказаній

и объясняютъ намъ способъ, какимъ въ древности составлялись житія Русскихъ Угодниковъ Божіихъ.

Въ Москвѣ, въ 1337 году, отъ благочестивыхъ родителей родился мальчикъ Кузьма. Въ домѣ родительскомъ навѣкъ онъ божественному Писанію, и росъ въ чистотѣ и просвѣщенномъ разумѣ, отъ всѣхъ любимъ и почитаемъ. Рано скончались его родители и поручили Кузьму, еще отрока, сроднику своему Тимоѳею, который былъ Окольнымъ у Великаго Князя Дмитрія и между вельможами отличался честію и богатствомъ. По смерти родителей, рано почувствовалъ Кириллъ призваніе облечься въ иноческую одежду, какъ многіе благородные юноши того времени; но никто не смѣлъ возложить на него руку, потому что игумены монастырей боялись вельможи Тимоѳея. Кузьма прилежалъ къ церкви Божіей. Тимоѳею любилъ Кузьму за его добрыя свойства. Когда Кузьма сталъ уже мужемъ совершеннымъ, тогда только сподобилъ его Тимоѳею сидѣть на трапезѣ съ собою, а потомъ и назначилъ его казначею къ своему имѣнію. Но у Кузьмы одно было на умѣ: какъ бы сдѣлаться инокомъ. Воспламененный любовью къ Богу, много печалился онъ о томъ; но никому не смѣлъ открыть своей тайны. Ходилъ по окрестнымъ монастырямъ, но понапрасну. Между тѣмъ и въ мірской одеждѣ, онъ совершалъ дѣла иноческія: постъ, молитва, милостыня, прилежаніе къ церкви Божіей, тѣлесная чистота и незлобіе, украшали его. Такими дѣлами былъ онъ уже инокъ, и безъ иноческой одежды. Но вотъ Богъ помогаетъ исполниться и его желанію. Приходить въ Москву Игуменъ Махрищскій, Стефанъ, мужъ въ то время всѣмъ извѣстный *великимъ* своимъ житіемъ. Кузьма, давно уже выжидавшій его прихода, лишь только узналъ о томъ, какъ съ радостію бѣжить къ нему, припадаетъ къ ногамъ его, плачетъ, выражаетъ ему мысль свою и молить возложить на него иноческій образъ. Стефанъ, видя усердіе и плачь Кузьмы, велѣлъ ему перестать плакать, и сказалъ: какъ угодно Богу, такъ и будетъ, а между тѣмъ самъ думалъ о томъ, какъ бы сдѣлать его инокомъ: сказать Ти-

моёю, онъ не допустить; молить его, онъ и того не послушаетъ. Стефанъ рѣшился просто возложить на него, хотя еще не совершенно, иноческое одѣяніе, и назвать его Кирилломъ, а прочее предоставилъ волѣ Божіей. Сдѣлавъ такъ, приходитъ онъ къ Тимоёю, въ самый полдень, когда тотъ собирался спать послѣ обѣда. Вотъ Стефанъ постучался въ двери. Возвѣстили Тимоёю о приходѣ его, а Тимоёей имѣлъ большую къ нему вѣру. Всталъ Тимоёей, вышелъ къ Игумну, поклонился ему и просилъ благословенія. Стефанъ сказалъ: богомолецъ вашъ Кириллъ благословляетъ. Тимоёей спросилъ: а кто такой Кириллъ? Стефанъ отвѣчалъ: Кузьма, вашъ бывший сродникъ, а теперь инокъ, Господу работникъ и о васъ молещикъ.—Тяжко было это слово Тимоёю: скорби и досады исполнился онъ, наказылъ грубостей Стефану, который отвѣчалъ ему на нихъ словами Христа: «Идѣже аще приѣмлють васъ и послушаютъ, ту пребывайте, а идѣже не приѣмлють васъ, ниже послушаютъ, исходяше оттуду и прахъ ихъ прилѣпшій оттрясите отъ ногъ вашихъ во свидѣтельство имъ»,—и вышелъ, не прибавивъ къ тому ничего.

Услышала это благочестивая и богобоязненная жена Тимоёя, Ирина. Тяжело было для нея Стефаново, а еще болѣе Христово слово, и начала она мужа своего увѣщавать: какъ де могъ онъ оскорбить такого челоуѣка? — и повторяла ему слова Спасителя, произнесенныя Стефаномъ. Тимоёей раскаялся въ словахъ, сказанныхъ имъ Стефану, котораго зналъ за мужа святаго,—и вотъ отправляетъ онъ посланнаго къ нему съ просьбою, чтобы возвратился. Приходитъ Стефанъ, Тимоёей просить у него прощенья, Стефанъ прощаетъ его. Тимоёей объявилъ, что Кузьма, нареченный Кирилломъ, остается на своей волѣ, какъ хочетъ. Стефанъ удалился въ радости, что приобрѣлъ брата, и принесъ эту вѣсть Кириллу, который возвеселился, восхвалилъ Бога, возблагодарилъ Стефана и тотчасъ же все имѣніе свое роздалъ нищимъ, ничего не оставивъ себѣ, даже и для тѣлесныхъ нуждъ своихъ, не помянувъ ни старости, ни продолженія лѣтъ своихъ.

Всѣ эти подробности, переданныя мною совершенно точно изъ Кириллова Житія, взятаго изъ библіотеки М. П. Погодина, переносятъ насъ во внутреннюю домашнюю жизнь благочестиваго Русскаго семейства XIV вѣка, гдѣ патріархальная власть начальника семьи уступаетъ свое право власти духовной. Въ житіяхъ Русскихъ Святыхъ мы находимъ иногда эти подробности внутренней жизни нашихъ предковъ, въ которыхъ отказываютъ намъ лѣтописи.

Послѣдуемъ теперь за Кирилломъ въ его монастырскихъ подвигахъ. Игуменъ Стефанъ ведетъ его въ Симоновъ монастырь, къ Архимандриту Θεодору, который и постригаетъ Кузьму настоящимъ образомъ и даетъ ему тоже имя Кирилла. Въ монастырѣ славился тогда великимъ житіемъ своимъ инокъ Михайль, впоследствии Епископъ Смоленскій. Θεодоръ вручаетъ Кирилла въ ученики Михайлу. Кириллъ ревностно во всемъ подражаетъ старцу: постъ вмѣняетъ въ наслажденіе, въ зимнее время нагота для него теплота. Ревность его простирается до того, что онъ проситъ старца позволить ему ѣсть черезъ два или три дни; но старецъ не позволяетъ ему, а приказываетъ ѣсть хлѣбъ съ братією, только не до сытости. Ночью, когда старецъ читаетъ Псалтирь, Кириллъ кладетъ поклоны. Въ соборѣ, еще до звона колокола, на пѣніе онъ является первый. Ночью, вмѣстѣ съ старцемъ Михайломъ, стоитъ на его обычномъ правилѣ. Въ отсутствіи старца, дьяволъ разными образами соблазняетъ Кирилла, а иногда и при немъ во время правила стучитъ и толкается въ стѣну; но Кириллъ все побѣждаетъ молитвою.

Потомъ Архимандритъ приказываетъ Кириллу изъ кельи Михайла перейти на служеніе въ хлѣбню. Здѣсь Кириллъ носитъ воду, рубить дрова, предлагаетъ братьямъ теплые хлѣбы, а отъ нихъ принимаетъ теплыя молитвы. И здѣсь ночи безъ сна проводитъ на молитвѣ; ѣсть столько, чтобы не быть голоднымъ, а иногда для того, чтобы братья не узнали о его воздержаніи, и пьетъ одну воду.

Святій Сергій, уже бывшій тогда въ великой славѣ, приходилъ иногда въ монастырь Симоновъ, для посѣщенія

племянника своего, Архимандрита Θεодора, и прочей братіи. Но прежде всего заходилъ онъ въ хлѣбню къ Кириллу и проводилъ съ нимъ многіе часы наединѣ, бесѣдуя о пользѣ душевной. Когда Архимандритъ съ братіею выходилъ къ Преподобному Сергію, Сергіи, отдавъ имъ обычное цѣлованіе, оставлялъ ихъ и бесѣдовалъ съ Кирилломъ. Всѣ удивлялись, что Кириллъ удостоился такой славы; но ему тяжки были эти похвалы, и онъ желалъ отъ нихъ укрыться.

Изъ хлѣбни настоятель посылаетъ его въ поварню. Здѣсь, при печномъ огнѣ, Кириллъ размышляетъ объ огнѣ адской муки. Смирненіе его возрастаетъ еще болѣе. Слава не челоуѣка, но Ангела, проходитъ объ немъ по всей братіи. Но онъ, желая уклониться отъ нея, принимаетъ на себя юродство и поступками своими возбуждаетъ смѣхъ и глумленіе. Настоятель налагаетъ на него эпитимьи, сажаетъ его на хлѣбъ и на воду, на сорокъ дней и болѣе, и Кириллъ, по истеченіи срока, впадаетъ въ новое юродство, чтобы понести новое наказаніе. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока настоятель не узналъ настоящей причины его поступковъ.

Вотъ Святой пожелалъ безмолвія и помолился о томъ Богоматери. Архимандритъ велѣлъ ему выйти изъ поварни въ келью, и тамъ писать книги. Потомъ изъ кельи опять охотно онъ перешелъ въ поварню, гдѣ служилъ братіи въ теченіи 9 лѣтъ, и во все это время овечья кожа никогда не бывала на его тѣлѣ.

Наконецъ, сподобился онъ получить и священство, и правилъ недѣлю свою, какъ прочіе священники, а на свободное время отходилъ опять въ поварню. Потомъ въ келліи началъ безмолвствовать. Когда же Архимандритъ Θεодоръ переведенъ былъ на Ростовское Архіепископство, Кириллъ поставленъ былъ на его мѣсто. Труды и подвиги его умножились. Не возгордился онъ новымъ саномъ, старыхъ любилъ какъ братьевъ, юныхъ какъ дѣтей. Многіе Князья и вельможи приходили къ нему для бесѣды. Но безмолвіе келліи нравилось ему болѣе власти. Не смотря на просьбы братіи, онъ оставилъ мѣсто настоятеля и уединился

въ келліи. Архимандритомъ поставленъ былъ нѣкто Сергіи Азаковъ, въ послѣдствіи Епископъ Рязанскій. Но чѣмъ болѣе Кириллъ, укрываясь въ безмолвіи, убѣгалъ человѣческой славы, — тѣмъ болѣе Богъ прославлялъ его — и вотъ всѣ приходили къ нему отъ различныхъ странъ и городовъ, и пресѣкали его безмолвіе, и въ сладость слушали его слово, растворенное солюю. Такая слава Кирилла возбудила зависть въ Архимандритѣ Сергіѣ, который въ уваженіи къ нему видѣлъ презрѣніе къ себѣ. Онъ не скрылъ своего негодованія; но Кириллъ уступилъ гнѣву Настоятеля и отошелъ въ древній монастырь Рождества Богородицы, что на старомъ Симоновѣ. Здѣсь, продолжая безмолвіе, молился онъ ко Пречистой, чтобы Она указала ему путь спасенія. Въ глубокіе вечера имѣлъ онъ обычай пѣть акаѣисть Богоматери. Вотъ, въ одну изъ такихъ ночей, молился онъ и пѣлъ по обычаю акаѣисть передъ Ея образомъ, и когда дошелъ до мѣста во ікосѣ: «Странное рождество видѣвше, устранимся міра, и умъ на небо преложимъ,» — вдругъ услышалъ голосъ, ему говорящій: «Кириллъ! иди отсюда на Бѣлоозеро. Тамъ уготовано Мною тебѣ мѣсто, въ которомъ ты можешь спастися.» И вмѣстѣ съ тѣмъ озарилась вся его келлія. Онъ отворилъ оконце, и видитъ свѣтъ великій, сіяющій къ полунощнымъ странамъ Бѣлоозера. А голосъ тотъ, какъ перстъ, показывалъ то мѣсто, гдѣ нынѣ монастырь стоитъ. Всю ту ночь провелъ онъ въ радости отъ сего голоса и видѣнія, и та ночь была для него свѣтлымъ днемъ.

Вотъ прошло немного времени, и явился къ нему единопостриженникъ его, Ѳерапонтъ съ Бѣлоозера. Кириллъ началъ его спрашивать: есть ли мѣста на Бѣлоозерѣ, гдѣ бы можно было безмолвствовать иноку? Ѳерапонтъ отвѣчалъ, что очень много прекрасныхъ мѣстъ для уединенія. Блаженный не открылъ ему своего видѣнія, а только такъ его спрашивалъ. Но вотъ, по времени, оба они согласились и вышли изъ монастыря вмѣстѣ, и направили свой путь къ Бѣлоозеру. Достигнувъ его послѣ многихъ дней странствія, они тамъ обходили разныя мѣста, но ни одно изъ нихъ не любилося Святому: онъ все искалъ того мѣста, которое

было указано ему Пречистою, и наконецъ нашелъ и узналъ его, и возлюбилъ его, и сотворивъ молитву, сказалъ: «Се покой мой въ вѣкъ вѣка; здѣсь вселюся: тако изволила Пречистая. Благословенъ Господь Богъ отнынѣ и до вѣка, услышавшій мое моленіе.» Водрузивъ крестъ на томъ самомъ мѣстѣ и отпѣвъ благодарный молебенъ Пречистой, тогда только Кириллъ повѣдалъ своему спутнику тайну голоса и видѣнія. Оба прославили вмѣстѣ Бога и Его Матерь.

Сначала они соткали сѣнь изъ деревьевъ, а потомъ начали копать въ землѣ келью. Нѣсколько времени провели вмѣстѣ, но потомъ разлучились. Кириллъ остался тутъ, а Оерапонтъ отошелъ отъ него за 15 верстъ или болѣе, и нашелъ тамъ мѣсто близъ озера Паскаго, гдѣ поселился и создалъ церковь.

Кириллу было 60 лѣтъ, когда онъ пришелъ въ это дикое и безлюдное мѣсто и предпринялъ основаніе обители. Тридцать лѣтъ монастырской жизни, видно, воспитали въ немъ силу воли, готовую на подвиги болѣе тяжкіе. Постъ не изнурилъ его тѣла, а воздержаніемъ приучилъ его ко всѣмъ возможнымъ лишеніямъ. Въ тотъ самый возрастъ, когда другіе кончаютъ поприще, онъ, бодрый духомъ и силами тѣла, только что начинаеть новое—духовное просвѣщеніе страны дикой.

На мѣстѣ, гдѣ поселился Кириллъ, былъ огромный боръ и чаща. Людей никого. Мѣсто малое и круглое, но прекрасное; отовсюду, какъ стѣною, окружено водами. Вблизи того мѣста жилъ одинъ земледѣлецъ Исаія. За много лѣтъ до прибытія блаженнаго, слышался Исаіѣ звонъ отъ того мѣста, гдѣ надлежало быть монастырю, а передъ самымъ пришествіемъ его, не только раздавался звонъ, но и пѣвцы будто пѣли. Не одному Исаіѣ слышались эти звоны и голоса, но и многимъ, жившимъ въ окрестностяхъ. Они приходили къ тому мѣсту, откуда это раздавалось, чтобы узнать причину; но слышать слышали, а видѣть, не видали ничего.

Святой началъ подвиги свои въ подземной кельи. Два христіанина окрестныхъ мѣстъ, Авксентій Воронъ и Матей Кукось, бывшій послѣ пономаремъ обители, приходятъ къ Святому и помогаютъ ему. Начинается его борьба съ дьяволомъ и съ препятствіями природы. Однажды, утомленный трудомъ, Кирилль заснулъ въ лѣсу, не смотря на увѣщанія товарищей взять отдыхъ лучше въ кельѣ. Голось разбудилъ соннаго и велѣлъ ему бѣжать, и лишь только блаженный отскочилъ, какъ дерево навѣтомъ вражіимъ упало на то самое мѣсто, гдѣ онъ спалъ. Вырубилъ лѣсъ, очистилъ его, собралъ хворость и, желая на этомъ мѣстѣ посѣять что нибудь, зажегъ его. Дьяволъ воздвигъ вѣтеръ. Дымъ съ пламенемъ окружилъ отовсюду Святаго, и насилу спасенъ былъ онъ отъ пожара какимъ-то Тимошеемъ. Вотъ пришли къ нему два монаха изъ Симонова, его друзья и единомысленники, Зеведей и Діонисій. Обрадовался имъ Кирилль. Они стали жить вмѣстѣ. За ними начали приходить и другіе, и просить Кирилла о постриженіи. Пришелъ и Наѳанаилъ, впоследствии келарь обители. Новый врагъ открывается у Святаго: какой-то Андрей, завидуя тому, что Святой поселился на такомъ мѣстѣ, покушается нѣсколько разъ зажечь его келью. Но тщетно: невидимая сила тушитъ огонь. Пораженный чудомъ, Андрей раскаялся, сознался во всемъ блаженному и принялъ отъ него постриженіе.

Но вотъ, когда собралась братія около Кирилла, одна мысль одушевила всѣхъ: какъ бы воздвигнуть церковь *ради общаго собранія*. Всѣ молятъ о томъ Кирилла. Какъ быть? мѣсто отъ человѣческихъ жилищъ далеко; плотниковъ нѣтъ. Кирилль прибѣгаетъ съ молитвою къ Богоматери. Плотники, никѣмъ незваные, приходятъ — и поставлена церковь во имя Успенія.

Скоро распространилась молва о томъ, что и церковь построена, и обитель умножается. Заключили, что Кирилль долженъ быть богатъ, что онъ много денегъ принесъ съ собою изъ Симонова. Какой-то бояринъ Θεодоръ, видно промышлявшій разбоями, услышавъ объ этомъ, посылаетъ

ночью разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы отнять сокровища у Святаго. Но двѣ ночи сряду, приходятъ разбойники къ монастырю и видятъ, что окруженъ онъ воинствомъ, стрѣляющимъ изъ луковъ. Θεодоръ думалъ, не вельможа ли какой гоститъ въ монастырѣ; но узнавъ, что нѣтъ никого, понялъ чудо, пришелъ къ блаженному и раскаялся въ своемъ злодѣйствѣ. Кириллъ, утѣшая его, сказалъ ему: «повѣрь мнѣ, сынъ Θεодоръ, ничего я не имѣю, кромѣ этой ризы, которую на мнѣ видишь, да мало книжицъ». Съ тѣхъ поръ Θεодоръ никогда не приходилъ съ пустыми руками, а всегда передъ праздникомъ ловилъ рыбы на имя Кириллово, и приносилъ ему иногда одного осетра, иногда же двухъ.

Слава о блаженномъ Кириллѣ проходила повсюду. Имя его, какъ священное, произносилось всѣми. Перстами указывали на него за его добродѣтель. Одни хвалили его смиреніе, другіе воздержаніе, тѣ пользу отъ словъ его, тѣ нищету и простоту его. Въ числѣ иноковъ, постригшихся у Кирилла, былъ нѣкто Игнатій. Добродѣтелями своими онъ подражалъ Кириллу, но еще и тѣмъ прославился, что въ теченіи тридцати лѣтъ онъ никогда ни разу не ложился на ребрахъ, но стоя, а иногда немного присѣвши, спалъ.

Уставъ блаженнаго Кирилла былъ слѣдующій. Въ церкви никому нельзя было съ другимъ бесѣдовать, или выйти изъ храма прежде конца службы. По старшинству подходила братія поклоняться Евангелію и иконамъ. Самъ блаженный, стоя въ церкви, никогда не прислонялся къ стѣнѣ, не садился не во время. Ноги его были какъ столпы. Къ трапезѣ шли также по старшинству. Во время трапезы, раздавался только голосъ чтеца, при всеобщемъ молчаніи. Три кушанья было для братіи. Самъ Кириллъ ѣлъ только отъ двухъ—и то не до сытости. Питья не было другаго, кромѣ воды. Медъ и всякой напитокъ пьяный запрещено было вносить въ монастырь. Это запрещеніе простеръ Кириллъ и на время послѣ смерти своей. Вышесть изъ-за трапезы, никто не смѣлъ заходить къ другому, кромѣ

великой потребности. Кирилль однажды укорилъ за это покушеніе ученика своего, Мартиніана. Если кто получалъ въ монастырѣ письмо или поминокъ, долженъ былъ письмо нераспечатанное принести къ Кириллу, также и поминокъ. Такъ и изъ монастыря нельзя было написать письма, безъ его разрѣшенія. Ничего въ кельи нельзя было имѣть, или звать своимъ, а все было общее. Серебро и золото могло только принадлежать монастырской казнѣ, откуда братія все получала. Если кто чувствовалъ жажду, долженъ былъ идти въ трапезу, чтобы утолить ее. Воду позволялось держать въ келліи, только для умыванія рукъ. Кому случалось въ келью зайти, ничего не могъ видѣть у монаха, кромѣ иконы или книги. Соревнованіе было одно только позволено — прежде другихъ придти въ Божию церковь. Говорили между собою только изъ Писанія. Свое же любопытствіе каждый хранилъ про себя молча. Руководѣлемъ занимались—все для монастырской казны, а на себя никто не смѣлъ ничего дѣлать. Одежду, обувь, все нужное, получали изъ казны. Самъ Кирилль носилъ ризу раздранную и *многотшвенную*. Послѣ заутрени, ходилъ въ поварню и помогалъ служителямъ своими руками, только чтобы послужить братіи.

Когда совершалъ божественную литургію, или слушалъ чтеніе, или самъ читалъ, или стоялъ на своемъ келейномъ правилѣ, то не могъ удерживаться отъ слезъ. Случались недостатки въ монастырѣ, братія понуждала Святаго отнестись съ просьбою къ христіанамъ. — Кирилль никакъ не соглашался и училъ братію не просить у мірскихъ милостыни. Благочестивая Княгиня Аграфена, жена Князя Андрея Можайскаго, хотѣла однажды угостить всю братію рыбою, но время было постное: Настоятель не позволилъ. Лицепріятія у него не было. Зеведея, товарища по Симонову, который изъ первыхъ пришелъ къ нему, любилъ онъ; но когда замѣтилъ однажды красное лицо его въ окно своей келліи, то укорилъ друга и привелъ къ воздержанію.

Чудеса, въ числѣ многихъ другихъ, совершилъ онъ слѣдующія. Одинъ изъ братьевъ, Θεодотъ по имени, ненави-

дѣлъ Святаго: Кириллъ прозорливостію своею отгадалъ въ немъ это чувство и смиреніемъ побѣдилъ мѣншаго брата. Изцѣлялъ бѣснующихся и больныхъ; кормилъ народъ во время голода изъ житницъ, въ которыхъ жито не изсякало.

У Христофора, ученика Кириллова, занемогъ другъ его Сосипатръ. Христофоръ передалъ свою скорбь Кириллу. Онъ сказалъ ему: «повѣрь мнѣ, что никто изъ васъ прежде меня не умретъ, а, по отшествіи моемъ, многіе послѣдуютъ за мною.» Видя свое изнеможеніе, частыя болѣзни, и предчувствуя близкую смерть, девяностолѣтній Кириллъ помыслилъ написать послѣднее посланіе къ Князю Андрею Дмитріевичу Можайскому, которому поручилъ свой монастырь и особое наблюденіе за тѣмъ, чтобы сохранялось въ немъ общее житіе, имъ учрежденное. Князь Андрей исполнилъ завѣщаніе Кирилла. Далъ обители и дома великіе и озера, и много книгъ положилъ въ церковь. Передъ самою смертію, Кириллъ созвалъ всю братію, а всѣхъ было тогда, съ нимъ Богу работавшихъ, 53 человекъ. Передъ всѣми вручилъ монастырь ученику своему Иннокентію. До конца исполнялъ келейное правило. Въ праздники, когда самъ не могъ на своихъ ногахъ ходить въ церковь, ученики приводили его, и онъ самъ совершалъ литургію. Въ послѣдній разъ совершилъ онъ ее въ день Святаго Духа, на память Св. Кирилла Александрійскаго, и послѣ того началъ ослабѣвать тѣломъ. Рыдала братія, скорбѣла объ отходящемъ, о обители, что оскудѣетъ безъ него. Кириллъ утѣшалъ ихъ: «не скорбите, если я угодилъ Богу, то мѣсто не оскудѣетъ, а еще болѣе распространится; только любовь имѣйте между собою.» Послѣднія слова его были: «не скорбите, братья и дѣти, въ день покоя моего; уже часъ мнѣ почити о Господѣ; предаю васъ Богу и Его Пречистой Матери: Онъ да сохранитъ васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго, а сынъ мой, Иннокентій, да будетъ вамъ Игуменомъ вмѣсто меня: почитайте его, какъ меня; онъ исправитъ ваши недостатки.» Послѣдняя забота его была о томъ, чтобы не разорилось общее житіе. Братія подходила къ нему, со слезами цѣловалась съ нимъ, прощалась съ нимъ,

просила благословенія. Онъ, какъ чадолубивый отецъ, всѣхъ лобызалъ, всѣхъ ласкалъ, всѣмъ оставлялъ послѣднее благословеніе, и у всѣхъ самъ просилъ прощенія. Еще разъ причастился пречистыхъ Таинъ, и мирно и тихо отдалъ Господу свою святую и трудолюбную душу, «еще молитвъ въ устахъ его сущей.» 9-го Іюня 6935 (1427) года, братія, со мноюю честію и надгробнымъ пѣніемъ, покрыли землею многострадальное и трудолюбное тѣло его, сосудъ Пресвятаго Духа.

Отъ Кирилла Бѣлозерскаго осталось намъ три посланія къ тремъ братьямъ Князьямъ, съ которыми онъ былъ, какъ видно, въ самыхъ короткихъ, дружескихъ сношеніяхъ. Эти посланія, писанныя весьма простымъ языкомъ и исполненныя иноческаго смиренія, опредѣляютъ ясно тѣ нравственныя отношенія, какія были у насъ между представителями духовной жизни и Церкви, и представителями свѣтской власти. Расскажу ихъ содержаніе и приведу отрывки. Первое надписано къ Великому Князю Василию Димитріевичу и относится къ 1399 — 1402 годамъ. Кириллъ прежде всего радуется смиренію Великаго Князя всей земли Русской, который отъ толикой славы міра сего преклоняется къ нищетѣ его и братіи, и поручаетъ имъ молиться о грѣхахъ его. Все это приписываетъ Кириллъ великой любви Князя къ Богу и Пречистой Его Матери. За тѣмъ слѣдуютъ два наставленія: первое общее, другое частное. Вотъ первое: «Въздай же убо Благодателю долги святыя его храня заповѣди, всякого укланяясь пути, ведущаго въ пагубу. Якоже бо о кораблѣхъ есть, егда убо наемникъ, еже есть гребецъ, съблзнится, малъ вредъ творитъ плавающимъ съ нимъ; егда же кормчій, тогда всему кораблю сѣтворяетъ пагубу: такоже, господине, и о Князехъ. Аще кто отъ бояръ согрѣшитъ, не творитъ всѣмъ людемъ пакость, но токмо себѣ единому; аще ли же самъ Князь, всѣмъ людемъ, иже подъ нимъ, сотворяетъ вредъ. Ты же, господине, съ мноюю твердостію храни себе въ добрыхъ дѣлѣхъ; рече бо Святый Апостоль: «миръ имѣйте и святыню, безъ нея же никто же узритъ Господа.» Возне-

навиди, господине, всяку власть, влекущую тя на грѣхъ; непреложенъ имѣй благочестія помыслъ и не возвышайся, господине, временною славою къ суетному шатанію: малъ же убо и кратокъ суцій здѣ животь и съ плотію съряжена смерть. И сія убо помышляя, не впадещи въ ровъ гордостный: по бойся, господине, Бога, истиннаго Царя, и блаженъ будещи: «блажени бо, рече, боящеися Господа.» — Второе наставленіе касается раздоровъ В. Князя съ Князьями Суздальскими. Вотъ оно: «Да слышелъ есми, господине Князь Великій, что смущеніе велико между тобою и сродники твоими Князми Суздальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится. Ино, господине, посмотри того истинно, въ чемъ будетъ ихъ правда предъ тобою, и ты, господине, своимъ смиреніемъ поступи на себе; а въ чемъ будетъ твоя правда предъ ними, и ты, господине, за себе стой по правдѣ. А почнуть ти, господине, бити челомъ, и ты бы, господине, Бога ради, пожаловалъ ихъ, по ихъ мѣрѣ; занеже, господине, тако слышелъ есмь, что доселѣ были у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили (т. е. заратилися). И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблужденіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались. Занеже, господине, ни царство, ни княженіе, ни иная каа власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія; а еже, господине, възлюбити ближняго яко себе, и утѣшити душа скорбящая и озлобленья, много, господине, поможетъ на страшнѣмъ и праведнѣмъ Судѣ Христовѣ, понеже пишетъ Апостоль Павелъ ученикъ Христовъ: «аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ничтоже полза ми есть.» Възлюбленный же пишетъ Іоанъ Богословъ: «аще «кто речеть: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложь «есть.» Тѣмже и ты, господине, възлюби Господа Бога отъ всея душа своя; тако възлюби и братію твою и вся крестьяне: и тако, господине, вѣра твоя къ Богу и мило-

стыня твоя къ нищимъ Богомъ пріятна будетъ.» — Такъ раздавался смиренный голосъ инока въ пользу братской любви между враждовавшими Князьями, тогда какъ польза государственная, Московское единство, требовали другихъ соображеній. Симеонъ и Василій Кирдяпа, отстаивавшіе независимость Суздаля, умерли въ изгнаніи. Но внукъ Кирдяпинъ женился однако на дочери Великаго Князя. «Тое же зимы (1418) Князь Великій отдаетъ дщерь свою Василису за Князя Александра Ивановича Суждальскаго,» говоритъ летописецъ. Можетъ быть, и доброе слово Кириллово участвовало въ этомъ родственномъ примиреніи.

Другое посланіе надписано къ Можайскому Князю Андрею Дмитріевичу, тому самому, которому Кириллъ въ духовномъ своемъ завѣщаніи поручилъ обитель. Посланіе относится къ 1408 или 1413 году. Этотъ Андрей былъ также сынъ Дмитрія Донскаго, и родился 1382 года Августа 14-го дня; крещенъ же Игуменомъ Симонова монастыря, Феодоромъ, вѣроятно, въ то самое время, какъ Кириллъ жилъ въ монастырѣ. Отецъ его, Дмитрій, далъ Андрею въ удѣлъ Можайскъ, и сверхъ того благословилъ его куплею дѣда своего, Бѣлымъ Озеромъ. Вотъ чѣмъ объясняется особенное отношеніе Андрея къ обители Кирилла Бѣлозерскаго. Андрей ѣзжалъ часто въ свою Бѣлозерскую вотчину и могъ отсюда легко покровительствовать обители. Посланіе написано Кирилломъ въ отвѣтъ на посланіе Андреево, въ которомъ Князь извѣщалъ Кирилла о чудесахъ, бывшихъ отъ Богоматери. Упоминается въ немъ также о томъ, что Божія Матерь избавила Хрістіанъ отъ нашествія враговъ иноплемennыхъ. Этими двумя обстоятельствами опредѣляется время посланія.

Въ 1408 году было нашествіе Эдигей. Москва, конечно, спасена была чудомъ, потому что Великій Князь Василій Дмитріевичъ оставилъ ее—и, кромѣ всенародныхъ молитвъ, не было другой защиты. Князь Андрей, вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ Храбрымъ и братомъ своимъ, Петромъ, оставался тогда въ Москвѣ. Эдигей внезапно сдѣлалъ мирныя предложенія и удалился отъ Москвы. Къ

этому событію можетъ относиться посланіе. Къ соображенію можно принять еще другое происшествіе. Въ 1413 году, отъ Можайска за 10 версть, въ отчинѣ Князя Андрея Можайскаго, отъ иконы Богородицы явилось много изцѣленій слѣпымъ, хромымъ. Одинъ земледѣлецъ, по имени Лука, нашель эту икону на деревѣ; обогатился, ходя съ нею изъ города въ городъ, построилъ великолѣпный домъ и жилъ Княземъ, презирая всѣхъ; ловчій Князя Андрея Дмитріевича, оскорбленный грубымъ Лукою, пустилъ на него медвѣдя, который изломалъ его; Лука, приведенный въ чувство увѣщаніями Князя Андрея, отдалъ ему чудотворную икону и все свое имѣніе для построения обители Кольчинской, а самъ постригся въ ней и скоро умеръ. Вотъ на какомъ справедливомъ основаніи издатели Историческихъ Актовъ отнесли это посланіе къ 1408 или къ 1413 году.

Послѣ бесѣдованія о чудесахъ Богоматери, слѣдуютъ наставленія Кирилла Князю Андрею. Мы выпишемъ ихъ:

«И ты, господине Князь Андрей, видя челоуѣколюбіе и милосердіе Господа нашего Иисуса Христа, что гнѣвъ свой отъ насъ отвелъ, а милость свою явилъ народу крестьянскому, молитвами Пречистыя Госпожа Богородица Матере своей, и ты, господине, смотри того: властелинъ еси въ отчинѣ, отъ Бога поставленъ, люди, господине, свои уймать отъ лихаго обычая. Судъ бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ, право; поклеповъ бы, господине, не было; подметовъ бы, господине, не было; судьи бы господине, посуловъ не имали, доволны бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: «да не оправдиши нечестиваго мзды ради; ни силна, ни богата устыдится на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради; ни сътвориши неправду на судѣ, яко судъ истиненъ есть, проклятъ всякъ неправо судя.» Пророкъ рече: «ярость Господня на нихъ неисцѣльна до вѣка, и огонь поястъ нечестивыя, мзды ради, иже неправдою взимають.» А судя праведно, безо мзды, спасени будутъ и царство небесное наслѣдуютъ. И ты, господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ

не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнуть. Тако же, господине, и мытовъ бы у тебя не было, понеже, господине, куны неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дати труда ради. Такоже, господине, и разбоя бы и татбы въ твоей вотчинѣ не было. И аще не уймутся своего злаго дѣла, и ты ихъ вели наказывати своимъ наказаніемъ, чему будутъ достойни. Тако же, господине, уймай подь собою люди отъ скверныхъ словъ и отъ лаянія, понеже то все прогнѣваетъ Бога; и аще, господине, не потщишия всего того управити, все то на тебѣ възыщется: понеже властитель еси своимъ людемъ, отъ Бога поставленъ. А крестьяномъ, господине, не лѣниси управы давати самъ: то, господине, выше тебѣ отъ Бога вмѣнится и молитвы и поста. А отъ упиванія бы есте уймались, а милостынку бы есте по силѣ давали: понеже, господине, поститись не можете, а молитися лѣнитесь; ино въ то мѣсто, господине, вамъ милостыня вашъ недостатокъ исполнить.» Такъ говоритъ инокъ Князю о стояніи въ церкви: «Въ церкви стойте, господине, съ страхомъ и трепетомъ, помышляюще въ себѣ аки на небеса стояще: занеже, господине, церковь наречется земное небо, въ ней же съвершаются Христова таинства. Блюди и себе, господине, опасно: въ церкви, господине, стоя, бесѣды не твори и не глаголи, господине, никакого слова празна; и аще кого видиши отъ велможъ своихъ или отъ простыхъ людей, бесѣдующа въ церкви, и ты имъ, господине, възбранай: понеже, господине, то все прогнѣваетъ Бога.»

Третье посланіе написано къ Звенигородскому Князю, Георгію Димитріевичу, также брату первыхъ двухъ. Трехъ лѣтъ, присутствовалъ онъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ при погребеніи Св. Алексія Митрополита, а родился въ Переславль-Залѣскомъ, въ 1374 году, и крещенъ Преподобнымъ Сергіемъ. Было ему 15 лѣтъ, когда отецъ его, Димитрій, умирая, далъ ему въ удѣлъ Звенигородъ и Рузу, и сверхъ того благословилъ его Галичемъ. Оснадцати лѣтъ, онъ, подь начальствомъ дяди своего, Владиміра Андреевича,

уже воевалъ съ Новгородцами. Двадцати пяти лѣтъ, завоевалъ для брата своего, Василя, Казанскую Болгарію, а на 26-мъ году жизни (1400) женился на Анастасіи, дочери изгнанника, Князя Смоленскаго, Юрія Святославича. Долго боролся онъ за свое право быть Государемъ Московскимъ съ племянникомъ своимъ, Василіемъ Темнымъ, вытерпѣлъ униженіе въ Ордѣ, долженъ былъ вести коня подъ племянникомъ; но не уступилъ и передалъ вражду свою дѣтямъ. Посланіе написано Кирилломъ къ Князю, по случаю болѣзни супруги его. Инокъ предлагаетъ ему духовныя утѣшенія. Георгій, какъ видно, хотѣлъ посѣтить обитель Кирилла, но сей послѣдній уклонялся отъ столь высокой чести, боясь зависти. Вотъ слова его: «Еще господине, самъ сего поразсуди: понеже твоя вотчины въ сей странѣ нѣтъ, и только ты, господине, поѣдешь съмо, ино вси челоуѣци начнутъ глаголати: «Кирила дѣля токмо поѣхалъ.» Былъ, господине, здѣсь братъ твой, Князь Андрей: ино, господине, его вотчина, и намъ пришла нужда: не лѣзъ намъ ему, своему господину, челоуѣ не ударити. А ты, господине, Бога ради, не учини того, что ти къ намъ ѣхати.» Подъ именемъ вотчины Андрея разумѣется земля Бѣлозерская. Слова: яко же ти и прже сего писахъ, показываютъ, что Кириллъ писалъ къ Князю Георгію и другія посланія.

Изъ этихъ немногихъ посланій виденъ смиренный и христіанскій характеръ Кирилла, видна простота его какъ въ мысли, въ чувствѣ, такъ и въ словѣ, и видна наконецъ та прекрасная духовная связь, которая соединяла отшельника съ державцами Русской земли.

Составивъ себѣ понятіе о томъ, кто основалъ обитель, перейдемъ теперь къ памятникамъ самой обители.

СПИСОКЪ

рисунковъ, приложенныхъ къ первой части.

1. Изображеніе Преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго, снятое съ его иконы - портрета, писаннаго Преп. Діонисіемъ Глушицкимъ и хранящагося въ ризницѣ монастыря..... къ заглавному листу.
2. Спасопреображенскій соборъ въ Переславлѣ За-лѣсскомъ..... къ страницѣ 50
3. Изображеніе бракосочетанія въ древнихъ оде-ждахъ Русскихъ, снятое съ иконы 1682 года, хранящейся въ томъ же соборѣ..... къ страницѣ 52
4. Часовня на мѣстѣ столпа Св. Никиты Переслав-скаго, стоящая на большой дорогѣ, къ страницѣ 64
5. Извозчикъ Семенковской станціи, Иванъ, съ гре-ческимъ профилемъ..... къ страницѣ 97
6. Портретъ слѣпца - математика М. А. Серебря-кова..... къ страницѣ 100
7. Воспоминаніе о К. Н. Батюшковѣ... къ страницѣ 113
8. Снимокъ съ иконы Св. Θεодора Стратилата въ Вологодской церкви Свв. Елены и Констан-тина..... къ страницѣ 125
9. Женскій нарядъ въ селѣ Кубенскомъ къ страницѣ 134
10. Видъ на Кирилло-бѣлозерскій монастырь, снятый съ озера..... къ страницѣ 136

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ТРОИЦКАЯ ЛАВРА.

Стран.

Цѣль поѣздки и описанія.—Путешествія по Россіи.—24-е Юнѣ.—
Воспоминанія по дорогѣ къ Троицѣ. — Мытищи. — Село Пушкино. —
Хатьковъ монастырь.—Странники.—Дорога до Троицы.—Лавра.—Юро-
дивый съ хлѣбомъ. — Литургія у раки Препод. Сергія. — Мысль всей
жизни Преп. Сергія.—Трапеза.—Картины на стѣнахъ и странники. —
Иконы. — Ризница.—А. В. Горскій.—Его Исторія Флорентійскаго собо-
ра. — Ученые Московской Духовной Академіи.—Библіотеки: Академіи и
Лавры.—Новое открытіе А. В. Горскаго о годѣ изобрѣтенія Славянской
грамоты.—Рукописи.—Ө. А. Голубинскій.—Двойной характеръ его бесѣ-
ды. — Мысли о нѣмецкихъ философахъ.—Богоугодныя заведенія при
Лаврѣ.—Виванія.—Церковь.—Домъ Митрополита Платѣна.—Гесиманія... 1

АЛЕКСАНДРОВЪ.

Дорога отъ Троицы къ Александрову. — Слодино. — Новгородское
карѣиче. — Александровъ. — Наружность города. — Уѣздное училище. —
Успенскій дѣвичій монастырь. — Соборная церковь монастыря. —Едино-
главіе.—Иконостасъ.—Васильевскія двери.—Успенскій храмъ. — Остатки
покоевъ Іоанна. — Подвалы. — Италійскіе часы. — Основаніе обители.—
Память сестеръ Петра Великаго.—Усыпальни.—Монастырская ризница.—
И. Ө. Барановъ.—Отсутствіе устныхъ преданій о Грозномъ 51

ПЕРЕСЛАВЛЬ ЗАЛѢСКОЙ.

Дорога въ Переславль.—Озеро Плещеево.—Слѣды пожара въ го-
родѣ.—Древности Переславля.—Проводникъ Акимъ Алексѣевъ.—Новый
соборъ.—Преданіе о Купалѣ. — Древній соборъ Спасопреображенскій.—
Иконы. — Изображеніе таинства брака 1682 года. — Гробницы. —
Храмъ Петра Митрополита. — Видъ съ колокольни собора. — Птицы-
рыболовы. — Житіе Никиты Переславскаго, слышанное изъ устъ не-
грамотнаго мѣщанина. — Монастырь Горницкій.—Рыбацкая Слобода.—
Даниловъ монастырь. — Веськово. — Гремячъ. — Ботикъ Петра Вели-
каго. — Указъ Петра В. — Видъ на озеро. — Училища. — Прозектъ
изданія древностей Владимірскихъ 48

РОСТОВЪ.

Монастырь Никиты Переславскаго. — Преданіе объ изцѣленіи Князя Михаила Черниговскаго. — Шоссе. — Ярлыкъ. — Иаковлевскій монастырь. — Видъ на озеро. — Училища. — Гостиницы. — Соборная церковь. — Ростовскіе чудотворцы. — Гробницы. — Иконы. — Измѣненіе одной главы въ пять главъ. — Солнечные часы. — Соборная колокольня и ея звоны. — Ростовскій Кремль. — Церковь крестовая въ Архiereйскомъ домѣ. — Мѣсто кончины Святителя Димитрія. — Палаты: бѣлая и красная. — Исидоръ Христа ради юродивый. — Аврааміевъ Боговладенскій монастырь. — Преданіе о сокрушеніи идола Велеса. — Другія преданія о Св. Аврааміи. — Петровскій монастырь. — Житіе Петра Царевича. — Собраніе портретовъ въ кельяхъ О. Архимандрита Поликарпа. — Ризница монастыря Иаковлевскаго. — Колесница Святителя Димитрія. — Вечерній видъ съ башни на озеро и городъ. — Сцены изъ народной жизни 65

ЯРОСЛАВЛЬ.

Дорога къ Ярославлю. — Видъ изъ селенія Крестъ. — Русскіе кругозоры. — Видъ на Ярославль. — Виды древнихъ городовъ Русскихъ. — Слова Блазіуса о людности улицъ и красотѣ женщинъ. — Волга и бурлацкая пѣсня. — Памятникъ Демидову. — 5-е Юл. — Праздникъ Св. Василя и Константина. — Владимірская икона Богоматери изъ Ростова. — Церковный ходъ. — Рубленый городъ. — Разговоръ съ мѣщаниномъ. — Любитель старины. — Разговоръ съ судовщиками. — Толгскій монастырь. — Разные роды судовъ на Волгѣ. — Грамоты въ монастырь..... 82

ДОРОГА ВЪ ВОЛОГДУ. — ГРЯЗОВЕЦЬ.

Впечатлѣнія по дорогѣ въ Грязовець. — Монастырь Препод. Корнилія Комельскаго. — Братія и Пгумень. — Жизнь Преподобнаго. — Древности и грамоты монастыря. — Железистые ключи. — Заповѣданное дерево. — Извоицкъ Иванъ. — Современная народная пѣсня. — Грязовецкій слѣпецъ-математикъ: М. А. Серебряковъ. — Вечернія духовныя чтенія жителей Грязовца. — Папорзокъ; слово изъ Слова о полку Игоревѣ. 93

ВОЛОГДА.

Гостиница Лондонъ. — Слова Блазіуса. — Наружность Вологды. — Древнее значеніе города. — Соборъ. — Мысль о его возобновленіи. — Директоръ Гимназій: А. В. Башинскій и Инспекторъ: О. Н. Фортунатовъ. — Бесѣда съ ними. — Дѣйствіе журналовъ. — Дѣйствіе гимназій. — Разсужденіе О. Н. Фортунатова о воспитаніи. — Батюшковъ. — Селенія Вологодской губерніи. — Семисотлѣтіе Вологды. — Статистическія таблицы города за 1836 годъ. — Простраство Вологодской губерніи. — Монастырь Спасо-Прилуцкій. — Убѣжище церковныхъ сокровищъ

Москвы въ 1812 году. — Надписи въ память о томъ. — Архіепископъ Ириней. — Древности ризницы. — Бесѣды съ Преосвященнымъ. — Три мысли, извлеченныя изъ бесѣдъ его. — Всеградская церковь Спаса обывденнаго. — Церковь Усѣкиовенія Іоанна Предтечи. — Законоучитель Гимназіи П. В. Васильевскій. — Память Преосвященнаго Иннокентія. — Церковь Св. Ѳеодора Стратилата. — Память объ Іоаннѣ Грозномъ и Петрѣ Великомъ. — Остатки дома 1704 года. — Часовня на мѣстѣ стоявшихъ мощей Митрополита Филиппа. — Церковь Свв. Елены и Константина. — Икона Св. Ѳеодора Стратилата. — Церковь Архангела Гавриила. — Преданіе о бѣлоризцахъ. — Древнѣйшій храмъ Вологды во имя Св. Троицы и Св. Герасима. — Мощи Угодника. — Домъ купцовъ Пятыйшевыхъ. — Три духовныя ограды Вологды.....	104
--	-----

ДОРОГА ИЗЪ ВОЛОГДЫ ВЪ КИРИЛОВЪ.

Прилуцкіе калачи. — Пѣсни извозчика. — Выговоръ. — Села по дорогѣ. — Озеро Кубенское. — Село Кубенское. — Его храмы. — Сосуды и иконы въ храмахъ. — Видъ съ колокольни. — Кѹбена и Сѹхона. — Ловля рыбы въ озерахъ. — Промыслы Кубенцевъ. — Повѣрка показаній Блазіуса. — Обычай. — Женскій головной уборъ. — Село Нювденское. — Вопросы и отвѣты. — Копытово. — Преданіе объ Угодникахъ. — Мѣстность и растительность по дорогѣ въ Кириловъ. — Видъ на монастырь издали. — Яелка богомольцевъ	127
--	-----

КИРИЛОВЪ МОНАСТЫРЬ.

Жизнь и посланія Угодника.

Городъ Кириловъ. — Видъ монастыря вблизи — Ваѣшній дворъ. — Внутренній. — Архимандритъ Ефремъ. — Мощи Преп. Кирилла Бѣлозерскаго. — Житіе Святаго: время сочиненія. — Семейная жизнь Кирилла. — Постриженіе. — Послушаніе. — Бесѣды съ Препод. Сергіемъ. — Слава его. — Юродство. — Священникъ. — Архимандритъ. — Отреченіе отъ сего сана. — Безмолвіе. — Молитва о пѹстыни. — Голосъ и видѣніе. — Бесѣда съ Ѳерапнтономъ бѣлозерцемъ. — Странствіе. — Находить мѣсто для обители. — Первые труды. — Борьба съ препятствіями. — Основаніе обители. — Строеіе церкви. — Правила Устава. — Жизнь К. среди братіи. — Отношенія къ Князю Андрею Дмитр. Можайскому. — Кончина Препод. — Посланія Преп. Кирилла къ Князьямъ: Василію, Андрею и Георгію Дмитріевичамъ.....	156
---	-----

